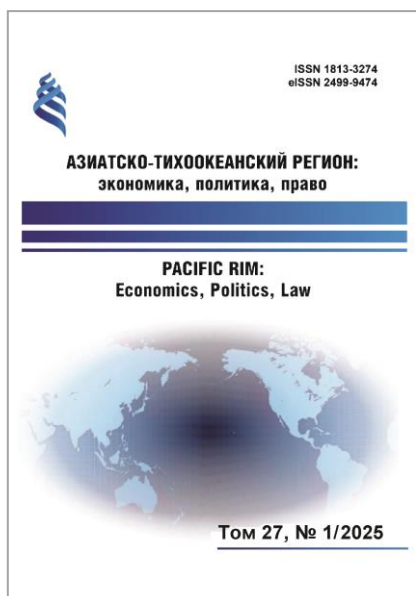

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: **экономика, политика, право**

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Научный журнал

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, Приморский край,
г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10

Подписано в печать 24.03.2025.
Тираж 500 экз. Заказ 060.
Дата выхода в свет 28.03.2025.
Цена свободная

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2025

Учредитель и издатель:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор),
свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016.

Подписной индекс 83612.

Включён в Перечень рецензируемых научных
журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соис-
кание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Индексируется в базах данных РИНЦ, Киберле-
нинка, Google Scholar, Publons, Ulrich's Periodicals
Directory.

Адрес редакции:

690922, Приморский край, г. Владивосток, остров
Русский, п. Аякс, д. 10, кампус ДВФУ, корп. А (24),
к. А920–923

Редактор *Е.Л. Ефремова*

Перевод на английский язык *Н.В. Бетанкурт*

Редактор References *Т.В. Поликарпова*

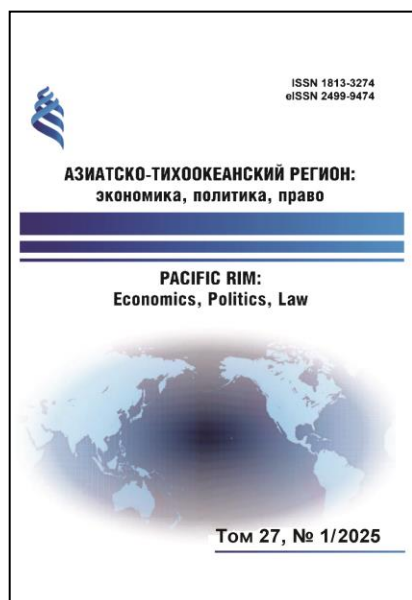
Компьютерная верстка *Г.П. Писаревой*

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Scientific Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Printed by the printing house
of the Far Eastern Federal University
Publishing House
690091, Vladivostok, 10 Pushkinskaya str.

Signed for publication 24.03.2025.
The circulation is 500 copies. Order 060.
Release date 28.03.2025.
The price is free.

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. ФС 77-65746 dated 20.05.2016.

The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.

The Journal is indexed in the Russian Index of Science Citation, Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A, office A920–923

Editor *E.L. Efremova*

Translation into English by *N.V. Betancourt*

References editor *T.V. Polikarpova*

Computer layout *G.P. Pisareva*

Главный редактор журнала

КОРОБЕЕВ
Александр
Иванович   заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация

Заместители главного редактора

ГАВРИЛОВ
Вячеслав
Вячеславович   доктор юридических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация

МАМЫЧЕВ
Алексей
Юрьевич   профессор кафедры российской политики, заведующий лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного уни-верситета имени М.В.Ломоносова, доктор политических наук, доцент, Москва, Российская Федерация

Ответственный секретарь

КОРОЧЕНЦЕВ
Владимир
Владимирович   профессор департамента общей и экспериментальной физики Института наукоемких технологий и передовых материалов Дальневосточного федерального университета, доктор физико-математических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация

Редакционная коллегия

БЕЛКИН
Виктор
Григорьевич   советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация

ВАНДЕРХЗВААГ
Дэвид   директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада

ВОЛЫНЧУК
Андрей
Борисович   ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация

ВОТИНЦЕВА
Людмила
Ивановна   член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

ЖАРИКОВ
Евгений
Прокофьевич   доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация

КАПУСТИН
Анатолий
Яковлевич   научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич

судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

КОРОТКИХ
Наталья
Николаевна

профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация

КОШЕЛЬ
Алексей
Сергеевич

проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доктор юридических наук, доцент, Москва, Российская Федерация

КУРИЛОВ
Владимир
Иванович

член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация

ЛИ
Ик Хён

вице-президент Университета Моквон, Тэджон, Республика Корея

НОМОКОНОВ
Виталий
Анатольевич

профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация

ПАК
Ноенг

профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПАНОВА
Инна
Викторовна

профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Российская Федерация

ПЕСЦОВ
Сергей
Константинович

профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация

РОГОВ
Игорь
Иванович
СЕВАСТЬЯНОВ
Сергей
Витальевич

заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан
профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Российская Федерация

ТРЕТЬЯК
Ольга
Анатольевна

заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Российская Федерация

ФУ
Куенчен
ХУАН
Даосю

профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Vladivostok, Russian Federation

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Alexey Yu. Mamychhev Professor of the Department of Russian Politics, Head of the Laboratory of Political and Legal Research, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Moscow, Russian Federation

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Professor of Department of General and Experimental Physics, Institute of High Technologies and Advanced Materials, Far Eastern Federal University, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Editorial Board

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russian Federation

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Lyudmila I. Votintseva Professor of Department of Modern Banking, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg, Russian Federation

Evgeny P. Zharikov Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russian Federation

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russian Federation

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

Natalia N. Korotkikh	Professor of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
Alexey S. Koshel	Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russian Federation
Vladimir I. Kurilov	Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
Ik Hyeon Rhee	Vice President, Mokwon University, Daejeon, the Republic of Korea
Vitaly A. Nomokonov	Professor of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
Park Nohyoung	Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the School of Law of Far Eastern Federal University
Inna V. Panova	Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics", Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russian Federation
Sergey K. Pestsov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russian Federation
Igor I. Rogov	Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan
Sergey V. Sevastyanov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation
Olga A. Tretyak	Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russian Federation
Fu Kuen-chen	Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
Huang Daoxiu	Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Professor, Beijing, People's Republic of China

Содержание

К читателям журнала.....	8
ЭКОНОМИКА	13
Окишева Н.К. Методические подходы к оценке и прогнозированию налогового потенциала	13
Будаева С.Б. Оценка удовлетворенности и лояльности потребителей санаторно-курортных услуг Республики Бурятия	21
Дун Чэнь. Проекты в области устойчивой энергетики в Китае: положительный и отрицательный опыт и перспективы	30
Левкина Е.В., Гусев Е.Г., Киричек А.И. Управление экономической безопасностью на мезоуровне (на примере здравоохранения в Приморском крае).....	44
ПОЛИТИКА	55
Дор Жан Смит. Партнерство или соперничество? Взаимодействие Китая с Россией по вопросам региональной безопасности в рамках ШОС	55
Алхаджаль М.М.М., Андрианова М. Индо-Тихоокеанские стратегии великих держав: КНР как источник геополитической тревоги	66
Харичков В.В. Сравнительный анализ украинского и тайваньских кейсов.....	80
Наливкина А.Д. Вакцинная дипломатия России и Китая как маркер сотрудничества государств в сфере достижения параметров устойчивого развития	92
ПРАВО	102
Федосеева В.Д., Шуваев А.В. Правовые проблемы, приводящие к нарушению прав и интересов детей в процессе их усыновления иностранными гражданами	102
Чучаев А.И., Грачева Ю.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов: правовая природа и вопросы уголовно-правовой характеристики	113
Попова А.Ю. О Понятии иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности, а также место этой организации в структуре объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ.....	125
Веренин Л.В., Синякин И.И., Скуратова А.Ю. Соотношение норм <i>jus cogens</i> и <i>erga omnes</i>	138
Спирин П.Н. О перечне составов преступлений, именуемых «таможенными»	159

Contents

To the readers	8
ECONOMICS	13
Okisheva N.K. Methodological approaches to assessment and forecasting of tax potential	13
Budaeva S.B. Studying the needs of the population of Buryatia in resort treatment and health	21
Dong Chen. Sustainable energy projects in China: positive and negative experiences and prospects	30
Levkina E.V., Gusev E.G., Kirichek A.I. Management of economic security at the meso level (on the example of healthcare in Primorsky Krai)	44
POLITICS	55
Dor Jean Smith. Partnership or rivalry? China's Interaction with Russia on Regional security issues within the SCO	55
Alhajal M.M.M., Andrianirina M. Indo-Pacific great power strategies: the PRC as a source of geopolitical anxiety	66
Kharichkov V.V. Comparative analysis of the Ukrainian and Taiwanese cases	80
Nalivkina A.D. Vaccine diplomacy of Russia and China as a marker of cooperation of states in achieving sustainable development parameters	92
LAW	102
Fedoseeva V.D., Shuvaev A.V. Legal problems leading to violation of the rights and interests of children in the process of their adoption by foreign citizens	102
ChuchaeV A.I., Gracheva Yu.V. Obstruction of legitimate professional activity of journalists: legal nature and questions of criminal law characteristics	113
Popova A.Yu. The concept of a foreign or international organization, in respect of which a decision has been made to recognize its activities as undesirable on the territory of the Russian Federation, as well as the place of this organization in the structure of the objective side of the crime stipulated by Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation	125
Vereina L.V., Sinyakin I.I., Skuratova A.Yu. The relationship between jus cogens and erga omnes norms	138
Spirin P.N. On the list of crimes referred to as 'customs' crimes	159

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 28 ноября 2022 года журнал включён в обновленный Перечень ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки).

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.2.4. Финансы.

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики.

5.5.4. Международные отношения.

Юридические науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать материалы, согласно указанной рубрике, объёмом не более 20 страниц текста, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021), которые должны включать:

- УДК;
- название статьи – на русском и английском языках;
- Ф.И.О. автора (полностью), место и адрес (город и страна) его работы, учёбы – на русском и английском языках;
- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID (*без слова ORCID* в формате <https://orcid.org/...>) и (или) Researcher ID;
- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2023;
- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (10–15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;
- основной текст статьи – на русском языке (текст желательно структурировать);
- список источников (на рус. яз.), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) с обязательным указанием общего количества страниц в печатном источнике;
- полные сведения об авторе (после References): учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно.

Подписи к иллюстративному материалу необходимо приводить на русском и английском языках.

Ссылки оформляют как внутритекстовые, помещают их в квадратных скобках, например: [5] или [5, с. 18].

Авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14.

Пример оформления статьи приведён на сайте журнала в рубрике «Правила оформления статьи» (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: journals.dvfu.ru/ATR

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of November 28, 2022 the journal is included in the updated list of VAK (Higher Attestation Commission) of the following academic specialties:

Economic Sciences:

5.2.1. Economic Theory (Economic Sciences).

5.2.5. World Economy (Economic Sciences).

5.2.3. Regional and Branch Economics.

5.2.4. Finance.

Political Sciences:

5.5.2 Political Institutions, Processes, Technologies.

5.5.3. Public Administration and Sectoral Policies.

5.5.4. International Relations.

Legal sciences:

5.1.1 Theoretical and Historical Legal Sciences.

5.1.2 Public Law Sciences.

5.1.3 Private (Civil) Law Sciences.

5.1.4 Criminal Law Sciences.

5.1.5 International Legal Sciences.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

To publish an article in the journal, it is necessary to send materials, according to the specified heading, no more than 20 pages of text, designed according to the model of the journal, which should include:

- UDC;
- title of the article – in English and Russian;
- full name of the author, place and address (city and country) of his work or study – in English and Russian;
- the author's email address (without the word e-mail), ORCID and (or) Researcher ID;
- copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2023;
- abstract (200–250 words), keywords (10–15 words or word combinations) – in English and Russian;
- main text of the article (it is desirable to structure the text);
- References (BSI transliteration) with the obligatory indication of the total number of pages in the printed source;
- full information about the author (after References): academic degree and academic title, position, place of work (institution, city, country) – in English and Russian, respectively.

Links should be placed in square brackets, for example: [5] or [5, p. 18].

The author's original must be sent in electronic form, Times New Roman font, size 14.

A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric “The article design rules” (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax Bay, building D, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: journals.dvfu.ru/ATR

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 13–20.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 13–20.

ЭКОНОМИКА / ECONOMICS

Научная статья

УДК 336.22

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/13-20>

Методические подходы к оценке и прогнозированию налогового потенциала

Наталья Константиновна Окишева

Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

✉ 7753191@list.ru

Аннотация. Исследование представляет собой обширный анализ методических подходов к оценке и прогнозированию налогового потенциала с учётом макроэкономических, налоговых и социально-демографических аспектов. В работе выделены основные принципы, формирующие основу эффективного подхода к оценке налоговых возможностей, и подчёркнута необходимость системного анализа для устойчивого экономического развития.

Ключевые слова: налоговый потенциал, оценка налогового потенциала, прогнозирование, макроэкономический анализ, налоговая структура, налоговая база

Для цитирования: Окишева Н.К. Методические подходы к оценке и прогнозированию налогового потенциала // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 13–20.

Original article

Methodological approaches to assessment and forecasting of tax potential

Natalia K. Okisheva

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

✉ 7753191@list.ru

Abstract. The study is an extensive analysis of methodological approaches to assessment and forecasting of tax potential, taking into account macroeconomic, tax and socio-

demographic aspects. The work highlights the main principles that form the basis of an effective approach to assessing tax opportunities, and emphasizes the need for a systemic analysis for sustainable economic development.

Keywords: tax potential, assessment of tax potential, forecasting, macroeconomic analysis, tax structure, tax base

For citation: Okisheva N.K. Methodological approaches to assessment and forecasting of tax potential. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 13–20. (In Russ.).

Оценка и прогнозирование налогового потенциала представляют собой важные аспекты финансовой стратегии государства, направленные на обеспечение устойчивого экономического развития. Данный процесс включает в себя систематическое анализирование и измерение способности страны или региона мобилизовывать доходы от налогов для финансирования государственных программ и обеспечения социальных потребностей. Эффективное использование налоговых ресурсов требует не только точной оценки текущего налогового потенциала, но и разработки методов прогнозирования его изменений в долгосрочной перспективе.

В настоящее время различные страны применяют разнообразные методологии и подходы к оценке и прогнозированию налогового потенциала, учитывая свои специфические экономические, социальные и правовые условия. Однако, несмотря на разнообразие подходов, существуют общие методические принципы, которые лежат в основе эффективного анализа налоговых возможностей. Первым ключевым аспектом является комплексный анализ экономических показателей, таких как валовой внутренний продукт (ВВП), уровень безработицы, инфляция и другие, которые могут влиять на способность страны к сбору налогов. Такой подход позволяет учитывать макроэкономические факторы, влияющие на доходы государства. Второй аспект связан с анализом налоговой базы и структуры налоговой системы. Это включает оценку объёма налогооблагаемого дохода, степени эффективности существующих налоговых инструментов, а также оценку потенциальных изменений в законодательстве, которые могут повлиять на налоговую базу. Третий аспект касается социальных и демографических факторов, включая уровень занятости, структуру населения и распределение доходов. Эти данные не только позволяют оценить потенциал для сбора налогов, но и помогают предсказать изменения в паттернах потребления и поведения налогоплательщиков.

На уровне Европейского союза государства-члены сами устанавливают, когда определённые территории становятся налогооблагаемыми для строительства [1]. Однако в некоторых странах ЕС вопрос о том, как классифицировать такие территории, остаётся нерешённым. Эта проблема связана с распределением полномочий между центральными и местными властями в области территориального планирования [2].

Если взять в качестве примера Италию, то пригодность к застройке присваивается территориям с помощью общих градостроительных документов муниципального уровня, а иногда и с помощью оперативных документов, более ограниченных по сфере действия, которые вносят изменения в действующие муниципальные документы [3]. Процесс утверждения общего градостроительного документа или его изменений включает несколько этапов. Сначала муниципалитет принимает документ, затем он подлежит утверждению региона после получения всех необходимых заключений и разрешений от соответствующих отраслевых органов, ответственных за градостроительные процедуры. При этом возможно предварительное утверждение документа о реализации, такого как детальный план, план развития или план строительства общественного жилья [4]. С точки зрения градостроительства земельный участок считается «пригодным для строительства» только после вступления в силу общего градостроительного документа. Этот процесс может занять много времени, даже несколько лет. Защитные положения также могут задерживать этот процесс. Только после этого можно получить разрешение на строительство.

С другой стороны, с точки зрения налогообложения даже простое принятие общего градостроительного документа может ошибочно квалифицировать территорию как «пригодную для строительства» и подлежащую ежегодному налогообложению. В Италии, например, принятие такого документа означает оценку территории для целей налогообложения, такой как единый муниципальный налог (IMU). На территории, подлежащей общему градостроительному утверждению (POBU), в Италии возникает интересная динамика. Хотя право на строительство на этой территории не может быть реализовано, владелец всё равно подвергается периодическому налогообложению, пропорциональному этому потенциальному праву.

В итальянском правовом контексте этот вопрос уже давно рассмотрен, но в Европе продолжают судебные споры по данному вопросу, с принятием противоречивых решений относительно того момента, когда участки, подлежащие налогообложению, становятся пригодными для строительства. В Италии преобладает тенденция оценивать стоимость участков POBU для налогообложения исходя из права на строительство, даже если это право прописано только в общем градостроительном документе, который ещё не может быть реализован. Этот подход не учитывает, что такие участки, если они выступают в качестве залога по кредитам, рассматриваются сельскохозяйственной стоимостью [5].

Европейский центральный банк (ЕЦБ) выявил, что при оценке активов, используемых в качестве залога, площади, пригодные для застройки, могут считаться таковыми только после завершения процесса получения разрешения на строительство. В противном случае следует оценивать сельскохозяйственную стоимость. Это имеет важное значение при анализе активов банков и определении их качества.

Современные исследователи выделяют несколько основных типов местного налогового потенциала в зависимости от направленности оценки и перспектив увеличения. «Формирование местного налогового потенциала обусловлено множеством различных факторов. Так, некоторые авторы считают, что налоговый потенциал напрямую связан со структурным экономическим фактором. Другие считают, что среди факторов, влияющих на местный налоговый потенциал, следует различать внешние (экзогенные) и внутренние (эндогенные) факторы» [3]. На налоговый потенциал субъекта Российской Федерации влияют нормативные, ресурсные, демографические, организационные, производственные и инфраструктурные факторы. Налоговый потенциал субъекта Российской Федерации строится в тесной связи со структурой налоговых поступлений. Его высокая диверсификация по секторам экономики и видам налоговых платежей обеспечивает стабильность налоговой системы на региональном уровне. «В современной литературе предлагаются различные методы оценки налогового потенциала субъекта Российской Федерации. Прямые методы оценивают и прогнозируют колебания налоговых поступлений, в то время как косвенные методы обеспечивают всесторонний анализ функционирования экономической инфраструктуры, численности местной рабочей силы и ресурсного потенциала. Поэтому первым из методов оценки налогового потенциала является оценка с использованием показателей валового регионального продукта (ВРП)» [2]. «ВРП – это сумма валовой добавленной стоимости на всех этапах производственного процесса всеми хозяйствующими субъектами региона. В более широком смысле ВРП является налоговой базой для всех ключевых региональных налогов. Кроме того, в соответствии с ранее действовавшей практикой налогообложения, средняя налоговая нагрузка на экономику может быть рассчитана для каждого региона» [4].

Второй метод предполагает использование для анализа совокупных налогооблагаемых ресурсов. Предполагается отдельно рассчитывать выручку организаций, доходы физических лиц, стоимость имущества, транспортных средств и другие показатели, составляющие налогооблагаемую базу по различным категориям налогов, сборов и страховых взносов.

Следующий метод оценки налогового потенциала предполагает изучение потоков доходов на душу населения, что напрямую связано с уровнем экономического развития региона. На основе статистических данных прогнозируется потенциальный доход бюджета на душу населения.

Все рассмотренные варианты фискального подхода к оценке налогового потенциала являются косвенными. Они обеспечивают высокую точность анализа, но довольно сложны в использовании. Довольно распространённым методом оценки налогового потенциала региона является последующий анализ фактически собранных налогов, сборов и страховых выплат за несколько прошлых налоговых периодов. Этот метод прост в использовании, но он не оценивает потенциал неполученных

налоговых платежей. Также может быть использован межправительственный подход к оценке налогового потенциала, который предполагает общую оценку доходов бюджета с распределением доли налоговых поступлений и планированием бюджетных расходов. Использование различных методов и их особая важность заключаются в возможности разработки способов увеличения местного налогового потенциала. Таким образом, в целях увеличения поступающего в бюджет территории налога на прибыль региональные власти могут реализовывать меры по улучшению инвестиционного климата, поддержке инновационных предприятий, участвовать в кредитовании наиболее значимых хозяйствующих субъектов, развивать инфраструктуру и т.д. Более того, определённые типы организаций (инновационные, инфраструктурные и т.д.) могут получить налоговые льготы, которые оживят экономику региона.

Налоги, возникающие в результате применения упрощённой системы налогообложения, полностью зачисляются в доходы бюджетов субъектов Российской Федерации. Для увеличения объёма этих налоговых поступлений следует проводить региональную политику поддержки малого и среднего бизнеса, включая бюджетное софинансирование, информационную и консультационную поддержку, передачу права собственности или пользования государственным и муниципальным имуществом [5].

Для реализации данного подхода может быть использован метод аналитической / непрямой оценки трансформационной стоимости (далее – «трансформационная стоимость»), однако данная методология должна быть оперативно сформулирована таким образом, чтобы учитывать компоненты, характеризующие участки ПОБУ, посредством соответствующих параметров оценки, которые идут на формирование стоимости данных участков. Это ставка дисконтирования рыночной стоимости участка ПОБУ в связи с неопределённостью и риском достижения эффективной и конкретной строительной пригодности, а также расчётное время, необходимое для завершения процедурных действий по превращению участка в пригодный для строительства.

При разработке методов оценки и прогнозирования налогового потенциала важно учитывать множество факторов и применять разнообразные подходы. Одним из ключевых этапов является статистический анализ, в рамках которого вычисляются абсолютные и относительные показатели, отражающие динамику изменения налоговых поступлений. Этот подход включает в себя анализ макроэкономических показателей, воздействующих на размер налогооблагаемой базы. В контексте налогового планирования активно используются различные методы, принимая во внимание такие аспекты, как фоновый уровень налоговых поступлений, сезонные колебания, а также событийные факторы, включая политические события и изменения в налоговом законодательстве. Этот комплексный подход позволяет учесть разнообразные влияющие факторы, формируя более точные прогнозы.

Среднесрочное и долгосрочное планирование, охватывающее периоды до 5 и более 10 лет соответственно, рассматривается как прогнозирование, включая в себя трендовый и экспертный методы. Трендовый метод основывается на данных о налоговых поступлениях за предыдущие периоды и анализе тенденций в развитии налогооблагаемой базы. В то время как экспертный метод предполагает разработку прогнозных оценок, учитывая различные внешние и внутренние факторы, такие как макроэкономическое развитие, финансовая деятельность налогоплательщиков и изменения в законодательстве. Для более глубокого анализа тенденций в налоговых поступлениях применяются эконометрические методы. Они включают построение моделей, учитывающих влияние различных факторов на динамику налоговых поступлений. Выбор наиболее значимых переменных в модели подчёркивает их роль в предсказании налогового потенциала. Таким образом, интегрированный подход, включающий разнообразные методы, обеспечивает более надёжные оценки и прогнозы налогового потенциала, учитывая динамическую природу налоговой сферы и её взаимосвязь с экономическими и социальными факторами [1].

В настоящем исследовании был произведён обширный анализ методических подходов к оценке и прогнозированию налогового потенциала, выявлены ключевые аспекты и принципы, формирующие основу эффективного подхода к данной проблеме. Налоговый потенциал, являясь неотъемлемой частью фискальной политики, представляет собой сложную систему взаимосвязанных факторов, которые требуют систематического анализа и глубокого понимания. Первый важный вывод состоит в том, что оценка налогового потенциала должна учитывать не только текущие экономические показатели, но и их долгосрочные тенденции. Макроэкономические факторы, такие как ВВП, безработица и инфляция, играют решающую роль в формировании возможности для сбора налогов и требуют постоянного мониторинга и анализа.

Второй важный аспект заключается в значимости анализа налоговой структуры и базы. Понимание эффективности существующих налоговых инструментов и потенциала для их оптимизации является неотъемлемой частью разработки налоговой политики. Продуманное распределение налоговой нагрузки и постоянное обновление налогового законодательства могут способствовать не только мобилизации дополнительных доходов, но и созданию более справедливой и эффективной системы. Третий вывод касается необходимости учёта социальных и демографических факторов при оценке налогового потенциала. Уровень занятости, структура населения и распределение доходов оказывают существенное влияние на налоговую базу и могут привести к изменениям в поведении налогоплательщиков. Поэтому анализ этих параметров становится ключевым элементом прогнозирования изменений в налоговой системе. В целом, данный обзор подчёркивает необходимость системного и комплексного подхода к оценке и прогнозированию налогового потенциала, а также

важность постоянного обновления методик в соответствии с изменяющимися условиями, чтобы обеспечить актуальность и достоверность результатов. Развитие современных методов оценки налогового потенциала способствует более эффективному использованию налоговых ресурсов и созданию устойчивой финансовой основы для развития общества.

Список источников

1. Джуккаев Т.И. Развитие налогового потенциала как ключ к обеспечению региональной инвестиционной привлекательности // Инновационное развитие экономики России: вызовы и решения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, 13 мая 2022 г. М.: РГУП, 2022. С. 418–423.
2. Баташев Р.В., Джабраилова Х.М., Педаева И.М. Методологические подходы к оценке налогового потенциала территории // Индустриальная экономика. 2021. Т. 12, № 5. С. 1182–1188. DOI: https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_5_12_1182
3. Кабулов Х.А. Налоговый потенциал региона в контексте институционализации экономических отношений // Интернаука. 2020. № 19-3(148). С. 44–48.
4. Тернавщенко К.О., Магала Ю.В. Систематизация методических подходов к формированию индикативной системы оценки уровня бюджетно-налоговой безопасности региона // Научные вести. 2021. № 5. С. 103–107.
5. Хашагульгов И.М. Налоговый потенциал региона и факторы его развития // Научный вектор: сборник научных трудов. Вып. 9. Ростов н/Д: РИНХ, 2023. С. 114–118.

References

1. Dzhukkaev T.I. Razvitie nalogovogo potentsiala kak klyuch k obespecheniyu regional'noi investitsionnoi privlekatel'nosti [Development of tax potential as a key to ensuring regional investment attractiveness]. In: *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki Rossii: vyzovy i resheniya: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 13 maya 2022 g.* [Innovative Development of the Russian Economy: Challenges and Solutions]. Moscow: Rus. St. Univ. of Justice Publ., 2022, pp. 418–423.
2. Batashev R.V., Dzhabrailova H.M., Pedaeva I.M. Metodologicheskie podkhody k otsenke nalogovogo potentsiala territorii [Methodological approaches to assessing the tax potential of a territory]. *Industrial'naya ekonomika*, 2021, vol. 12, no. 5, pp. 1182–1188. DOI: https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_5_12_1182
3. Kabulov H.A. Nalogovyi potentsial regiona v kontekste institutsionalizatsii ekonomicheskikh otnoshenii [Tax potential of a region in the context of institutionalization of economic relations]. *Internauka*, 2020, no. 19-3 (148), pp. 44–48.
4. Ternavshchenko K.O., Magala Yu. V. Sistematzatsiya metodicheskikh podkhodov k formirovaniyu indikativnoi sistemy otsenki urovnya byudzhethno-nalогоvoi bezopasnosti

regiona [Systematization of methodological approaches to the formation of an indicative system for assessing the level of budget and tax security in the region]. *Nauchnye vesti*, 2021, no. 5, pp. 103–107.

5. Khashagulgov I.M. Nalogovyi potentsial regiona i faktory ego razvitiya [Tax potential of the region and factors of its development]. In: *Nauchnyi vektor: sbornik nauchnykh trudov* [Scientific Vector: collection of scientific papers]. Iss. 9. Rostov-on-Don: Rostov St. Univ. of National Economy Publ., 2023, pp. 114–118.

Информация об авторах / Information about the authors

Н.К. Окишева – аспирант кафедры бухгалтерского учёта и налогообложения, Байкальский государственный университет (Иркутск, Российская Федерация),

✉ 7753191@list.ru

N.K. Okisheva – Postgraduate Student at the Department of Accounting and Taxation, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 19.12.2024;
одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;
принята к публикации / accepted 10.02.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 21–29.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 21–29.

Научная статья

УДК 614.215(571.54):339.138

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/21-29>

Оценка удовлетворённости и лояльности потребителей санаторно-курортных услуг Республики Бурятия

Светлана Батоевна Будаева

Восточно-Сибирский государственный институт культуры,

Улан-Удэ, Российская Федерация

✉ sbbudaeva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена оценке удовлетворённости и лояльности потребителей санаторно-курортных услуг на примере двух курортов «Горячинск» и «Аршан» Республики Бурятия, предлагающие разнообразные курортные и рекреационные услуги. Для опроса потребителей были разработаны и объединены четыре основные группы: лечение, питание, размещение и развлечение. Комплексный и системный анализ деятельности курортов, результаты эмпирического исследования потребителей санаторно-оздоровительных услуг позволяют улучшить существующую ситуацию в обслуживании клиентов за счёт проведения мониторинга и текущих исследований окружающей среды и внутренних факторов, потребителей санаторно-оздоровительных услуг, их потребностей и предпочтений. Различия в оценках удовлетворённости и лояльности отдыхающих разных здравниц могут быть использованы для принятия необходимых управленческих решений.

Ключевые слова: природные лечебные ресурсы, курорт «Аршан», курорт «Горячинск», курортные услуги

Для цитирования: Будаева С.Б. Оценка удовлетворённости и лояльности потребителей санаторно-курортных услуг Республики Бурятия // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 21–29.

Studying the needs of the population of Buryatia in resort treatment and health

Svetlana B. Budaeva

East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

✉ sbbudaeva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the assessment of satisfaction and loyalty of consumers of health resort services on the example of two resorts “Goryachinsk” and “Arshan” of the Republic of Buryatia, offering a variety of resort and recreational services. Four main groups were developed and combined for the consumer survey: treatment, food, accommodation and entertainment. Comprehensive and systemic analysis of the resorts' activities, the results of empirical research of consumers of health resort and recreational services allow improving the existing situation in customer service through monitoring and ongoing research of the environment and internal factors, consumers of health resort and recreational services, their needs and preferences. Differences in assessments of satisfaction and loyalty of vacationers of different health resorts can be used to make the necessary management decisions.

Keywords: natural medical resources, resorts ‘Arshan’, ‘Goryachinsk’, resort services

For citation: Budaeva S.B. Studying the needs of the population of Buryatia in resort treatment and health. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 21–29. (In Russ.).

Введение

Гостиничный и курортный комплекс является важнейшим элементом социальной сферы, играющим большую роль в повышении эффективности общественного производства и, соответственно, росте жизненного уровня населения. В экономике Республики Бурятия туризм занимает важное место, развитие индустрии туризма представляет обширный рынок рабочих мест для населения [1].

В последние годы наблюдается трансформация отечественного санаторно-курортного комплекса к рыночным условиям, выражающаяся в ежегодном увеличении числа отдыхающих, возрастании доходов отрасли, приросте поступлений налогов в бюджет. В то же время сохраняются различные негативные тенденции в сфере курортных услуг: низкое качество курортного обслуживания, завышенные цены, технологическое отставание в ряде базовых сервисных процессов [2]. Поэтому представляется актуальным применение в данной сфере современных рыночных концеп-

ций, улучшающих взаимоотношения с потребителем и обеспечивающих на этой основе более эффективное функционирование курортных организаций. К таким концепциям в первую очередь относится маркетинг взаимоотношений с потребителем (CRM) [3; 4].

В настоящее время исследованию вопроса удовлетворённости и лояльности посвящён целый ряд исследований [5–10]. Результаты этих исследований широко применяются на практике в маркетинговой деятельности, характеризуют взаимосвязанность удовлетворённости и лояльности потребителей и качества обслуживания. Данная концепция в сфере санаторно-курортных услуг определяется как совокупность управленческих мероприятий, направленных на достижение удовлетворённости отдыхающих и формирующих у них на этой основе предпочтение данной санаторно-курортной организации перед другими [7]. Таким образом, ключевыми элементами концепции можно считать удовлетворённость и лояльность потребителей.

Цель настоящего исследования – провести анализ факторов, влияющих на удовлетворённость и лояльность потребителей санаторно-курортных услуг, выявить наиболее значимые из них и предложить мероприятия по повышению качества обслуживания на примере конкретных санаторно-оздоровительных организаций Республики Бурятия.

Для опроса потребителей были разработаны основные факторы, которые объединены в четыре основные группы: лечение, питание, размещение и развлечение. Эти группы включают показатели, к примеру: возможность обследования; наличие врачей – узких специалистов; комфортное размещение, красота территории; вечерние развлекательные программы; наличие инфраструктуры для отдыха детей; SPA-центр, услуги косметолога; наличие спортивной инфраструктуры для активного отдыха; экскурсии, выезды за пределы санатория; соотношение цены и качества услуг. Была разработана анкета для потребителей, в которой отдыхающим предлагалось ответить на вопросы, связанные с оценкой этих факторов и показателей, объединённых в два блока: первый блок вопросов касается факторов, влияющих на выбор данного санатория; второй блок вопросов – оценки работы служб санатория. Факторы, влиявшие на выбор санатория, респондентам было предложено ранжировать по степени значимости (1 – не важно, 2 – желательно, 3 – очень важно). Вопросы, касающиеся удовлетворённости потребителей работой служб санатория, позволяют дать оценку деятельности санатория по тем же четырём направлениям (лечение, питание, размещение и досуг). Респондентам было предложено три варианта оценок: «хорошо», «удовлетворительно», «плохо», а также оценки можно было дополнить замечаниями и предложениями. Методом случайной выборки было опрошено 423 респондента.

Приведём результаты опроса, которые характеризуют важные факторы, влияющие на удовлетворённость и лояльность потребителей санаторно-курортных услуг,

а также оценки качества предоставляемых услуг, приобретения путёвки, её оплаты и др.

В результате анализа выявлено, что наибольшее количество оценок получили курорты Аршан, Горячинск.

Первым критерием, который рассмотрен, является «служба приёма и размещения» – подразделение, отвечающее за приём, регистрацию, а также размещение в номера прибывших гостей. Первые впечатления, полученные гостями при знакомстве с этой службой, формируют восприятие от всего санатория в целом, как известно, первое впечатление самое сильное. От него во многом зависят отзывы посетителей о качестве обслуживания. Также эта служба является первой, к которой гость обращается, чтобы узнать какую-либо информацию, решить проблему или донести жалобу [11].

На рисунке 1 в сравнении представлена работа служб приёма и размещения двух курортов.

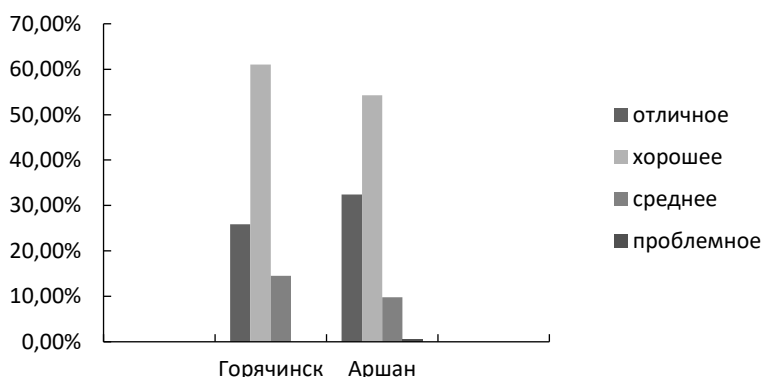

Рис. 1. Работа службы приёма и размещения

Fig. 1. Operation of the reception and accommodation service

Для человека, оказавшегося в условиях, отличных от домашних, необходимостью является получить достойный уровень комфорта в месте, где он остановился на ночь. Немаловажное значение при этом имеет комплектация номера.

На рисунке 2 видно, что уровень комфорта в курортах оценён на «хорошо».

Чистота номера сильно влияет на состояние посетителя курорта, на его здоровье и общий взгляд на мир. Поэтому на каждом предприятии, заботящемся о своей репутации, а самое главное – о своём постояльце, есть свой график уборки. Если номер занят гостем, горничная справляется со своими обязанностями за 15–20 минут. Чтобы привести в порядок свободные помещения, уходит от 30 минут и больше, в зависимости от количества комнат (рис. 3).

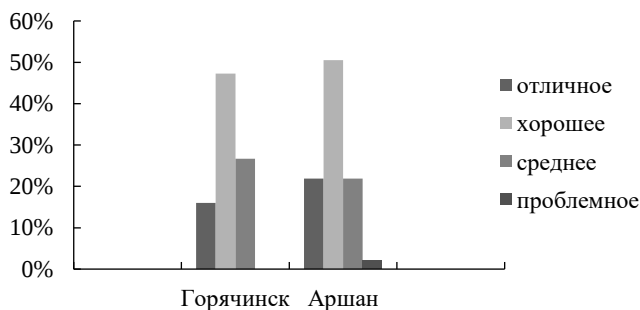

Рис. 2. Уровень комфорта и оснащение номера

Fig. 2. Comfort level and equipment of the room

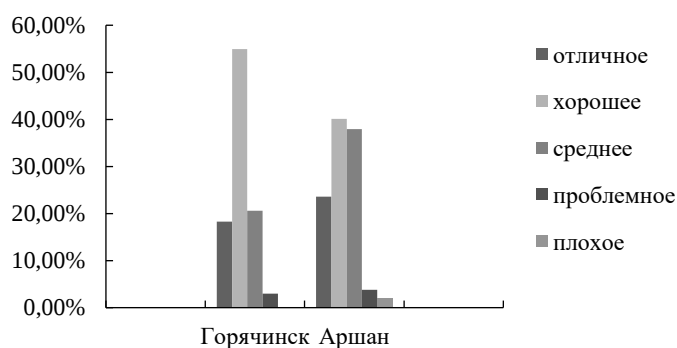

Рис. 3. Качество уборки Вашего номера

Fig. 3. Quality of cleaning of your room

Критерий «Состояние территории курорта» оценивает чистоту территории курорта и её санитарно-гигиенической привлекательности для респондентов, проходивших опрос (рис. 4).

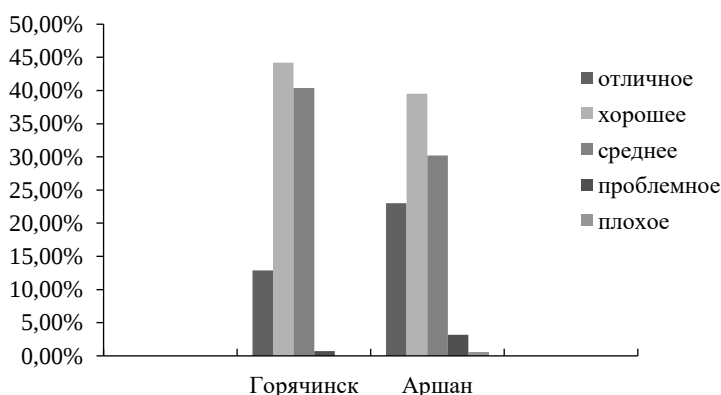

Рис. 4. Состояние территории курорта

Fig. 4. State of the resort area

Качество медицинского обслуживания на курорте «Горячинск» признано хорошим (рис. 5).

Методы и процедуры, которые предлагаются, – это: ванны с минеральной водой, подводное вытяжение позвоночника, душ «Шарко», душ циркулярный, душ восходящий, подводный душ-массаж, парафиновые и озокеритовые аппликации, баня [12].

Услуги на курортах были оценены как «хорошие».

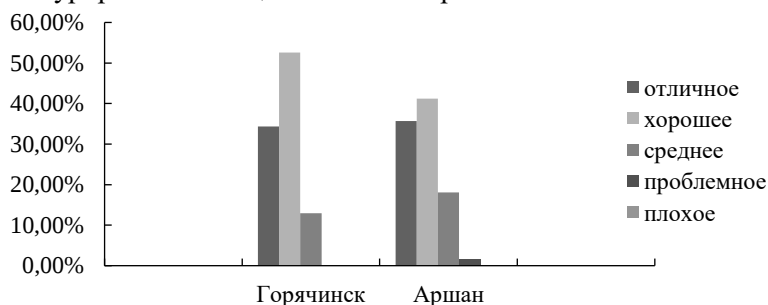

Рис. 5. Качество медицинского обслуживания

Fig. 5. Quality of medical care

Питание является базовой потребностью человека. Но не все люди питаются правильно, чтобы поддержать своё здоровье. На курортах принято заботиться о здоровой пище, существуют диетические и низкокалорийные столы. Ассортименты столов разнообразны: кефирный, творожный, овощной, сметанный, соковый, мясной, яблочный. Низкокалорийное питание определено с учётом сохранения пропорции всех необходимых питательных веществ, клетчатки, витаминов, микроэлементов.

Меню состоит из широкого выбора салатов, овощных блюд, соков, фруктов с ограничением продуктов, являющимися причиной избыточного веса: сахар, кондитерские изделия, выпечка. Всё это помогает создать более благоприятные условия для оздоровления (рис. 6).

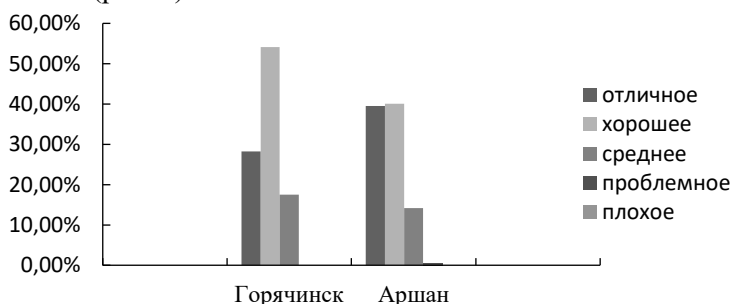

Рис. 6. Качество питания в санатории

Fig. 6. Quality of nutrition in the sanatorium

Из данной диаграммы следует, что услуги питания всех курортов посетители признали хорошими.

Инфраструктура – это совокупность сооружений, систем и служб, необходимых для нормального обеспечения повседневной жизни и передвижения посетителей курорта (рис 7).

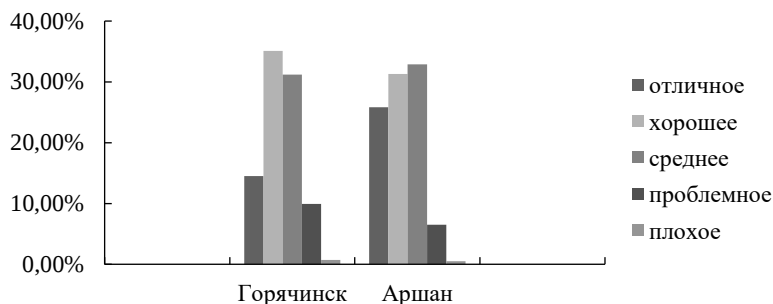

Рис. 7. Инфраструктура и организация досуга
Fig. 7. Infrastructure and organization of leisure activities

По данным диаграммы становится видно, что инфраструктура «Горячинска» оценена как «хорошее» и «Аршана» – «среднее».

Проводя анализ, было замечено, что большая часть респондентов посещали курорты «Аршан» и «Горячинск» ранее, это связано с тем, что они являются курортами федерального значения, а значит, популярны не только среди жителей нашей Бурятии, но и всей России.

Выводы

Проведённый комплексный и системный анализ деятельности двух курортов «Горячинск» и «Аршан» Республики Бурятия, результаты эмпирического исследования потребителей санаторно-оздоровительных услуг позволяют выработать рекомендации как для будущих исследований, так и бизнеса.

Улучшить существующую ситуацию в обслуживании клиентов возможно за счёт проведения мониторинга и текущих исследований окружающей среды и внутренних факторов, потребителей санаторно-оздоровительных услуг, их потребностей и предпочтений. Лучшее понимание особенностей социальных групп клиентов может помочь организации сформировать методы стимулирования спроса на санаторно-оздоровительный отдых. В будущих исследованиях важно направлять внимание на понимание разнообразия и сложности групп, особенности поведения семей, различных поколений и других специфических аспектов клиентов.

Список источников

1. Государственная программа Республики Бурятия «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Бурятия до 2035 года». URL: <http://docs.cntd.ru/document/550205479>

2. Ветитнев А.М. Сервисноориентированная концепция управления санаторно-курортными организациями в рыночных условиях. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005. 270 с.
3. Багиев Г.Л., Жданов И.А. Маркетинг взаимодействия: интеграция, координация, контроллинг и аудит. СПб.: Изд-во СПбГУЭиФ, 1999. 110 с.
4. Адлер Ю.П., Турко С.В. Хороший потребитель – довольный потребитель, или Что приходит в голову, когда говорят про удовлетворённость и лояльность. М.: Стандарты и качество, 2006. 43 с.
5. Ветитнев А.М., Гузева А.В. Внутренний маркетинг в обеспечении качества санаторно-курортных услуг // Экономика здравоохранения. 2004. № 9. С. 26–30.
6. Герпотт Т.Й. Эмпирические исследования лояльности клиентов // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 3. С. 10–18.
7. Лебедева Л.С. Оценка удовлетворённости и лояльности потребителей санаторно-курортных услуг // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 185–191.
8. Лихтанская О.И., Белова С.В. Потребности клиента как фактор повышения качества обслуживания в гостиничном бизнесе // Наука и туризм: стратегии взаимодействия: сборник статей / под ред. А.Г. Редькина. Вып. 5(3). Барнаул, 2016. С. 29–34.
9. Челенков А.П. Управление качеством в сфере услуг. URL: <http://delovoyimir.biz/ru/articles/view/?did=10534>
10. Будаева С.Б. Изучение потребности в курортном лечении и оздоровлении у отдельных групп населения (на примере отдыхающих на курортах «Горячинск» и «Аршан») // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 1. С. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/51-58>
11. Кусков А.С. Гостиничное дело. М.: Дашков и К, Ай Пи Эр Медиа, 2010. 326 с.
12. Санаторий Байнт. URL: <https://baikal-tourist.ru/tourbases/sanatorij-baunt>

References

1. State program of the Republic of Buryatia “Development of domestic and incoming tourism in the Republic of Buryatia until 2035”. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550205479>. (In Russ.).
2. Vetitnev A.M. Servisnoorientorovannaya kontseptsiya upravleniya sanatorno-kurortnymi organizatsiyami v rynochnykh usloviyakh [Service-oriented concept of management of sanatorium-resort organizations in market conditions]. St-Petersburg: Publ. house of St. Petersburg St. Univ. of Economics and Finance, 2005. 270 p.
3. Bagiev G.L., Zhdanov I.A. Marketing vzaimodeistviya: integratsiya, koordinatsiya, kontrolling i audit [Marketing of interaction: integration, coordination, controlling and audit: training manual]. St-Petersburg: Publ. house of St. Petersburg St. Univ. of Economics and Finance, 1999. 110 p.

4. Adler Y.P., Turko Y.P. Khoroshii potrebitel' – dovol'nyi potrebitel', ili Chto prikhodit v golovu, kogda govoryat pro udovletvorennost' i loyal'nost' [Good consumer – satisfied consumer, or What comes to mind when they say about satisfaction and loyalty]. Moscow: Standarty i kachestvo Publ., 2006, 43 p.
5. Vetitnev A.M., Guzeva A.V. Vnutrennii marketing v obespechenii kachestva sanatorno-kurortnykh uslug [Internal marketing in ensuring the quality of sanatorium-resort services]. *Ekonomika zdavookhraneniya*, 2004, no. 9, pp. 26–30.
6. Herpott T.Y. Empiricheskie issledovaniya loyal'nosti klientov [Empirical studies of customer loyalty]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2001, no. 3, pp. 10–18.
7. Lebedeva L.S. Otsenka udovletvorennosti i loyal'nosti potrebitelei sanatorno-kurortnykh uslug [Estimation of contentment and loyalty among consumers of sanatorium-resort services]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2008, no. 65, pp. 185–191.
8. Likhtanskaya O.I., Belova S.V. Potrebnosti klienta kak faktor povysheniya kachestva obsluzhivaniya v gostinichnom biznese [Customer needs as a factor of service quality improvement in hotel business]. In: Redkin A.G., ed. *Nauka i turizm: strategii vzaimodeistviya: sbornik statei* [Science and Tourism: Strategies of Interaction: collection of articles]. Iss. 5(3). Barnaul, 2016, pp. 29–34.
9. Chelenkov A.P. Upravlenie kachestvom v sfere uslug [Quality management in the sphere of services]. URL: <http://delovoymir.biz/en/articles/view/did=10534>.
10. Budaeva S.B. Study the need for resort treatment and rehabilitation in individual population groups (by the example of holidayers in the resorts of Goriachinsk and Arshan). *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2023, vol. 25, no. 1, pp. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-1/51-58>
11. Kuskov A.S. Gostinichnoe delo [Hotel business]. 2nd ed. Moscow: Dashkov and K, IPR Media Publ., 2010. 326 p.
12. Sanatorium Bount. URL: <https://baikal-tourist.ru/tourbases/sanatorij-baunt> (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

С.Б. Будаева – доцент, кандидат фармацевтических наук, заведующая кафедрой туризма и сервиса, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Улан-Удэ, Российская Федерация),

✉ baibat@mail.ru

S.B. Budaeva – Associate Professor, Candidate of Pharmaceutical Sciences, Head of the Department of Tourism and Service, East Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 21.12.2024;
одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;
принята к публикации / accepted 12.02.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 30–43.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 30–43.

Научная статья

УДК 338.45:620.9(510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/30-43>

Проекты в области устойчивой энергетики в Китае: положительный и отрицательный опыт и перспективы

Дун Чэнь

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Российская Федерация

✉ 1042238243@pfur.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются причины негативного и позитивного опыта, позволяющие выявить и систематизировать их. Китай стал крупнейшим потребителем и производителем энергии. В настоящее время Китай осуществляет энергетический переход, опираясь на свои богатые ресурсы солнца, ветра и редкоземельных металлов. Ключевыми факторами являются сильная государственная политика, значительные финансовые инвестиции и технологические инновации. Однако в процессе быстрого развития этих проектов возникли такие проблемы, как чрезмерная зависимость от субсидий, недостаточная инфраструктура, экологические проблемы. На основе анализа данных и тематических исследований в данной статье рассматривается полезный опыт и риски, с которыми он может столкнуться в будущем.

Ключевые слова: устойчивая энергетика, ветроэнергетика, солнечная энергетика, улавливание и хранение углерода (CCUS), энергетическая политика, возобновляемая энергетика, энергетический переход в Китае, энергетическая инфраструктура

Для цитирования: Дун Чэнь. Проекты в области устойчивой энергетики в Китае: положительный и отрицательный опыт и перспективы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 30–43.

Original article

Sustainable energy projects in China: positive and negative experiences and prospects

Dong Chen

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russian Federation

✉ 1042238243@pfur.ru

© Дун Чэнь., 2025

Abstract. This paper examines the causes of negative and positive experiences could be identified and systematised. China has become the largest consumer and producer of energy, nowadays China is making an energy transition rely on its abundant solar, wind and rare earth resources. Key drivers include strong government policies, substantial financial investments, and technological innovation. However, challenges such as overdependence on subsidies, insufficient infrastructure, environmental concerns have emerged during the rapid development of these projects. Through data analysis and case studies, this paper discusses the useful experiences and risks it may face in the future.

Keywords: sustainable energy, wind power, solar power, carbon capture and storage (CCUS), energy policy, renewable energy, China's energy transition, energy infrastructure

For citation: Dong Chen. Sustainable energy projects in China: positive and negative experiences and prospects. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 30–43. (In Russ.).

Введение

По мере усиления глобального изменения климата и истощения энергетических ресурсов переход к устойчивым энергетическим системам является приоритетной задачей для всех стран. Для борьбы с этими проблемами 195 стран подписали Парижское соглашение о сокращении выбросов парниковых газов. Китай, как крупнейшая развивающаяся и энергопотребляющая страна, благодаря быстрой индустриализации увеличил спрос на энергию. Для достижения целей Парижского соглашения Китай стремится достичь углеродного пика к 2030 году и углеродного нейтралитета к 2060 году. Эта цель означает, что Китай будет предпринимать долгосрочные и решительные шаги по устойчивому преобразованию энергетики и продвигать низкоуглеродную модель экономического развития.

В отличие от стран-членов ЕС и Северной Америки, имеющих глубокий промышленный фундамент и уже достигших пика выбросов ПГ в 1990 и 2007 годах соответственно [1], Китай ещё не завершил индустриализацию и урбанизацию, в настоящее время переживает бурный экономический рост и является крупнейшим в мире потребителем энергии. Задача достижения двухуглеродной цели Китая в ограниченные сроки является очень сложной.

С 2015 года Китай обогнал США и стал крупнейшим в мире импортёром сырой нефти. В 2017 году его годовой импорт достиг 8,4 млн баррелей в день (б/с), по сравнению с 7,9 млн б/с в США [2], а к 2023 году этот показатель достигнет 11,3 млн б/с для Китая и 8,51 млн б/с для США [3; 4]. Это отражает как стремительную индустриализацию Китая, так и его растущую зависимость от иностранной нефти. Поэтому необходимо срочно трансформировать модель энергетической экономики и создать более комплексную систему энергетической безопасности.

Третья промышленная революция уже идёт полным ходом. В отличие от угля и нефти во время первой и второй энергетических революций, которые имели закон убывающей отдачи из-за их невозобновляемой природы, новые источники энергии следуют закону возрастающей отдачи из-за их возобновляемой природы [5]. Промышленная революция первых двух веков привела к большим изменениям в структуре мира, Великобритания воспользовалась возможностями первой промышленной революции, в то время как США превзошли Великобританию во второй промышленной революции и создали «нефтеёмкую» промышленную и экономическую системы. Хотя доминирование ископаемых источников энергии, таких как уголь и нефть, радикально изменится не сразу, трансформация структуры производства и потребления энергии от высокоуглеродной к низкоуглеродной и безуглеродной является одной из основных тенденций будущего развития энергетической экономики. В краткосрочной перспективе технологические инновации в области «зелёной» энергетики не только способствуют развитию научно-технического потенциала Китая, но и обеспечивают новую точку роста для экономического развития страны. Переход к «зелёной» энергетике согласуется с глобальными климатическими обязательствами Китая, энергетической безопасностью и инновационными целями, поэтому переход к «зелёной» энергетике имеет сильную внутреннюю мотивацию для Китая.

Устойчивая энергетика, которую также принято называть возобновляемой, в узком смысле определяется как энергия, которая может непрерывно восстанавливаться в течение короткого природного цикла. В основном это гидроэнергия, энергия ветра, солнца, биомассы, геотермальная энергия и энергия океана. Устойчивая энергетика в широком смысле не ограничивается возобновляемыми источниками энергии, но также охватывает источники энергии, которые вызывают меньше загрязнений и выбросов в окружающую среду в процессе производства и использования или чьё негативное воздействие на окружающую среду может быть уменьшено путём технологических усовершенствований, например природный газ, чистый уголь и ядерная энергия.

В настоящее время Китай поддерживает ветроэнергетику, фотоэлектрическую генерацию и проекты по улавливанию, утилизации и хранению углерода (CCUS). В следующих разделах мы рассмотрим, как именно развиваются эти проекты в Китае.

Потребление и производство энергии в Китае

За последние несколько лет производство энергии в Китае неуклонно росло, что было обусловлено экономическим ростом, индустриализацией и урбанизацией. Спрос на энергию продолжает расти, поскольку страна продвигает масштабные инфраструктурные проекты и тяжёлую промышленность. Для удовлетворения спроса на энергию Китай создал разнообразную и комплексную систему энергоснабжения, включающую уголь, нефть, природный газ и растущую долю экологически чистой

энергии, а также построил крупнейшие в мире мощности по производству энергии. Однако, несмотря на эти усилия, страна по-прежнему сталкивается с серьёзными энергетическими проблемами.

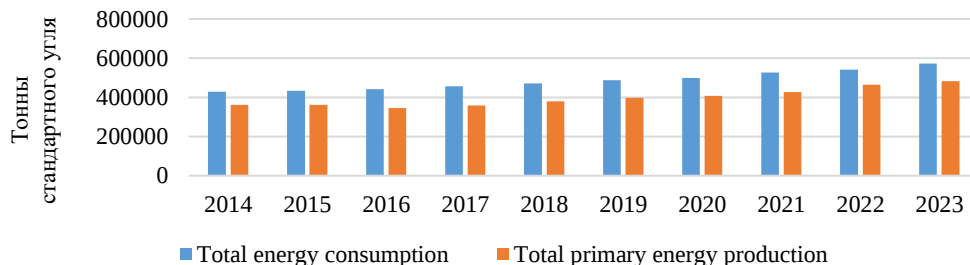

Рис. 1. Общее производство первичной энергии и потребление энергии в Китае, 2014–2023 гг. [6]

Fig. 1. Total primary energy production and consumption of energy in China, 2014–2023 [6]

Потребление энергии в Китае постоянно опережает её производство (рис. 1). Что касается структуры потребления (рис. 2), то доля угля и нефти сократилась с 83 % в 2014 году до 73 % в 2020–2023 гг., а потребление одноразовой электроэнергетики и других источников увеличилось с 7 % до 18 %. Аналогичным образом изменилась и структура производства: доля первичной электроэнергетики и других источников энергии в общем объёме производства первичной энергии выросла с 14 % до 21 %. Это означает, что Китай уверенно идёт по пути увеличения доли возобновляемых источников энергии в своём социально-экономическом развитии. Однако, несмотря на снижение доли потребления и производства ископаемых видов энергии, они по-прежнему преобладают.

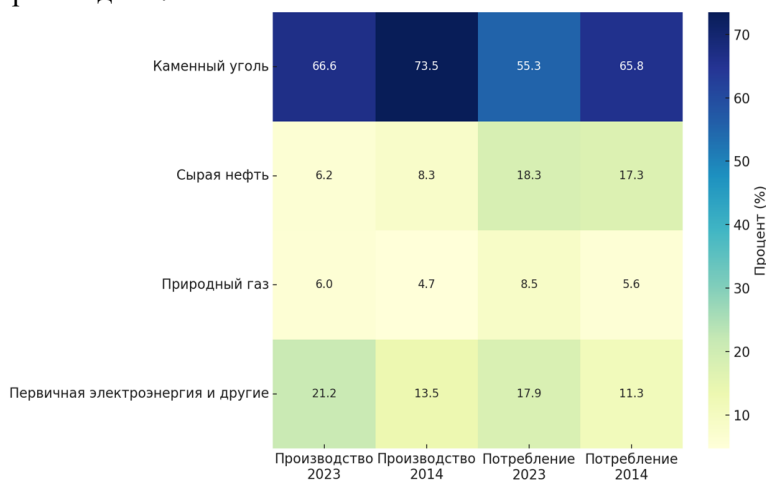

Рис. 2. Структура энергопотребления в Китае в 2014 и 2023 гг.

Fig. 2. Energy consumption structure in China in 2014 and 2023

Растущий разрыв между потреблением и производством вынуждает страну в значительной степени полагаться на импорт энергоносителей. Как показано на рисунке 3, в 2023 году Россия станет основным импортёром энергоносителей в Китай, занимая первое место среди поставщиков сырой нефти (19,9 %), третье место среди поставщиков СПГ (11,3 %) и третье место среди поставщиков угля (16,1 %). Австралия – крупнейший поставщик СПГ (14,2 %) и второй среди поставщиков угля (14,2 %) в Китай. Индонезия является ведущим поставщиком угля (44,7 %) в Китай и пятым среди поставщиков СПГ (5,6 %). Кроме того, в число основных поставщиков энергоносителей в Китай входят Саудовская Аравия, Ирак, Катар и некоторые другие страны.

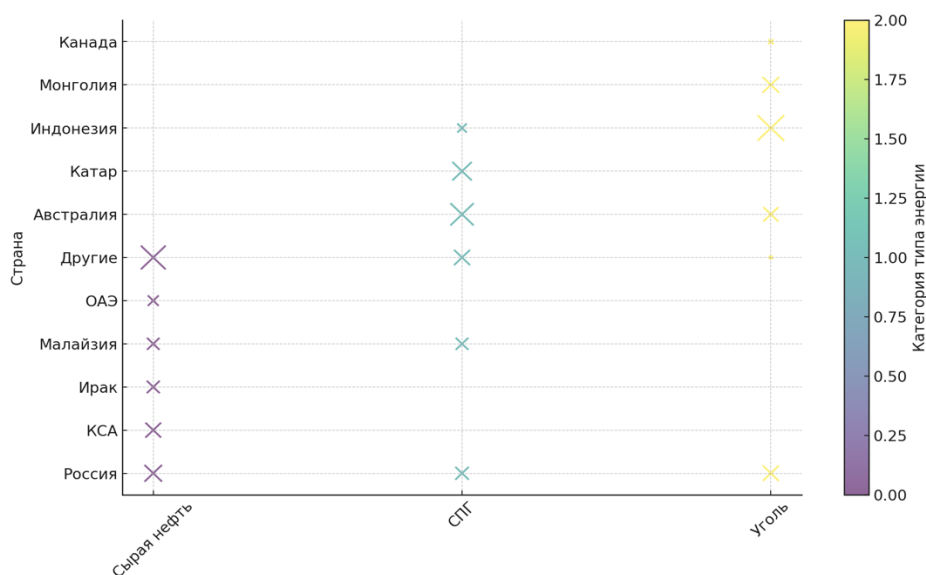

Рис. 3. Структура импортёров ископаемых энергоносителей в Китае, 2023 г. [7]

Fig. 3. Composition of China's fossil energy importers' structure, 2023 [7]

Чёрный энергетический разрыв отражается и на показателях импорта и экспорта (рис. 4). Хотя Китай экспортирует определённое количество нефти, угля и продуктов их переработки в основном в виде реэкспорта, импорт угля и сырой нефти в десятки раз превышает экспорт. В то же время Китай является крупнейшим в мире производителем и потребителем угля, потребление природного газа и нефти в последние годы также резко возросло, чтобы поддержать растущий спрос на энергоносители.

С 2007 года Китай является крупнейшим в мире производителем промышленных товаров, при этом промышленность и производство являются основными потребителями энергии в его энергетической структуре. Рост индустриализации сопровождался быстрой урбанизацией, с 2014 по 2022 год городские районы выросли на 3,9 %, а уровень урбанизации увеличился с 49,7 % в 2010 году до 69,9 %

в 2020 году. Китай переживает новый виток модернизации промышленности, переходя от энергоёмких отраслей к технологиям и услугам с высокой добавленной стоимостью. В 2023 году доля третичного сектора в ВВП составила 60,2 % [6]. Правительство стремится использовать синергию между экономическим развитием и целями углеродной нейтральности, и развитие технологий возобновляемой энергии является важным направлением модернизации промышленности Китая.

Рис. 4. Годовые объёмы импорта и экспорта угля и сырой нефти в Китае, 2014–2022 гг. [6]

Fig. 4. Annual import and export volumes of coal and crude oil in China, 2014–2022 [6]

Путь Китая к переходу от традиционных видов ископаемого топлива к более чистым источникам энергии отражает сложный баланс между поддержанием быстрого экономического роста и решением насущных экологических проблем. Будучи крупнейшим в мире производителем угля и потребителем ископаемого топлива, Китай последовательно наращивает долю возобновляемых источников энергии в своём энергетическом балансе, демонстрируя чёткое стратегическое направление. Рост производства возобновляемых источников энергии, хотя и постепенный, начал ослаблять давление от чрезмерной зависимости от угля и нефти, что видно по увеличению вклада первичной электроэнергии и других устойчивых ресурсов. Хотя такие проблемы, как энергетический дефицит и инфраструктура, остаются, рост производства возобновляемой энергии снижает зависимость от угля и нефти. Эти структурные изменения свидетельствуют о прогрессе Китая в достижении целей по выбросам углекислого газа на 2030 и 2060 годы, подчёркивая его приверженность устойчивому энергетическому будущему.

Возобновляемые энергоресурсы

Китай богат солнечной и ветровой энергией, большинство китайских регионов имеют большую продолжительность солнечного сияния и площадь солнечной ради-

ации, развитие солнечной фотоэлектрической и ветровой энергетики имеет значительные преимущества. Запасы редкоземельных металлов в Китае являются крупнейшими в мире, а незаменимость редкоземельных элементов в таких областях, как ветроэнергетика, солнечная энергетика и электромобили, позволяет эффективно использовать эти технологии, добыча редкоземельных руд в Китае неуклонно растёт с 2018 года (рис. 5). На этой основе Китай начал развитие ветроэнергетики, которое условно можно разделить на пять этапов с 1980 года по настоящее время.

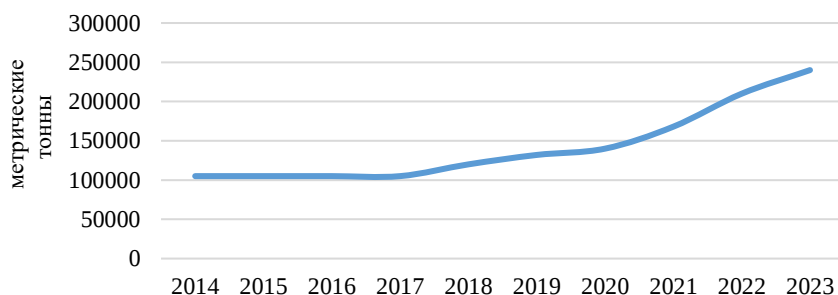

Рис. 5. Добыча редкоземельных металлов в Китае с 2014 по 2023 гг. [8]

Fig. 5. Rare earth metal production in China from 2014 to 2023 [8]

Ранний этап (1980-е – начало 1990-х годов). В 1980-х годах Китай начал развивать возобновляемую энергетику, используя небольшие ветряные и солнечные системы для получения электроэнергии в отдалённых районах. В 1986 году в рамках проекта по сельской энергетике было начато продвижение ветрового и солнечного оборудования, а к началу 1990-х годов были созданы научно-исследовательские институты и пилотные проекты. В 1994 году был опубликован План развития возобновляемой энергетики, направленный на поддержку возобновляемых источников энергии.

Период роста (середина 1990-х – начало 2000-х годов). В 1994 году правительство Китая приняло Закон о возобновляемых источниках энергии, который способствовал коммерциализации фотоэлектрической и ветровой энергетики. Производство фотоэлектрических модулей начинает расти, и рынок постепенно формируется, но в то время сохранялась значительная зависимость от иностранных рынков и технологий.

Политически определяемый период (середина 2000-х – начало 2010-х годов). В 2005 году был принят Закон о возобновляемых источниках энергии (пересмотренная версия), который уточнил политику субсидирования тарифов на возобновляемые источники энергии и стимулировал предприятия инвестировать в проекты ветровой и солнечной энергетики. В 2009 году, руководствуясь политикой «поддержания роста», были сделаны масштабные инвестиции в ветряную и солнечную энергетику. К 2010 году в Китае было установлено более 18 000 мегаватт (МВт)

новых ветроэнергетических мощностей [9], также быстро росло производство солнечной фотоэлектрической энергии (PV).

Взрывная фаза развития (середина 2010-х – начало 2020-х годов). К 2010-м годам Китай стал крупнейшим производителем ветровой и фотоэлектрической энергии: к 2017 году его ветровая мощность составляла 164 ГВт, а фотоэлектрическая – 130 ГВт [10]. В 2015 году Китай выдвинул свой 13-й пятилетний план, в котором подчёркивается стратегическое положение возобновляемых источников энергии и ставится задача, чтобы к 2020 году на возобновляемые источники энергии приходилось 15 процентов потребления первичной энергии.

Текущее и будущее (2020-е годы и далее). Китай продолжает поддерживать новую энергетику посредством технологических инноваций, политической поддержки и рыночных механизмов, а в контексте пика выбросов углерода и углеродной нейтральности, по данным МЭА, выбросы CO₂ на единицу ВВП (ППС) в Китае снизились с 0,732 % в 2005 году до 0,41 % в 2021 году (рис. 6). Доля ветряной и солнечной энергии будет продолжать расти, способствуя переходу к «зелёной» и низкоуглеродной энергетике.

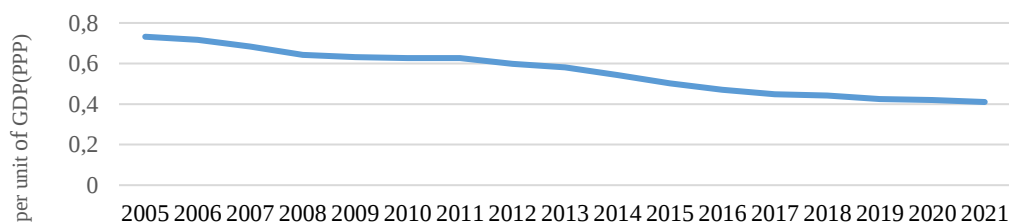

Рис. 6. Выбросы CO₂ в Китае на единицу ВВП (ППС), 2005–2021 гг. [11]

Fig. 6. China's CO₂ emissions per unit of GDP (PPP), 2005–2021 [11]

В процессе постепенного строительства Китай приобрёл ценный опыт.

Стратегическое направление энергетического перехода было уточнено в пятилетних планах, и была принята политика субсидирования фотоэлектрической и ветряной энергетики, которая сыграла решающую роль в развитии ранних проектов фотоэлектрической и ветряной энергетики.

Создание полной промышленной цепочки, производственные мощности Китая способствовали массовому производству нового энергетического оборудования, формируя полную промышленную экосистему от разработки проекта до последующего обслуживания и эксплуатации [12]. Для решения проблемы нестабильного и сложного хранения энергии ветра и фотоэлектрической генерации были разработаны соответствующие технологии хранения.

Китай инвестирует во всю промышленную цепочку, включая электроэнергию с низким уровнем выбросов, сети и хранилища, конечное использование, их инвестиции увеличиваются каждый год с 2016 по 2024 год (рис. 7). Но инвестиции в проекты,

связанные с ископаемым топливом, практически не растут. Финансовые инвестиции – одна из гарантий развития технологий.

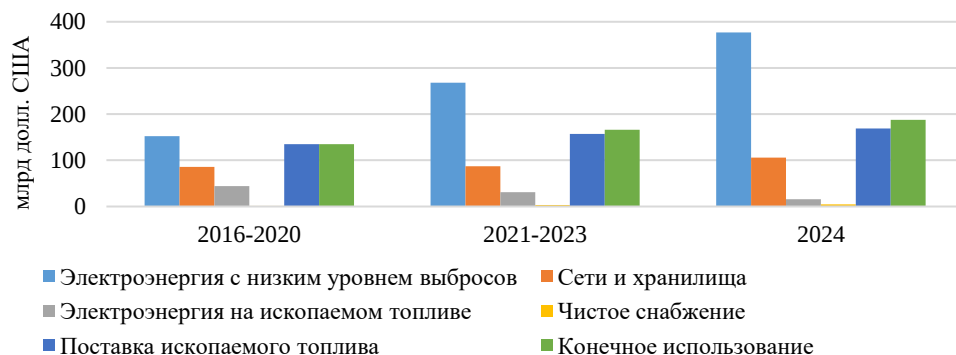

Рис. 7. Инвестиции в энергетику в Китае по сценарию «Объявленные обязательства» и по сценарию «Чистый ноль выбросов к 2050 году», 2016–2024 гг. [13]

Fig. 7. Energy investment in China under the Commitment scenario and the Net Zero Emissions by 2050 scenario, 2016–2024 [13]

В соответствии с местными условиями были приняты различные стратегии строительства возобновляемых источников энергии. Оффшорные ветроэнергетические проекты были построены на основе богатых ресурсов морского бриза вдоль юго-восточного побережья, и было оказано содействие кластеризации оффшорных проектов. Береговые ветроэнергетические и фотоэлектрические проекты будут строиться в северных провинциях Внутренняя Монголия, Цинхай и Синьцзян, которые богаты ветровыми и световыми ресурсами.

Интегрировать новую энергию в потребительскую сторону, ориентировать потребителей на потребление новой энергии. По состоянию на 2023 год в Китае насчитывается более 20,4 млн единиц новых энергетических транспортных средств, что составляет 6,07 % от общего числа транспортных средств; из них 15,52 млн – чисто электрические транспортные средства, что составляет 76,04 % от общего числа новых энергетических транспортных средств, создана зарядная инфраструктура в количестве 8,596,000 единиц [14], создана самая передовая в мире система зарядной инфраструктуры, эти меры повысят спрос на новую энергию и общественное признание.

Продвигать технологию улавливания, утилизации и хранения углерода (CCUS). Например, проект CCUS с годовой мощностью улавливания 500 000 тонн, построенный Sinoproc Group на месторождении Шенгли, в котором используется абсорбент для улавливания углекислого газа из промышленных хвостовых газов и транспортировки его на месторождение Шенгли по трубопроводам, с применением технологии углекислотной добычи нефти для обеспечения безопасного хранения углекислого

газа и повышения нефтеотдачи. С помощью этой технологии можно повысить эффективность добычи нефти и коэффициент извлечения. Компания содействует «зелёной» трансформации и развитию традиционной нефтегазовой промышленности и стремится к созданию месторождений с «почти нулевым» уровнем выбросов [14]. Компания активно участвует в международном сотрудничестве с более чем 100 странами и регионами в области атомной энергетики, гидроэнергетики, новой энергетики и других проектов [14], что не только повышает международное влияние китайских предприятий, но и способствует процессу международной трансформации энергетики.

Развитие возобновляемых источников энергии в Китае сталкивается с проблемами из-за отсутствия опыта в этой области. Эти проблемы в основном возникли на этапе быстрого развития в 2015 году.

Провинция Ганьсу является регионом Китая, богатым ветровыми и солнечными энергетическими ресурсами, однако из-за отставания строительства электросетей ветроэнергетику и фотоэлектрическую генерацию трудно подключить к сети, что привело к серьёзному явлению «отказа от ветра и света», в 2016 году в Ганьсу уровень отказа от ветра достиг 43 %, а уровень отказа от света достиг 30 %. Это означает, что большое количество генерирующих мощностей не было эффективно использовано, что привело к пустой трате ресурсов и экономическим потерям.

Внутренняя Монголия – один из самых богатых регионов Китая с точки зрения ветроэнергетических ресурсов, и на лугах было построено большое количество ветряных электростанций. Однако на ранних этапах разработки проектов отсутствовала экологическая оценка, и в 2014 году было установлено, что некоторые из проектов строительства ветряных электростанций нанесли ущерб местной луговой растительности и нарушили экологический баланс.

Стимулируемый политикой высоких субсидий большой объём социального капитала устремился в фотоэлектрическую промышленность, из-за чего многие предприятия стали слепо следовать данным явлениям, игнорируя технологические инновации и повышение эффективности, что может привести к серьёзным финансовым потерям и даже закрытиям предприятий.

Перед лицом этих проблем китайское правительство приняло меры по ускорению строительства базовых электросетей, передающих энергию по регионам и требующих приоритетного использования возобновляемых источников энергии для производства электроэнергии; по усилению оценки состояния окружающей среды и реализации программ восстановления экологии; постепенному сокращению субсидий и направлению предприятий на переход к высокоэффективным фотоэлектрическим технологиям и технологиям хранения энергии, чтобы избежать низкого уровня строительства.

В докладе «Перспективы развития мировой энергетики до 2023 года» прогнозируется, что к 2030 году Китай будет занимать 79 % доли в цепочке поставок фотоэлектрической промышленности, 64 % доли – в ветроэнергетике и 68 % доли – в аккумуляторной промышленности [11]. При этом китайские предприятия в новых секторах энергетики в мире имеют большой промышленный масштаб и сильное влияние, такие известные предприятия, как Ningde Times, GCLET, China Power и другие компании новой энергетики, занимают передовые позиции в мире. Возьмём, к примеру, Ниндэ: согласно годовому отчёту Ningde Times, компания занимает первое место в мире по доле мирового рынка использования силовых батарей и глобальному уровню отгрузки энергоаккумуляторов в течение многих лет.

Выводы

Будучи крупнейшей в мире развивающейся страной, строительство инфраструктуры неизбежно требует большого количества энергии. За последние десять лет общее потребление энергии в Китае превысило общее производство энергии, основой внутреннего производства и потребления энергии по-прежнему является энергия чёрных металлов, а импорт ископаемого топлива значительно превышает его экспорт. В структуре энергетики страны доля «зелёной» энергии активно растёт, демонстрируя в настоящее время положительную динамику. «Зелёная» энергия, как новая тенденция в мировом развитии, несёт третью энергетическую революцию.

С 1980 года и по сей день Китай использует свои богатые ресурсы ветра, солнца и редкоземельных металлов для постепенного создания сети возобновляемых источников энергии в прибрежных и северных провинциях. Мы разделили это развитие на пять этапов, причём на ранних этапах политическая поддержка (субсидии, инвестиции в технологические исследования и разработки) заложила фундамент и задавала направление последующему буму. Китай создал полную цепочку поставок новой энергетики, опираясь на свою эффективную производственную базу. Он также стимулировал спрос на новую энергию со стороны потребителей, повышая социальную приемлемость новой энергии. В современной ситуации, когда «зелёная» и ископаемая энергия идут рука об руку, Китай активно развивает технологию CCUS для интеграции «зелёных» технологий с традиционной энергетикой.

В этом процессе возникли некоторые негативные проблемы, такие как отказ от ветра и света, влияние на местную экологию, слепые инвестиции и пренебрежение технологиями, после чего китайское правительство смягчило эти проблемы с помощью серьёзной политики. По сути, это результаты чрезмерного стремления к развитию и неадекватной последующей оценки рисков.

В начале энергетического перехода будущее всё ещё полно рисков, поскольку крупные инвестиции в чистую энергетику неизбежно приведут к снижению инвестиций в традиционные источники энергии, и, если зависимость от ископаемого топлива

не снизится соответствующим образом, это приведёт к высоким затратам на энергию или последствиям в виде снижения темпов экономического роста. Во-вторых, это политический риск, когда небольшие изменения в целях, политике и путях реализации могут привести к различным рискам, и в настоящее время в мире не хватает достоянного опыта. В-третьих, технологический риск: многие технологии, такие как CCUS, всё ещё находятся на экспериментальной стадии и не были проверены в больших масштабах, что может привести к нестабильности результатов. Нестабильность ветровой и солнечной энергии может создать проблему для стабильности энергосистемы. В настоящее время возобновляемая энергетика Китая вступила во взрывной период и заняла лидирующие позиции в мировой устойчивой энергетике, поэтому постоянное выявление всех возможных рисков, их адекватное взвешивание и подготовка будут играть важную роль в будущем энергетическом переходе.

Список источников

1. Levin K., Rich D. Turning point: which countries' GHG emissions have peaked? Which Will in the future? 2017. URL: <https://www.wri.org/insights/turning-point-which-countries-ghg-emissions-have-peaked-which-will-future>.
2. EIA. China surpassed the United States as the world's largest crude oil importer in 2017 – U.S. Energy Information Administration (EIA). 2018. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=37821>.
3. EIA. China imported record amounts of crude oil in 2023 – U.S. Energy Information Administration (EIA). 2024. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=61843>.
4. EIA. Frequently Asked Questions (FAQs) – U.S. Energy Information Administration (EIA). 2024. URL: <https://www.eia.gov/tools/faqs/faq.php>.
5. Mathews J.A., Reinert E. Renewables, manufacturing and green growth: Energy strategies based on capturing increasing returns // The other canon of economics: essays in the theory and history of uneven economic development / ed. by R. Kattel. [S. l.]: Anthem Press, 2024, pp. 883–900. DOI: <https://doi.org/10.2307/jj.11288860.18>
6. National Bureau of Statistics of China. URL: <https://www.stats.gov.cn/english/>.
7. Statistics – General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://english.customs.gov.cn/statics/report/preliminary.html>.
8. Statista. China: rare earths production 2023 // Statista. URL: <https://www-statista.com/statistics/1294380/rare-earths-mine-production-in-china/>.
9. Статистика по установленным ветроэнергетическим мощностям Китая в 2010 году – Национальное управление энергетики. 2011. URL: https://www.nea.gov.cn/2011-07/05/c_131086514.htm. На кит. яз.
10. Работа ветряных электростанций, подключённых к сети, в 2017 году – Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. 2018. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-02/02/content_5263096.htm. На кит. яз.

11. IEA. World Energy Outlook 2023. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2023>.
12. China's energy transitions for carbon neutrality: challenges and opportunities / C. Zhao, S. Ju, Y. Xue [et al.] // Carbon Neutrality. 2022, vol. 1, no. 1, art. no. 7. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43979-022-00010-y>
13. IEA. World Energy Investment 2024. Paris, 2024. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2024>.
14. White Paper on China's Energy Transition (Full Text) – National Energy Administration (NEA). 2024. URL: https://www.nea.gov.cn/2024-08/29/c_1310785406.htm.

References

1. Levin K., Rich D. Turning point: which countries' GHG emissions have peaked? Which Will in the future? 2017. URL: <https://www.wri.org/insights/turning-point-which-countries-ghg-emissions-have-peaked-which-will-future>.
2. EIA. China surpassed the United States as the world's largest crude oil importer in 2017 – U.S. Energy Information Administration (EIA). 2018. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=37821>.
3. EIA. China imported record amounts of crude oil in 2023 – U.S. Energy Information Administration (EIA). 2024. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=61843>.
4. EIA. Frequently Asked Questions (FAQs) – U.S. Energy Information Administration (EIA). 2024. URL: <https://www.eia.gov/tools/faqs/faq.php>.
5. Mathews J.A., Reinert E. Renewables, manufacturing and green growth: Energy strategies based on capturing increasing returns. In: Kattel R., ed. *The Other canon of economics: essays in the theory and history of uneven economic development*. [S. l.]: Anthem Press, 2024, pp. 883–900. DOI: <https://doi.org/10.2307/jj.11288860.18>
6. National Bureau of Statistics of China. URL: <https://www.stats.gov.cn/english/>.
7. Statistics – General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://english.customs.gov.cn/statics/report/preliminary.html>.
8. Statista. China: rare earths production 2023. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1294380/rare-earths-mine-production-in-china/>.
9. Statistics of China's Installed Wind Power Capacity in 2010 – National Energy Administration. 2011. URL: https://www.nea.gov.cn/2011-07/05/c_131086514.htm. (In Chinese).
10. Operation of Grid-Connected Wind Power Plants in 2017 – Central People's Government of the People's Republic of China. 2018. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-02/02/content_5263096.htm. (In Chinese).
11. IEA. World Energy Outlook 2023. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2023>.

12. China's energy transitions for carbon neutrality: challenges and opportunities / C. Zhao, S. Ju, Y. Xue [et al.]. *Carbon Neutrality*, 2022, vol. 1, no. 1, art. no. 7. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43979-022-00010-y>

13. IEA. World Energy Investment 2024. Paris, 2024. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2024>.

14. White Paper on China's Energy Transition (Full Text) – National Energy Administration (NEA). 2024. URL: https://www.nea.gov.cn/2024-08/29/c_1310785406.htm.

Информация об авторах / Information about the authorss

Дун Чэнь – кандидат экономических наук, исследователь, Экономический факультет, Русский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация),

✉ 1042238243@pfur.ru

Dong Chen – Candidate of Economic Sciences, Researcher, Economics faculty, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 12.11.2024;
одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;
принята к публикации / accepted 11.02.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 44–54.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 44–54.

Научная статья

УДК 338:614.2(571.63)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/44-54>

Управление экономической безопасностью на мезоуровне (на примере здравоохранения в Приморском крае)

Елена Владимировна Левкина¹, Евгений Георгиевич Гусев²,

Андрей Игоревич Киричек¹, ✉

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

² Владивостокский филиал Российской таможенной академии,

Владивосток, Российская Федерация

✉ kirichek.ai@dvfu.ru

Аннотация. За последние 5 лет рыночная экономика претерпевает глобальные изменения. Участники рынков и предприятия различных отраслей вынуждены регулярно испытывать влияние различных факторов, вызовов и угроз, оказывающих влияние на эффективность деятельности и экономическую безопасность в том числе. К числу факторов, оказывающих влияние на эффективность деятельности и безопасность экономических субъектов, относятся: устойчивая инфляция; дефицит на рынке труда; высокий рост цен; прирост спроса, опережающий возможности выпуска; высокий процент смертности в пандемийный период.

Объект исследования – экономическая безопасность на мезоуровне, а предмет исследования – управление экономической безопасностью здравоохранения.

Проблемы в управлении экономической безопасностью здравоохранения России представляют собой особый теоретический и практический интерес, так как данный сегмент мезоуровня является драйвером развития социально-экономического потенциала национальной экономики.

Практическая значимость: методическое обеспечение позволит определять приоритетные направления по повышению уровня экономической безопасности деятельности здравоохранения в целях её динамичного развития. Результаты исследований будут значимы для муниципальных органов управления, руководителей, финансовых менеджеров медицинских организаций.

Ключевые слова: экономическая безопасность здравоохранения на мезоуровне, методика, индикаторы, угроза, риск, Приморский край

Для цитирования: Левкина Е.В., Гусев Е.Г., Киричек А.И. Управление экономической безопасностью на мезоуровне (на примере здравоохранения в Приморском крае) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 44–54.

Original article

Management of economic security at the meso level (on the example of healthcare in Primorsky Krai)

Elena V. Levkina¹, Evgeny G. Gusev², Andrey I. Kirichek¹, ✉

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

² Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy,
Vladivostok, Russian Federation

✉ kirichek.ai@dvfu.ru

Abstract. Over the past 5 years, the market economy has undergone global changes. Market participants and enterprises in various industries are forced to regularly experience the influence of various factors, challenges and threats that affect the efficiency of activities and economic security, among other things. The factors that affect the efficiency of activities and the safety of economic entities include: persistent inflation, shortages in the labor market, rapid price growth and growth in demand outpacing production, as well as high mortality rate during the pandemic period.

The object of the study is economic security at the meso level, and the subject of the study is the management of economic security in healthcare.

The problems in the management of economic security in healthcare in Russia are of particular theoretical and practical interest, since this segment of the meso level is the driver of the development of the socio-economic potential of the national economy.

Practical significance: the methodological support will allow determining priority areas for increasing the level of economic security of healthcare activities for the purpose of its dynamic development. The research results will be significant for municipal authorities, managers, financial managers of medical organizations.

Keywords: economic security of healthcare at the meso level, methodology, indicators, threat, risk, Primorsky Krai

For citation: Levkina E.V., Gusev E.G., Kirichek A.I. Management of economic security at the meso-level (on the example of healthcare in Primorsky Krai). *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 44–54. (In Russ.).

Введение и актуальность исследования

В связи с потоком мировых вызовов и угроз для национальной экономики, вопросы обеспечения экономической безопасности приобретают особую актуальность не только с точки зрения практических управленческих решений, но и требуют углублённого теоретического анализа и совершенствования методологического инструментария. Несмотря на многочисленность научных работ по данной проблематике, остаётся ряд неоднозначных вопросов в теоретической рамке «экономической безопасности» как экономической категории. Методологическое обеспечение экономической безопасности также остаётся многогранным и дискуссионным. На сегодняшний день достойный уровень жизни людей – главный показатель улучшения социально-экономического состояния регионов. Качество оказания медицинских услуг, их доступность, качество жилищно-коммунального обслуживания – индикаторы как процветания жизни, так и социально-экономической безопасности страны, региона, муниципалитета или городского округа. Снижение смертности населения, увеличение средней продолжительности жизни, улучшение качества жизни являются ключевыми факторами устойчивого развития государства и обеспечения его социальной и экономической безопасности. Ключевую роль в улучшении данных критериев играет здравоохранение страны. На сегодняшний день её состояние вызывает опасение экспертов, общество недовольно низким уровнем доступности медицинских услуг, их качеством. Особенно острой проблема остаётся в регионах, где наблюдаются нехватка специалистов узкого медицинского профиля, недостаток больниц.

Материалы и методы исследования

Значимость работы состоит в анализе авторских подходов к оценке экономической безопасности здравоохранения на основании данных литературы и в использовании полученных результатов для выявления наиболее подходящих критериев для исследования мезоуровня. При написании работы использованы следующие методы: метод анализа, метод табличного представления информации и её графической интерпретации, контент-анализ, метод группировки.

Алгоритм научного исследования:

- 1) определение и группировка факторов, оказывающих влияние на экономическую безопасность здравоохранения;
- 2) определение совокупности показателей для оценки экономической безопасности здравоохранения и количественная их оценка на примере Приморского края;
- 3) оценка степени влияния факторов на экономическую безопасность здравоохранения Приморского края с помощью корреляционно-регрессионного анализа;
- 4) по результатам проведённого аналитического обзора выявление проблем в управлении экономической безопасностью здравоохранения Приморского края.

Исследовательский вопрос и цель исследования

Несмотря на повышенный научный интерес к проблеме обеспечения экономической безопасности государства, регионов, отраслей и отраслевых комплексов, предприятий, остаются недостаточно исследованными вопросы обеспечения экономической безопасности столь сложного комплекса, как здравоохранение. Цель исследования – формулирование теоретических и практических рекомендаций по улучшению экономической безопасности здравоохранения на основе комплексного анализа факторов.

Теоретическая рамка исследования

Отдельные аспекты организации здравоохранения, отечественный и зарубежный опыт особенностей оказания медицинских услуг отражены в исследованиях Г.В. Рева, И.В. Рева, В.В. Усова [1], вопросы обеспечения экономической безопасности в сфере здравоохранения представлены в научных трудах российских учёных (Д.Н. Верзилин [2], Г.Н. Голухов [3], В.И. Стародубов [4], А.И. Хорев, В.В. Черешнев, И.М. Шейман).

Главным минусом существующих и применяемых способов анализа экономической безопасности здравоохранения – нехватка данных в базе для проведения качественного анализа. Авторами отмечена серьёзная нехватка данных в динамике, которые позволили бы более объективно и комплексно оценить уровень экономической безопасности здравоохранения. В этой связи исходные данные для анализа приходится собирать из разных источников, что увеличивает трудоёмкость проведения анализа. Большинство способов отбора индикаторов для оценки экономической безопасности здравоохранения обеспечены посредством оценки взаимосвязей между этими индикаторами.

Информационной базой послужили статистические сборники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю.

Результаты исследования и их обсуждение

При исследовании экономической безопасности здравоохранения необходимо анализировать ряд составляющих:

- 1) финансовую, отражающую платёжеспособность медицинских организаций, ликвидность активов медицинских организаций, структуру капитала;
- 2) кадровую, определяющую создание условий и обеспечение медицинских организаций высококвалифицированным медицинским персоналом, а также создание условий для организации и обеспечения системы обучения и повышения квалификации медицинского персонала [5];
- 3) политико-правовую, характеризующую законодательное поле по обеспечению деятельности медицинских организаций, функционирования медицинских организаций в рамках законодательного поля;

4) экологическую, обеспечивающую выполнение санэпидемиологических предписаний, нормативов по работе с биологическими и опасными отходами, при строгом соблюдении законодательства оптимизация финансовых затрат с целью минимизации финансовых потерь;

5) силовую, характеризующую сохранность имущества медицинских организаций, создание системы безопасности пациентов и персонала;

6) санитарно-эпидемиологическую, обеспечивающую условия безопасности деятельности медицинской организации, при которых отсутствует возможность формирования эпидемических штаммов возбудителей инфекции и реализации механизмов возникновения и распространения массовых инфекционных заболеваний;

7) инвестиционную, отражающую отношение темпа роста инвестиций в российский сектор экономики к темпу роста ВВП; отношение инвестиционного обновления основного капитала к инвестициям списания;

8) техническую оснащённость медицинских организаций.

В силу ограниченности исходной информации для анализа экономической безопасности по всем составляющим авторы проведут оценку здравоохранения Приморского края по методике Ю.Ю. Швеца [6], который предлагает совокупность критериев для изучения взаимосвязи социальной безопасности, кадровой обеспеченности, технической оснащённости и макроэкономическое развитие регионов.

Авторами проанализированы статистические сборники и сгруппированы данные по рассматриваемым индикаторам Приморского края за 2021–2023 годы. В связи с ограниченностью доступных данных был исключён такой показатель, как число автомобилей скорой медицинской помощи (ЧА).

Таблица 1

**Показатели развития здравоохранения в Приморском крае
в 2021–2023 годы**

Healthcare development indicators in Primorsky Krai in 2021–2023

Год	Численность населения региона (ЧН), тыс. чел.	ВРП на душу населения (ВРП), тыс. руб.	Численность врачей всех специальностей, на 10 000 чел. (ЧВ)	Число среднего мед. персонала, работающего на станциях скорой мед. Помощи, на 10 000 чел. (ЧСМП)	Средняя длительность пребывания пациента на койке в учреждении в году (в днях) (СДПП)	Число лиц, которым оказана помощь при выезде (ЧЛОП)	Число коек (ЧК), тыс. ед.	Число дневных стационаров медицинских организаций (ЧДС)
2021	1845	731,9	51,4	8,1	10	528	18,0	23
2022	1842	840,7	52,6	7,9	11	504,8	16,9	23
2023	1820	833,3	53,5	7,6	12	496	16,6	18

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru>

Характеристика взаимосвязи показателей начинается с построения корреляционной матрицы, которая позволяет получить предварительные заключения о тесноте и направлении взаимосвязи между всеми парами признаков в исследуемой статистической совокупности.

Таблица 2

Корреляционная матрица
Correlation matrix

Показатель	ЧН	ВРП	ЧВ	ЧСМН	СДПП	ЧЛОП	ЧК	ЧДС
ЧН	1							
ВРП	-0,91147	1						
ЧВ	0,985734	-0,82923	1					
ЧСМП	-0,34364	0,699537	-0,18068	1				
СДПП	-0,99833	0,933727	-0,97435	0,39736	1			
ЧЛОП	0,980787	-0,8137	0,999629	-0,15384	-0,96787	1		
ЧК	0,995243	-0,94721	0,964648	-0,4335	-0,99921	0,957116	1	
ЧДС	0,934403	-0,70514	0,981028	0,013426	-0,91225	0,985942	0,895254	1

Источник: составлено автором

Согласно данным таблицы 2, максимальное количество статистически значимых парных линейных коэффициентов корреляции имеют следующие региональные показатели экономической безопасности здравоохранения:

- численность населения;
- внутренний региональный продукт;
- число врачей;
- средняя длительность пребывания пациента на койке в учреждении в году;
- число лиц, которым оказана помощь при выезде;
- число коек;
- число дневных стационаров медицинских организаций.

Таблица 3

Результаты построения модели множественной регрессии
Results of constructing a multiple regression model

Показатели	Коэффициент регрессии	t-критерий	p-значение
ВРП	2005,280353	34,9920	0,0181883
ЧВ	257,2677	0,929111	0,523383
СДПП	2059,85	196,0318	0,003248
ЧЛОП	1380,712	13,9288	0,045627
ЧК	896,800	9,3276	0,067991
ЧДС	1777,14	26,4113	0,024093

Источник: составлено автором

В то же время показатель числа среднего медицинского персонала, работающего на станциях скорой медицинской помощи, на 10 000 чел. не имеют статистически значимых коэффициентов корреляции. Таким образом, данные показатели не оказывают значительного воздействия на результирующий показатель. Однако необходимо отметить, что при моделировании многофакторной взаимосвязи характер воздействия факторов на результирующий показатель может существенно измениться.

Перейдём к показателям множественной регрессии.

Все коэффициенты регрессии статистически значимы при уровне 0,05. Свободный член уравнения не является статистически значимым, поэтому он был исключён из уравнения регрессии. В результате получаем следующее уравнение множественной регрессии:

$$\bar{y} = 2005,28x_1 + 257,27x_2 + 2059,85x_3 + 1380,71x_4 + 896,8x_5 + 1777,14x_6.$$

Оптимальной моделью взаимосвязи показателей здравоохранения в Приморском крае является стандартная множественная регрессия с шестью факторными признаками. На базе полученной регрессионной модели возможно прогнозирование численности населения регионов на основе региональных показателей здравоохранения. Численность населения в регионе является результирующим показателем деятельности. Уравнение множественной регрессии позволяет спрогнозировать численность населения по Приморскому краю при изменении индикаторов экономической безопасности здравоохранения. Так, уровень безопасности развития здравоохранения определяет численность населения в регионе, миграционные процессы, уровень привлекательности региона для жизни населения по благосостоянию [7]. Многофакторная регрессионная модель может быть также использована при разработке региональных программ поддержки и развития здравоохранения.

По результатам оценки индикаторов можно сгруппировать ряд дестимулирующих факторов, оказывающих влияние на процесс управления экономической безопасностью здравоохранения Приморского края (рис. 1).

Несмотря на ряд проблем в управлении, в 2024 году со стороны государства реализуется ряд мероприятий, обеспечивающих укрепление экономической безопасности здравоохранения. Во-первых, в программу диспансеризации включена проверка репродуктивного здоровья взрослых и усиливается диспансерное наблюдение за людьми с хроническими заболеваниями. Во-вторых, в поликлиниках открываются кабинеты медико-психологического консультирования. В-третьих, в поликлиниках будут работать школы для диабетиков. В рамках программы по борьбе с сахарным диабетом будут снова открываться пациентские школы, а в эндокринологических центрах – специализированные кабинеты для раннего выявления и лечения осложнений диабета (ретинопатия, диабетическая стопа, почечная недостаточность).

В-четвёртых, обеспечено финансирование медикаментов для больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Источник: составлено автором

Рис. 1. Диаграмма Исикавы

Fig. 1. Ishikawa diagram

В бюджете на 2024 год выделено 6 млрд рублей на оплату лекарств для амбулаторной помощи пациентам с хронической сердечной недостаточностью, которые не имеют инвалидности. До сих пор лекарственная программа по предоставлению бесплатных препаратов распространялась на пациентов, уже перенёсших инфаркт, инсульт либо хирургическое вмешательство на сердце и сосудах. Изменится порядок назначения дорогостоящих таргетных препаратов. Во многих случаях их назначали онкобольным «вслепую», хотя особенность таргетной терапии в том, что она эффективна в определённых случаях (например, когда рак развивается из-за повреждения определённого гена). Поэтому с 2024 года назначать таргетное лечение (в списке 19 препаратов) можно будет только после проведения молекулярно-генетического

исследования. Помощь региональным системам ОМС на проведение химиотерапии из федерального бюджета сохранена в прежнем объёме: 140 млрд рублей. В-пятых, продолжится внедрение искусственного интеллекта (ИИ) – затраты на получение «второго мнения» ИИ при анализе маммограмм включены в тарифы ОМС. В-шестых, планируется продолжить развитие телемедицины и удалённых врачебных консультаций не только формата «врач – врач» (по сути, дистанционный консилиум), но и «врач – пациент».

Таким образом, нововведения текущего хода позволит улучшить значения частных индикаторов технической, социальной и финансовой составляющей экономической безопасности здравоохранения, соответственно, будет наблюдаться наращение результативного интегрального показателя.

Выводы

Предложенный алгоритм позволяет ранжировать факторы, оказывающие влияние на экономическую безопасность здравоохранения. Стоит отметить, что алгоритм позволяет осуществлять выборку индикаторов, ранжировать их приоритетность в зависимости от целей и предмета исследования интересов стейкхолдеров. При этом мониторинг экономической безопасности здравоохранения невозможен без использования системы взаимосвязанных статистических показателей.

Список источников

1. Экономическая и социальная эффективность организации лечебной помощи в Японии / И.В.Рева, Т.А. Полещук, А.Н. Гульков, Ю.И. Гайнуллина, В.В. Усов, Е.А. Сон, А.Р. Ким, Г.В. Рева // Успехи современного естествознания. 2015. № 1–3. С. 373–381.
2. Междисциплинарное осмысление феномена экономической безопасности / А.В. Бабкин, В.В. Балахонский, И.В. Бородушко [и др.]; под ред. А.Н. Литвиненко. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. 240 с.
3. Голухов Г.Н., Рейхарт Д.В., Шиленко Ю.В. Финансово-экономическая безопасность организаций медико-производственного комплекса // Экономика здравоохранения. 1999. № 4. С. 19–20.
4. Стародубов В.И., Тихомиров А.В. Экономическая безопасность здравоохранения // Главный врач: хозяйство и право. 2008. № 6. С. 23–32.
5. Лёвкина Е.В., Клемушина А.А. Методические и практические аспекты оценки экономической безопасности региона (на примере Приморского края) // Финансовый менеджмент. 2023. № 2. С. 70–77.

6. Швец Ю.Ю. Теоретические основы методологии социально-экономической безопасности системы здравоохранения. М.: Первое экономическое издательство, 2021. 382 с. DOI: <https://doi.org/10.18334/9785912923821>

7. Высокотехнологичные производства – ресурс экономического роста отрасли / Л.Г. Текутьева, О.М. Сон, В.Г. Белкин, А.Б. Подволоцкая, В.И. Бобченко, И.А. Скуртол, Е.О. Рочин // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2018. № 4(88). С. 138–145. DOI: <https://doi.org/10.24866/2311-2271/2018-4/138-145>

References

1. Reva I.V., Poleshchuk T.A., Gulkov A.N., Gainullina Yu. I., Usov V.V., Son E.A., Kim A.R., Reva G.V. Ekonomicheskaya i sotsial'naya effektivnost' organizatsii lechebnoi pomoshchi v Yaponii [Economic and social efficiency of the organization of medical care in Japan]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, 2015, no. 1–3, pp. 373–381.

2. Babkin A.V., Balakhonsky V.V., Borodushko I.V. et al. Mezhdistsiplinarnoe osmyslenie fenomena ekonomicheskoi bezopasno-sti [Interdisciplinary understanding of the phenomenon of economic security]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. of the Ministry of Int. Affairs of the Rus. Federation Publ., 2015. 240 p.

3. Golukhov G.N., Reichart D.V., Shilenko Yu. V. Finansovo-ekonomicheskaya bezopasnost' organizatsii mediko-proizvodstvennogo kompleksa [Financial and economic security of organizations of the medical and industrial complex]. *Ekonomika zdra-vookhraneniya*, 1999, no. 4, pp. 19–20.

4. Starodubov V.I., Tikhomirov A.V. Ekonomicheskaya bezopasnost' zdra-vookhraneniya [Economic security of healthcare]. *Glavnyi vrach: gozyaistvo i pravo*, 2008, no. 6, pp. 23–32.

5. Levkina E.V., Klemushina A.A. Metodicheskie i prakticheskie aspekty otsenki ekonomicheskoi bezopasnosti regiona (na primere Primorskogo kraya) [Methodological and practical aspects of assessing the economic security of the region (on the example of Primorsky Krai)]. *Finansovyi menedzhment*, 2023, no. 2, pp. 70–77.

6. Shvets Yu. Yu. Teoreticheskie osnovy metodologii sotsial'no-ekonomicheskoi bezopasnosti sistemy zdra-vookhraneniya [Theoretical foundations of the methodology of socio-economic security of the healthcare system]. Moscow: First Economic Publishing House, 2021. 382 p. DOI: <https://doi.org/10.18334/9785912923821>

7. Tekutyeva L.G., Son O.M., Belkin V.G., Podvolotskaya A.B., Bobchenko V.I., Skurtol I.A., Rochin E.O. Vysokotekhnologichnye proizvodstva – resurs ekonomicheskogo rosta otrasli [High-tech industries – a resource for economic growth of the industry]. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie*, 2018, no 4(88), pp. 138–145. DOI: <https://doi.org/10.24866/2311-2271/2018-4/138-145>

Информация об авторах / Information about the authors

Е.В. Левкина – кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела по работе с диссертационными советами, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ levkina.ev@dvfu.ru; SPIN: 3607-2397; <https://orcid.org/0000-0001-7764-251X>

E.V. Levkina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department for Work with Dissertation councils, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Е.Г. Гусев – кандидат экономических наук, кафедра экономики таможенного дела и управления, Владивостокский филиал Российской таможенной академии (Владивосток, Российская Федерация),

✉ eg.gusev@bk.ru; SPIN: 5864-7794; <https://orcid.org/0000-0002-6905-079X>

E.G. Gusev – Candidate of Economic Sciences, Department of Economics of Customs Affairs and Management, Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy (Vladivostok, Russian Federation).

А.И. Киричек – старший преподаватель, магистр государственного и муниципального управления, учёный секретарь Учёного совета Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ kirichek.ai@dvfu.ru; SPIN: 3472-2891

A.I. Kirichek – Senior Lecturer, Master of Public Administration, Scientific Secretary of the Academic Council of the School of Economics and Management, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 01.08.2024;

одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;

принята к публикации / accepted 11.02.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 55–65.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 55–65.

ПОЛИТИКА / POLITICS

Научная статья

УДК 327.7(510:470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/55-65>

Партнёрство или соперничество? Взаимодействие Китая с Россией по вопросам региональной безопасности в рамках ШОС

Дор Жан Смит

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ jeansmithdor@gmail.com

Аннотация. В данной статье исследуется сложная динамика китайско-российских отношений в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с акцентом на баланс между партнёрством и соперничеством в области региональной безопасности. Опираясь на качественный анализ официальных документов, заявлений лидеров, материалов из научных публикаций и вторичных источников, это исследование освещает то, как Китай и Россия используют ШОС в качестве платформы для противодействия западному влиянию в Центральной Азии и продвижения многополярного мирового порядка. Исследование также выявляет появление элементов конкуренции, в частности, связанных с растущим экономическим влиянием Китая в регионе, которое может вступить в противоречие с традиционными интересами России. Однако результаты подчёркивают способность Москвы и Пекина поддерживать прагматичное сотрудничество по вопросам безопасности в рамках ШОС, иллюстрируя их умение лавировать между сотрудничеством и конкуренцией. В статье анализируются институциональные механизмы ШОС, которые облегчают это сотрудничество, такие как регулярные саммиты, совместные военные учения и инициативы по борьбе с терроризмом, а также рассматривается, как две державы управляют своими разногласиями через двусторонние каналы. Изучается влияние внешних факторов, таких как американское присутствие в Центральной Азии и региональные вызовы безопасности, на китайско-российскую динамику в рамках ШОС, а также потенциальные последствия растущей экономической зависимости России от Китая для баланса сил внутри организации. Эта статья предлагает нюансированный взгляд на то, как Китай и Россия балансируют свои иногда расходящиеся интересы, сохраняя при этом стратегическое сотрудничество в рамках ШОС, способствуя тем самым лучшему.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, Китай, Россия, региональная безопасность, партнёрство, соперничество, Центральная Азия, многополярный мировой порядок

Для цитирования: Дор Жан Смит. Партнёрство или соперничество? Взаимодействие Китая с Россией по вопросам региональной безопасности в рамках ШОС // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 55–65.

Original article

Partnership or rivalry? China's Interaction with Russia on Regional security issues within the SCO

Dor Jean Smith

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

✉ jeansmithdor@gmail.com

Abstract. This article explores the complex dynamics of Sino-Russian relations within the Shanghai Cooperation Organization (SCO), focusing on the balance between partnership and rivalry in the field of regional security. Drawing on a qualitative analysis of official documents, leadership statements, materials from academic publications, and secondary sources, this study sheds light on how China and Russia use the SCO as a platform to counter Western influence in Central Asia and promote a multipolar world order. The research also reveals the emergence of elements of competition, particularly related to China's growing economic influence in the region, which may come into conflict with Russia's traditional interests. However, the findings underscore Moscow and Beijing's ability to maintain pragmatic cooperation on security issues within the SCO, illustrating their skill in navigating between cooperation and competition. The article analyzes the SCO's institutional mechanisms that facilitate this cooperation, such as regular summits, joint military exercises, and counter-terrorism initiatives, and examines how the two powers manage their differences through bilateral channels. The study also explores the impact of external factors, such as the American presence in Central Asia and regional security challenges, on the Sino-Russian dynamics within the SCO, as well as the potential consequences of Russia's growing economic dependence on China for the balance of power within the organization. This article offers a nuanced perspective on how China and Russia balance their sometimes divergent interests while maintaining strategic cooperation within the SCO, thereby contributing to a better understanding of the complex geopolitical relationships in Eurasia.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, China, Russia, regional security, partnership, rivalry, Central Asia, multipolar world order

For citation: Dor Jean Smith. Partnership or rivalry? China's Interaction with Russia on Regional security issues within the SCO. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 55–65. (In Russ.).

Введение

Эволюция российско-китайских отношений и их совместная роль в формировании ШОС представляют собой важное геополитическое развитие в Евразии. На протяжении почти четырёх столетий взаимодействие между этими двумя соседними державами глубоко влияло на региональную динамику и, во всё большей степени, на глобальные международные отношения. Центральная Азия, расположенная между Россией и Китаем, была неразрывно связана с обеими державами на протяжении всей истории: от поражения Джунгарского ханства в XVIII веке до российского экспансионизма в XIX веке, социалистических переходов в XX веке и создания ШОС в XXI веке.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), созданная в 2001 году Китаем, Россией и четырьмя центральноазиатскими республиками, воплощает новый подход к региональному сотрудничеству в Евразии. Основанная на принципах взаимного доверия, равенства и уважения культурного разнообразия, ШОС постепенно стала ключевым игроком на международной арене. Изначально сосредоточенная на разрешении пограничных споров, унаследованных от советской эпохи, организация значительно расширила сферу своей деятельности и влияния, включив новых членов, таких как Индия и Пакистан, и привлекая внимание других региональных держав. ШОС отличается своим видением многополярного мирового порядка и приверженностью коллективной безопасности, одновременно способствуя экономическому развитию и региональной стабильности. Хотя она не является традиционным военным альянсом, ШОС играет решающую роль в балансе сил в Евразии, предоставляя платформу для диалога и сотрудничества, которая преодолевает традиционные геополитические разделения. Её эволюция от скромной группы до крупной организации отражает глубокие преобразования в международных отношениях 21-го века, подчёркивая появление новых форм регионального партнёрства, бросающих вызов установленным структурам мирового порядка.

Литература о взаимодействии Китая и России в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) раскрывает несколько основных направлений исследований. Важное направление сосредоточено на стратегическом партнёрстве между Китаем и Россией, направленном на противодействие западному влиянию. В этом контексте М. Лантейн (2018) предлагает глубокий анализ того, как Москва и Пекин используют ШОС для продвижения многополярного мирового порядка и противодействия американскому доминированию [1]. Дж. Юань (2023) развивает эту мысль,

рассматривая роль ШОС в разработке новой архитектуры евразийской безопасности под совместным руководством Китая и России [2].

Параллельно другая область исследований фокусируется на элементах соперничества между этими двумя державами, особенно в сфере экономического влияния в Центральной Азии. В этом отношении работы Т. Умарова (2020) проливают ценный свет на китайскую экономическую экспансию в регионе и её потенциальные последствия для российских интересов [3]. Н. Алиев (2022) обогащает эту дискуссию, исследуя динамику конкуренции и сотрудничества между Россией и Китаем в Афганистане и их последствия для Центральной Азии [4].

Институциональная эволюция ШОС и её роль в региональной безопасности также являются приоритетным направлением исследований. П. Фердинанд (2011) предлагает диахронический анализ китайско-российских отношений в рамках ШОС, освещая их влияние на региональный порядок [5]. Работы С. Ариса (2009) выделяются тщательным изучением роли ШОС в борьбе с тем, что организация называет «тремя силами зла», – терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подчёркивая её решающее значение для региональной стабильности [6].

Несмотря на богатство этой литературы, следует отметить, что целостный анализ сложной динамики между партнёрством и соперничеством Китая и России в рамках ШОС остаётся недостаточно изученной областью исследований. Настоящее исследование стремится восполнить этот пробел, предлагая углублённое изучение того, как Китаю и России удаётся балансировать сотрудничество и конкуренцию в рамках ШОС, с особым акцентом на вопросы региональной безопасности.

Области партнёрства

В рамках ШОС Россия и Китай стали ключевыми игроками, часто называемыми «гегемонами» из-за их непропорционального влияния. Их отношения внутри этой организации имеют решающее значение для понимания региональной динамики. ШОС служит важнейшей платформой для Москвы и Пекина в формулировании единых экономических и оборонных стратегий в Евразии. Эффективность и направленность организации во многом определяются российским и китайским участием, а деятельность сосредоточена на трёх основных областях: безопасность (традиционный приоритет), экономические вопросы (растущее значение) и гуманитарная сфера (становится всё более критической в контексте растущей напряжённости между Востоком и Западом и различных политических и религиозных движений).

Китай и Россия разделяют общую цель использования ШОС в качестве платформы для противодействия западному влиянию, особенно влиянию США, в Центральной Азии. Длительное военное присутствие США и НАТО в Центральной Азии вызывает опасения по поводу региональной стабильности, побуждая Китай и Россию рассматривать Шанхайскую организацию сотрудничества как потенциальный

противовес [7]. Хотя Пекин и Москва разделяют цель ограничения западного влияния в регионе, они придерживаются нюансированных подходов, отражающих сложность их отношений с Вашингтоном. Эта тонкость проявляется в их управлении ШОС: исключая США из организации, они тщательно избегают превращения её в откровенно антиамериканскую коалицию. Эта сбалансированная позиция свидетельствует о желании Китая и России сохранить своё региональное влияние без прямой конфронтации с США. Таким образом, ШОС становится инструментом мягкой силы, позволяющим Китаю и России формировать геополитическую среду в Центральной Азии, сохраняя при этом определённую дипломатическую гибкость.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) позиционирует себя как важный игрок в продвижении региональной безопасности и развития в Евразии. С момента своего создания ШОС уделяла особое внимание борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, которые рассматриваются как непосредственные угрозы стабильности региона. Этот приоритет был реализован через создание Региональной антитеррористической структуры (РАТС), специализированного органа организации, где Китай и Россия укрепляют своё сотрудничество в области безопасности. Эта структура продемонстрировала свою эффективность, о чём свидетельствуют данные, представленные Генеральным секретарём ШОС Рашидом Алимовым на конференции по российско-китайским отношениям в 2016 году [8]. Региональная антитеррористическая структура (РАТС) организации сыграла решающую роль в этих достижениях, ликвидировав значительное число террористических организаций и задержав многих подозреваемых. Эти действия позволили изъять большое количество незаконного оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов, тем самым укрепив региональную безопасность.

Антитеррористические учения также сыграли ключевую роль в координации усилий государств-членов по борьбе с терроризмом, религиозным экстремизмом и сепаратизмом [9]. Китай и Россия регулярно проводят совместные военные учения под эгидой ШОС для углубления сотрудничества в области обороны и безопасности [10]. В этих учениях, таких как «Мирная миссия – 2021» и «Запад/Взаимодействие – 2021», участвуют тысячи военнослужащих из государств – членов ШОС, и они сосредоточены на борьбе с терроризмом и повышении способности реагировать на новые вызовы и угрозы. В военных учениях «Мирная миссия – 2021» приняли участие около 4000 военнослужащих, в том числе 558 – китайских. Учения направлены на укрепление сотрудничества, поддержание регионального мира и безопасности, а также на создание совместных командных центров для улучшения взаимодействия в области разведки, раннего предупреждения и ударов. Хотя они не продвигаются к полноценному военному альянсу, эти учения демонстрируют тесное, но гибкое сотрудничество между китайскими и российскими вооружёнными силами.

Ситуация в Афганистане занимает центральное место в отношениях между центральноазиатскими республиками, Россией и Китаем в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Эти страны совместно стремятся нейтрализовать угрозы, исходящие от этого нестабильного соседа, включая незаконный оборот наркотиков, проникновение враждебных законным властям региона террористических групп и в последнее время – экспансию «Исламского государства» в Ираке и Леванте (ИГИЛ). ШОС регулярно занималась афганским вопросом, стремясь содействовать мирному переходу в этой стране посредством специальных конференций [11]. В то же время Китай активизировал своё участие в решении проблем, связанных с Афганистаном, в частности, через новый формат четырёхстороннего сотрудничества с Афганистаном, Таджикистаном и Пакистаном, направленный на борьбу с терроризмом и трансграничной преступностью [12]. В то время как Россия предложила помощь Туркменистану в укреплении его оборонного потенциала на афганской границе [13], подчёркивая тем самым сложность проблем безопасности в Центральной Азии и необходимость более тесного сотрудничества между региональными игроками для решения общих проблем.

Элементы соперничества

Несмотря на тесное сотрудничество между Китаем и Россией в рамках ШОС, их взаимодействие также характеризуется элементами соперничества, особенно в контексте Центральной Азии. Традиционно Россия рассматривала страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) как свою собственную сферу влияния, стремясь сохранить свою военную гегемонию и статус ключевого дипломатического партнёра в регионе. Однако усиление Китая как доминирующей экономической силы в Центральной Азии значительно изменило региональную динамику. Инициатива Пекина «Пояс и путь» (BRI) существенно укрепила его влияние, причём большинство государств – членов ШОС (за исключением Индии) одобрили или участвуют в проектах BRI. Через пять лет после запуска «Пояса и пути» (BRI), согласно данным Министерства коммерции Китая, в 2018 году объём прямых иностранных инвестиций в пять стран Центральной Азии достиг 14,7 миллиарда долларов (1,2 % от всех китайских инвестиций в азиатские страны). В 2013 году эта цифра была на 40 % меньше (8,9 миллиарда долларов) [3]. Это вызвало опасения по поводу растущего влияния Китая и его потенциального финансового доминирования в регионе.

Более того, у России и Китая, похоже, разные приоритеты внутри ШОС. В то время как Россия больше интересуется аспектами безопасности организации, Китай пытается расширить её охват, включая экономические аспекты и планы развития [1]. Экономическое сотрудничество в рамках ШОС было ограниченным, в значительной степени из-за сопротивления Москвы предложениям Пекина о фонде развития и зоне

свободной торговли, что является результатом опасений по поводу потенциального финансового доминирования Китая.

Потенциальные точки трения внутри ШОС включают её расширение и различные подходы к Афганистану. Интеграция Индии и Пакистана в ШОС может сбалансировать финансовые влияния внутри организации и способствовать созданию Банка развития ШОС, потенциально ставя под вопрос китайско-российскую динамику. Кроме того, нестабильность в Афганистане была серьёзным вызовом для государств – членов ШОС. Захват власти талибами в 2021 году разделил мнения: Индия заняла осторожную позицию против легитимации правительства талибов, в то время как Россия, Китай, Узбекистан и Пакистан предприняли шаги к нормализации отношений. Это расхождение в подходах может привести к трениям внутри ШОС.

Управление динамикой партнёрства – соперничества

Шанхайская организация сотрудничества играет центральную роль в управлении сложными отношениями между Китаем и Россией, которые включают в себя элементы как партнёрства, так и соперничества. Как многосторонний форум для диалога и сотрудничества, ШОС способствует усилиям Пекина и Москвы по преодолению разногласий и поиску общего языка по вопросам региональной безопасности. Темур Умаров из Центра России и Евразии Карнеги справедливо отмечает, что «Москва понимает, что с Пекином у неё гораздо больше общего в вопросах безопасности ... в Центральной Азии» [14]. Это общее внимание к борьбе с такими угрозами, как терроризм, сепаратизм и экстремизм, позволяет Китаю и России отдавать приоритет прагматичному сотрудничеству, несмотря на скрытую напряжённость.

Китайско-российские отношения характеризуются многоуровневой дипломатией, где Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) служит многосторонней основой, дополняемой интенсивными двусторонними обменами. Эти взаимодействия на высоком уровне, часто организуемые на полях саммитов ШОС, предоставляют китайским и российским лидерам привилегированную платформу для совершенствования их стратегического партнёрства, одновременно управляя скрытой напряжённостью. Как подчёркивает Ван Цинсун из Восточно-китайского педагогического университета, очевидное отсутствие разногласий в официальной повестке дня саммитов ШОС предполагает, что двусторонние каналы предпочтительны для обсуждения деликатных тем [14]. Этот двухсторонний дипломатический подход позволяет Пекину и Москве поддерживать фасад единства в рамках ШОС, одновременно имея более дискретное пространство для переговоров по их разногласиям. Недавние встречи между Си Цзиньпином и Владимиром Путиным, в частности во время форума «Один пояс, один путь» в октябре 2023 года, иллюстрируют эту динамику, где публичные заявления о сотрудничестве сопровождаются частными обсуждениями «конфиденциальных» тем, по словам Путина [15].

Несмотря на конкурирующие интересы и расходящиеся приоритеты, Китай и Россия продемонстрировали готовность продолжать прагматичное сотрудничество в рамках ШОС. Обе страны признают важность поддержания стабильности в Центральной Азии и противодействия западному влиянию в регионе. Эта динамика пронищательно анализируется Зено Леном из Королевского колледжа Лондона, который отмечает, что «Пекин и Москва склонны как конкурировать, так и сотрудничать на разных уровнях ... единство в рамках ШОС в настоящее время является приоритетом, поэтому в этом отношении они сотрудничают» [14]. Этот прагматичный подход позволяет Китаю и России управлять своим соперничеством, одновременно продвигая общие цели.

Заключение

Китайско-российские отношения в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) представляют собой тонкий баланс между стратегическим партнёрством и скрытым соперничеством. Несмотря на сохраняющиеся конкурирующие интересы и расходящиеся приоритеты, особенно в отношении растущего экономического влияния Китая в Центральной Азии и будущей направленности ШОС, Пекин и Москва тем не менее продемонстрировали способность поддерживать прагматичное сотрудничество. Это сотрудничество мотивировано взаимным признанием важности региональной стабильности и необходимости уравнивать западное влияние. В этом контексте ШОС играет ключевую роль, способствуя диалогу и сотрудничеству по общим проблемам, таким как борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Кроме того, регулярные двусторонние диалоги между Китаем и Россией дополняют эту многостороннюю структуру, предоставляя дополнительные возможности для решения проблемных вопросов.

Однако меняющийся геополитический ландшафт, особенно конфликт в Украине и западные санкции против России, имеет важные последствия для российско-китайской динамики в рамках ШОС. Поскольку Россия становится всё более экономически зависимой от Китая, ей, возможно, придётся скорректировать свою стратегию и использовать влияние Пекина для защиты своих интересов в Центральной Азии. Ван Ивэй из Университета Жэньминь предполагает, что «Россия всё больше поворачивается на Восток экономически, и она хочет использовать влияние Китая для защиты своих интересов [в регионе]» [14]. Это изменение в балансе сил может оказать значительное влияние на то, как Китай и Россия управляют своей динамикой партнёрства и соперничества в рамках ШОС.

Список источников

1. Lanteigne M. Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: diverging security interests and the "Crimea Effect" // *Russia's Turn to the East* / ed. by H. Blakkisrud,

E. Wilson Rowe. Cham: Palgrave Pivot, 2018. P. 119–138. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69790-1_7

2. Yuan J. Forging a New security order in Eurasia: China, the SCO and the impacts on regional governance // *Chinese Political Science Review*. 2023. Vol. 8. P. 422–439. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41111-022-00223-7>

3. Umarov T. China looms large in Central Asia // *Carnegie Endowment for International Peace*. 2020. 30 March. URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2020/03/china-looms-large-in-central-asia?lang=en>.

4. Aliyev N. Russian-Chinese cooperation and competition in Afghanistan and its implications for Central Asia [version 1; peer review: 2 approved, 2 approved with reservations] // *Stosunki Międzynarodowe – International Relations*. 2022. Vol. 2, no. 22. DOI: <https://doi.org/10.12688/stomiedintrelat.17587.1>

5. Ferdinand P. Sino-Russian relations: an analytical overview // *Russia-China relations: current state, alternative futures, and implications for the West* / ed. by A. Moshes, M. Nojonen. Helsinki, 2011. P. 22–37.

6. Aris S. The Shanghai Cooperation Organisation: "Tackling the Three Evils". A regional response to non-traditional security challenges or an Anti-Western bloc? // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61, no. 3. P. 457–482. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668130902753309>

7. Dennis J.S. Central Asia: Managing the delicate balance between the "Discourse of Danger", the "Great Game," and regional problem solving // *Communist and PostCommunist Studies*. 2007. Vol. 40, no. 2, Special Issue: Conflict and conflict resolution in central asia: dimensions and challenges. P. 257–267.

8. Comment by the Ministry on SCO Secretary-General Rashid Alimov's statement on South China sea issue // *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 2016. URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2292783.

9. Haas M. de. War games of the Shanghai Cooperation Organization and the Collective security treaty organization: drills on the move! // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2016. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/13518046.2016.1200383>

10. Carlson B.G. The growing significance of China-Russia defense cooperation // *Strategic Studies Institute, US Army War College*. 2023. URL: <https://ssi.armywarcollege.edu/SSI-Media/Recent-Publications/Display/Article/3908561/the-growing-significance-of-china-russia-defense-cooperation/>.

11. Rauf S. Transboundary interactions between Afghanistan and the Shanghai Cooperation Organization after the US Withdrawal from Afghanistan // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2024. Т. 24, № 2. С. 252–263. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-252-263>

12. Pannier B. Keeping Afghanistan in Afghanistan // *The Cairo Review of Global Affairs*. URL: <https://www.thecaireview.com/essays/keeping-afghanistan-in-afghanistan/>.

13. Portyakov V. Security cooperation among China, Russia and Central Asian countries // Institute of Far East Research, Russian Academy of Science. 2016. URL: http://www.iferas.ru/images/stories/2016/portyakov-2-2016_jun_en.pdf.

14. Zhao Z. Can China and Russia overlook Central Asia rivalry for SCO goal to counter West? // South China Morning Post. 2023. 23 November. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3269443/can-china-and-russia-put-aside-central-asian-rivalry-sco-aims-counter-west>.

15. Analyzing the latest Xi-Putin meeting and China's Belt and Road Forum / B. Lin, B. Hart, S. Lu, Y.-J. Liao // Center for Strategic and International Studies. 2023. 30 October. URL: <https://www.csis.org/analysis/analyzing-latest-xi-putin-meeting-and-chinas-belt-and-road-forum>.

References

1. Lanteigne M. Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: diverging security interests and the "Crimea Effect". In: H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe (eds.). *Russia's Turn to the East*. Cham: Palgrave Pivot, 2018, pp. 119–138. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69790-1_7

2. Yuan J. Forging a New security order in Eurasia: China, the SCO and the impacts on regional governance. *Chinese Political Science Review*, 2023, vol. 8, pp. 422–439. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41111-022-00223-7>

3. Umarov T. China looms large in Central Asia. *Carnegie Endowment for International Peace*, 2020, 30 March. URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2020/03/china-looms-large-in-central-asia?lang=en>.

4. Aliyev N. Russian-Chinese cooperation and competition in Afghanistan and its implications for Central Asia [version 1; peer review: 2 approved, 2 approved with reservations]. *Stosunki Miedzynarodowe – International Relations*, 2022, vol. 2, no. 22. DOI: <https://doi.org/10.12688/stomiedintrelat.17587.1>

5. Ferdinand P. Sino-Russian relations: an analytical overview. In: Moshes A., Nojonen M. (eds.). *Russia-China relations: current state, alternative futures, and implications for the West*. Helsinki, 2011, pp. 22–37.

6. Aris S. The Shanghai Cooperation Organisation: "Tackling the Three Evils". A regional response to non-traditional security challenges or an Anti-Western bloc? *Europe-Asia Studies*, 2009, vol. 61, no. 3, pp. 457–482. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668130902753309>

7. Dennis J.S. Central Asia: Managing the delicate balance between the "Discourse of Danger", the "Great Game," and regional problem solving. *Communist and PostCommunist Studies*, 2007, vol. 40, no. 2, Special Issue: Conflict and conflict resolution in central asia: dimensions and challenges, pp. 257–267.

8. Comment by the Ministry on SCO Secretary-General Rashid Alimov's statement on South China sea issue. *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 2016.

URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2292783.

9. Haas M. de. War games of the Shanghai Cooperation Organization and the Collective security treaty organization: drills on the move! *The Journal of Slavic Military Studies*, 2016. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/13518046.2016.1200383>

10. Carlson B.G. The growing significance of China-Russia defense cooperation. *Strategic Studies Institute, US Army War College*, 2023. URL: <https://ssi.armywarcollege.edu/SSI-Media/Recent-Publications/Display/Article/3908561/the-growing-significance-of-china-russia-defense-cooperation/>.

11. Rauf S. Transboundary interactions between Afghanistan and the Shanghai Cooperation Organization after the US Withdrawal from Afghanistan. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzby Narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 252–263. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-252-263>

12. Pannier B. Keeping Afghanistan in Afghanistan. *The Cairo Review of Global Affairs*. URL: <https://www.thecaireview.com/essays/keeping-afghanistan-in-afghanistan/>.

13. Portyakov V. Security cooperation among China, Russia and Central Asian countries // Institute of Far East Research, Russian Academy of Science. 2016. URL: http://www.ifesras.ru/images/stories/2016/portyakov-2-2016_jun_en.pdf.

14. Zhao Z. Can China and Russia overlook Central Asia rivalry for SCO goal to counter West? *South China Morning Post*, 2023, 23 November. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3269443/can-china-and-russia-put-aside-central-asian-rivalry-sco-aims-counter-west>.

15. Lin B., Hart B., Lu S., Liao Y.-J. Analyzing the latest Xi-Putin meeting and China's Belt and Road Forum. *Center for Strategic and International Studies*, 2023, 30 October. URL: <https://www.csis.org/analysis/analyzing-latest-xi-putin-meeting-and-chinas-belt-and-road-forum>.

Информация об авторах / Information about the authors

Дор Жан Смит – аспирант третьего курса по направлению «Международные отношения, глобальные и региональные исследования», Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация),

✉ jeansmithdor@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-5945-3018>

Dor Jean Smith – a third-year Postgraduate Student in International Relations, Global and Regional Studies at Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 29.11.2024;

одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;

принята к публикации / accepted 19.02.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 66–79.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 66–79.

Научная статья

УДК 327.7

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/66-79>

Индо-тихоокеанские стратегии великих держав: КНР как источник геополитической тревоги

Алхаджаль Мохаммед Маннаа Манеа, Андрианирина Маришилдс✉

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Российская Федерация

✉ marishieldsn@gmail.com

Аннотация. Видение, картографическая проекция, концепция, даже стратегия: за десятилетие Индо-Тихоокеанский регион стал частью словаря международных отношений. Являясь выражением меняющегося мира, он вытеснил Азиатско-Тихоокеанский регион. К 2024 году было разработано больше десятка более или менее продуманных индо-тихоокеанских стратегий. Более десятка стран опубликовали свою позицию по Индо-Тихоокеанскому региону. Такое количество «стратегий», «видений» и «точек зрения», подтверждающих использование концепции, свидетельствует не только о её важности, но и о конкурентных отношениях, установившихся между державами, каждая из которых хочет быть частью клуба. Распространение текстов также объясняется необходимостью позиционировать себя и закрепиться в области, которая продолжает стимулировать глобальный рост. За принятыми текстами, которые не совсем схожи по охвату и масштабу, скрываются общие проблемы.

Первым из них, который можно считать настоящим цементом этих индо-тихоокеанских стратегий, является беспокойство или недоверие к Китаю, выраженное с разной степенью ясности в зависимости от конкретной страны.

Данная статья предлагает анализ индо-тихоокеанских стратегий великих держав – основателей концепции Индо-Тихоокеанского региона через призму их беспокойства перед лицом наступательной позиции КНР.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, стратегия, соперничество, США, Индия, Австралия, Китай, QUAD, FOIP, BRI

Для цитирования: Алхаджаль М.М.М., Андрианирина М. Индо-тихоокеанские стратегии великих держав: КНР как источник геополитической тревоги // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 66–79.

Original article

Indo-Pacific great power strategies: the PRC as a source of geopolitical anxiety

Alhajal Mohammed Manna Mannea, Andrianirina Marishields✉

Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russian Federation

✉ marishieldsn@gmail.com

Abstract. A vision, a cartographic projection, a concept, even a strategy: over the recent decade, the Indo-Pacific has become part of the vocabulary of international relations. As an expression of a changing world, it has supplanted ‘Asia-Pacific’. By 2024, over a dozen of more or less elaborate Indo-Pacific strategies had been developed. More than a dozen countries have published their position on the Indo-Pacific. This number of ‘strategies’, ‘visions’ and ‘viewpoints’ supporting the use of the concept testifies not only to its importance, but also to the competitive relationship established between the powers, each of which wants to be part of the club. The proliferation of texts is also due to the need to position oneself and establish oneself in a field that continues to drive global growth. Behind the texts adopted, which are not entirely similar in scope and scale, there are common challenges.

The first of these, which can be considered the real cement of these Indo-Pacific strategies, is the unease or distrust of China, expressed with varying degrees of clarity depending on the specific country. This article offers an analysis of the Indo-Pacific strategies of the founding great powers of the Indo-Pacific concept through the lens of their anxiety in the face of China's offensive posture.

Keywords: Indo-Pacific, strategy, rivalry, USA, India, Australia, China, QUAD, FOIP, BRI

For citation: Alhajal M.M.M., Andrianirina M. Indo-Pacific great power strategies: the PRC as a source of geopolitical anxiety. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2025, vol. 27, no. 1, pp. 66–79. (In Russ.).

Из-за своей агрессивной позиции КНР стала катализатором всех «индо-тихоокеанских стратегий» – от Азии, где главной целью являются Соединённые Штаты, до Западной Европы. Все игроки настаивают на необходимости сохранения свободы передвижения на море, прозрачности и качества инвестиций, уважения закона, включая морское право, и отказа от применения или угрозы применения силы или любых других средств принуждения. Все эти элементы адресованы непосредственно КНР.

На азиатском направлении, которое остаётся в центре индо-тихоокеанских доктрин, концепция также послужила объединению четырёх членов QUAD (США, Японии, Австралии и Индии) вокруг общего видения, даже если содержание доктрин остаётся различным. QUAD рассматривается как ответ или даже стратегический щит против дестабилизирующих действий КНР в регионе. За разнообразием форм выражения мнения сходятся по ряду элементов, таких как безопасность на море, важность физической или киберсвязи, устойчивость цепочек поставок и основополагающий принцип отказа от применения силы или принуждения для изменения статус-кво [1].

В то же время, хотя в опубликованных документах речь идёт об Индо-Тихоокеанском регионе, подавляющее большинство из них сосредоточено на азиатской, или Азиатско-Тихоокеанской, части этого региона. Индийский океан учитывается из-за проходящих через него морских путей сообщения. С другой стороны, Африка, которая теоретически является частью этого региона с его восточной стороны, практически не упоминается. И всё же, как мы увидим, именно на конференции, посвящённой инвестициям в Африку, премьер-министр Японии Синдзо Абэ в 2016 году выступил с призывом к созданию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона [2].

Стратегии стран – инициаторов концепции Индо-Тихоокеанского региона

Япония

Находясь в самом сердце Азиатско-Тихоокеанского региона, более традиционной концепции, к которой она долгое время была привязана, Япония стала настоящим инициатором и продвигателем концепции Индо-Тихоокеанского региона, будучи сильно зависимой от морских путей в Индийский океан. В августе 2016 года на открытии шестой Международной конференции по развитию Африки (TICAD) в Найроби премьер-министр Японии Синдзо Абэ выступил с учредительной речью за объединение двух «свободных и открытых» океанов, которая стала концепцией «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (FOIP)». Для японского премьер-министра это был вопрос восстановления законной стратегической позиции Японии на международной арене перед лицом Китая, который постоянно оспаривает её легитимность, а также выхода из смиренной рубашки двусторонних отношений с Соединёнными Штатами на небольшом пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона [3].

С самого начала концепция FOIP основывалась на шести принципах: свобода, уважение к верховенству закона, рыночная экономика, процветание, отказ от применения силы и стратегий принуждения [4]. В 2023 году Токио опубликовал «Новый план для свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», изложенный премьер-министром Кисидой во время визита в Индию. Затем этот план был одобрен партнёрами Японии на саммите G7 в Хиросиме в мае 2023 года. Для Токио целью

этой весьма гибкой концепции является создание условий для взаимодействия со всеми соседями, которые разделяют не «общие ценности», а общее уважение к фундаментальным принципам соблюдения верховенства закона и принципа суверенитета, равенства и отказа от любого вмешательства или применения силы. Токио подчёркивает отказ от конфронтации в пользу сотрудничества, и эта «инклюзивная» позиция также направлена против КНР, хотя именно в ответ на агрессивность Пекина (как стратегическую, так и экономическую) была первоначально разработана концепция FOIP [5]. Обеспечение безопасности морского и воздушного пространства имеет особое значение, в том числе в рамках программ помощи, направленных на укрепление потенциала наблюдения и контроля уязвимых стран. Япония разработала новый инструмент, OSA (Официальная помощь в целях безопасности), более стратегический аналог ODA (Официальная помощь развитию), который позволяет ей укреплять это сотрудничество.

Для реализации этой концепции Япония опирается, в частности, на QUAD, первоначальной целью которого была координация инициатив по обеспечению безопасности глобальных общественных благ, от здравоохранения до климата, включая создание более устойчивых цепочек поставок с такими надёжными партнёрами, как Индия, для технологических товаров, необходимых для наиболее развитых экономик. Хотя стратегическое измерение «жёсткой» безопасности отнюдь не отсутствует в мотивах QUAD, ни Дели, ни Токио по разным причинам не хотят превращать его в азиатское НАТО или обязательный альянс. В «Новом плане» Токио вновь заявляет о своём неприятии геополитической конкуренции и блоковой логики, что является ещё одним способом дистанцироваться от более конфронтационного видения своего американского союзника [5].

Токио также использует концепцию FOIP, чтобы открыться для стран Глобального Юга, отстаивая позицию, основанную не столько на труднореализуемой идее «общих ценностей», сколько на менее идеологизированных концепциях «гуманитарной безопасности» и уважения к фундаментальным принципам, таким как суверенитет. Токио настаивает на помощи в развитии и строительстве качественных инфраструктур. Центральная тема – связность (как в плане физической, так и нематериальной (кибер) инфраструктуры), а также критика долговой ямы [6]. Все эти элементы позволяют отличить их от китайских проектов Шёлкового пути, которые часто описываются как хищнические для экономики соответствующих стран. Однако нехватка ресурсов ограничивает обязательства, даже если они могут быть объединены с инициативами, выдвинутыми Европейским союзом или Соединёнными Штатами. К 2030 году Япония планирует направить в Индо-Тихоокеанский регион 75 миллиардов долларов государственных и частных средств, в то время как КНР, которая в меньшей степени подвержена правилам бухгалтерского учёта, принятым в ведущих демократических странах, обещает инвестировать 1000 миллиардов долларов.

Какими бы ни были реальность на местах и возникающие трудности, битва цифр на данный момент в пользу Пекина.

Австралия

Ещё один член QUAD, Австралия не опубликовала специального документа по Индо-Тихоокеанскому региону. Однако тема Азии, а затем Индо-Тихоокеанского региона, фигурирует в нескольких документах, опубликованных министерствами иностранных дел и обороны с начала 2010-х годов. Австралия стала первой страной, включившей номенклатуру «Индо-Тихоокеанский регион» в свои стратегические документы. В октябре 2012 года правительство опубликовало «белую книгу» под названием «Австралия в азиатском веке», в которой, наряду с рассмотрением роли и влияния Австралии в Азии [7], упоминается связь между западной частью Тихого и Индийского океанов. С тех пор термин «Индо-Тихоокеанский регион» использовался в качестве альтернативы Азиатско-Тихоокеанскому региону в новой Стратегии безопасности и обороны Австралии, опубликованной в 2013 году, где подчёркивалось «растущее значение географического коридора, простирающегося от Индийского океана до западной части Тихого океана и Индии». С тех пор австралийское видение расширилось ещё больше, включив в себя Соединённые Штаты.

Приоритеты Австралии, однако, колебались от видения, в основном ориентированного на экономические возможности, предоставляемые китайским экономическим центром, до более враждебной или более реалистичной позиции в отношении амбиций Китая в регионе. Сильно зависящая от китайского рынка сырья и сельскохозяйственной продукции Австралия, которая в 2010-х годах экспортировала в Китай 80 % своей продукции, стала одной из первых жертв принудительных стратегий экономических санкций, введённых Китаем с 2017 года [8]. Их целью было «наказать» Австралию, виновную в принятии мер по снижению китайского влияния на её политическую жизнь. Тем временем к власти пришёл либеральный премьер-министр Австралии Скотт Моррисон, близкий к Дональду Трампу, который усилил переориентацию внешней стратегии Австралии в Индо-Тихоокеанском регионе, уделяя больше внимания вопросам безопасности в отношениях с Китаем.

Перед лицом агрессивного Китая, особенно из-за риска конфликта в Тайваньском проливе, в Австралии сложился двухпартийный консенсус относительно необходимости усиления бдительности и более тщательной подготовки вместе с партнёрами по QUAD, включая Соединённые Штаты. Однако приход к власти лейбористского премьер-министра Энтони Албанезе в 2022 году вновь направил стратегию Австралии в Индо-Тихоокеанском регионе в менее откровенно антагонистическое русло.

Опубликованная в 2017 году глава 3 Белой книги по внешней политике Австралии, озаглавленная «Стабильный и процветающий Индо-Тихоокеанский регион», посвящена партнёрству со странами региона, разделяющими те же демократические

ценности и, более того, те же интересы, от Южной Кореи до Индии, Японии и Индонезии, ещё одного ключевого партнёра Австралии [9].

В опубликованных в 2020 году стратегических обновлениях оборонного ведомства Индо-Тихоокеанское пространство рассматривается Австралией как дуга, протянувшаяся от Индии до Новой Зеландии через страны Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана. Согласно этим документам, цель Канберры – влиять на стратегическую обстановку, чтобы сделать её более благоприятной, сдерживать любые действия против своих интересов и обеспечить себя надёжной силой в рамках привилегированного союза с Соединёнными Штатами. Как и в случае с Японией, речь также идёт о том, чтобы заверить Вашингтон в готовности Австралии взять на себя конкретные и финансовые обязательства по противостоянию Китаю в случае кризиса. В этом также заключается смысл соглашения AUKUS, какими бы ни были трудности в реализации запланированных проектов [10].

Соединённые Штаты Америки

Благодаря своей сети альянсов в регионе и непревзойдённому потенциалу проецирования Соединённые Штаты занимают центральное место в рассуждениях о безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Правительство США начало использовать термин «Индо-Тихоокеанский регион» в рамках стратегии администрации Обамы «Поворот в Азию», призванной изменить баланс сил перед лицом уже вызывающего беспокойство Китая. Однако администрация Обамы не дала чёткого и последовательного географического определения «Индо-Тихого океана», особенно в отношении включения в него Индийского океана [11], поскольку Соединённые Штаты считают и определяют себя в основном как тихоокеанское государство.

В дальнейшем первоначальное географическое восприятие Индо-Тихого океана, принятое администрацией Трампа, похоже на японское. В октябре 2017 года Рекс Тиллерсон, в то время госсекретарь, выступил с речью, в которой описал Индо-Тихоокеанский регион как «весь Индийский океан, западную часть Тихого океана и страны, которые их окружают», подчеркнув при этом роль Индии. В Стратегии национальной безопасности [12], опубликованной в декабре 2017 года, Индо-Тихоокеанский регион в понимании Вашингтона определяется как «регион, простирающийся от западного побережья Индии до Соединённых Штатов». При этом США исключили из концепции западную часть Индийского океана, Ближний Восток и Африку. С тех пор они постоянно подтверждают, что являются частью Индо-Тихоокеанского региона, и подчёркивают важность региона для своего будущего, основываясь на этом географическом определении. Вашингтон пытается бороться с китайским нарративом, который систематически представляет их как «внешнюю державу». Эта географическая конфигурация отражена в региональной военной структуре основных командований США. В мае 2018 года Тихоокеанское командование США

(USPACOM) было переименовано в Индо-Тихоокеанское командование США (USINDOPACOM), которое является высшим подразделением различных армейских корпусов США, присутствующих в этом регионе. Это изменение названия указывает на то, что Соединённые Штаты рассматривают свою индо-тихоокеанскую стратегию в качестве долгосрочной основы региональной политики безопасности. В условиях, которые можно охарактеризовать как «конкурентные», если не сказать конфронтационные, вооружённые силы США должны вернуть себе инициативу и трансформироваться, чтобы сохранить оперативное превосходство над китайскими конкурентами [13].

Есть как минимум две причины, по которым США разделили Индо-Тихоокеанский регион географически. Во-первых, индо-тихоокеанская стратегия страны вытекает из её концепции национальной безопасности. В ней всё большее внимание уделяется Китаю и развитию потенциала НОАК (Народно-освободительная армия Китая). Учитывая структуру командования армии США, стремление к эффективности оправдывает создание единого географического командования USINDOPACOM, отвечающего за безопасность в этом регионе. Во-вторых, Пентагон заинтересован в интеграции Индии в сеть своих союзников и близких партнёров в Азии. Американские военно-политические круги считают, что континентальный вес Индии имеет фундаментальное значение для стабилизации Южной Азии, но её морская роль не менее важна в западной части Индийского океана и Юго-Восточной Азии перед лицом стратегии «свершившегося факта» Китая по переделу морских границ в своих интересах.

Независимо от того, признается это официально или нет, для большинства стран региона Вашингтон считается главным гарантом безопасности в регионе, не позволяющим Китаю использовать влияние для бесконтрольного навязывания своего господства и воздействия на более слабых соседей. Соединённые Штаты располагают значительными ресурсами в регионе, имея более 66 объектов оборонной инфраструктуры, разбросанных по всему Индо-Тихоокеанскому региону [14].

Во введении к Индо-Тихоокеанской стратегии США на 2022 год президент Джо Байден утверждал: «Будущее каждой из наших наций зависит от свободного и открытого, устойчивого и процветающего Индо-Тихоокеанского региона» [15]. Причины такой заинтересованности те же, что и у других держав, разработавших индо-тихоокеанскую стратегию. Это – экономическая взаимозависимость с регионом, безопасность морских путей сообщения, а также необходимость соблюдения норм и верховенства права. Для Вашингтона защита американских интересов возможна только при условии прочного закрепления США в Индо-Тихоокеанском регионе. И в этом закреплении, несмотря на окончание холодной войны, определяющую роль играет сеть альянсов, которую Соединённые Штаты создали с Японией, Австралией, Республикой Корея, а также Филиппинами и Таиландом на протяжении всего послевоенного периода.

Но помимо желания отговорить Китай от попыток навязать свою сферу влияния в регионе, Соединённые Штаты также осуждают планы Пекина стать «самой влиятельной державой в мире». В отличие от других стран, разработавших индо-тихоокеанскую стратегию, цель Вашингтона связана с желанием сохранить собственное превосходство. И, хотя сегодня она может совпадать с целями партнёров Вашингтона, нет уверенности, что так будет всегда, особенно если Китай будет развиваться более позитивно и менее агрессивно. Более того, для таких держав, как Индия, страны АСЕАН и Франция, перевод этой цели в плоскость системной конкуренции между Китаем и США, навязывающей каждому из них выбор без нюансов и независимого осмысления, неприемлем и потенциально разрушает прочность сложившихся партнёрских отношений. Это так, даже если Соединённые Штаты заявят, что хотят согласовать свою позицию с позицией своих «ближайших друзей» – Индии, Японии, Австралии, Южной Кореи, членов АСЕАН, Великобритании и Франции.

Таким образом, индо-тихоокеанская стратегия Соединённых Штатов имеет прежде всего аспект безопасности: речь идёт о преобразовании стратегической среды, в которой действует КНР, чтобы создать благоприятную почву, по словам Байдена, «для Соединённых Штатов, наших союзников и наших партнёров».

Она основана на нескольких столпах: реализация свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, свободного от угрозы применения силы, где технологические стандарты уважают ценности, общие для демократий; создание связей, в частности, путём укрепления сети союзов и сотрудничества с региональными партнёрами, включая Тайвань, и внерегиональными партнёрами, такими как ЕС и Франция; процветание на основе рамочной программы экономического сотрудничества и ряда предложенных Соединёнными Штатами инициатив, таких как IPEF и Blue Dot Network, призванных помочь Соединённым Штатам преодолеть разрыв в инфраструктуре, стремясь напрямую конкурировать с масштабными китайскими инвестиционными проектами в этих секторах.

Укрепление безопасности в регионе также потребует ещё большего военного присутствия, несмотря на то что в Индо-Тихоокеанском регионе уже находится самое большое количество американских военнослужащих за рубежом. Вашингтон намерен защищать или поддерживать своих союзников и партнёров против китайских наступательных операций, направленных на захват или отказ в доступе к части территории с помощью силы.

Индия

Индия, третий региональный лидер QUAD, географически расположена в самом центре Индо-Тихоокеанского региона; определила условия индо-тихоокеанской концепции в отношении продвижения Китая, в частности, через Шёлковый путь, который простирается до Шри-Ланки, Пакистана, Бангладеш и Мальдивских островов,

и развития проекционного потенциала НОАК в Индийском океане. У неё также есть амбиции по развитию отношений с Африкой, которые в гораздо меньшей степени учитываются другими игроками Индо-Тихоокеанского региона, такими как Австралия, которые больше сосредоточены на своём непосредственном стратегическом окружении. Нью-Дели, приоритетной стратегической целью которого остаётся Индийский океан, намерен разъяснить, что западная граница Индо-Тихого океана выходит за пределы его территории и включает побережье Восточной Африки вплоть до Африканского Рога и подходы к Красному морю.

Столкнувшись с давлением Китая в своём морском пространстве, Индия разработала свою индо-тихоокеанскую стратегию с целью восстановления баланса и защиты свободы передвижения на море, в то время как с момента обретения независимости она традиционно отдавала приоритет защите своих континентальных границ от китайских и пакистанских противников. Видение Индо-Тихоокеанского региона Индией было изложено в июне 2018 года премьер-министром Нарендрой Модии в Сингапуре на диалоге по безопасности Шангри-Ла [16].

Модии отстаивал идею «открытого и инклюзивного» Индо-Тихоокеанского региона, основанного на принципе уважения суверенитета и территориальной целостности, без применения силы или принуждения, в соответствии с озабоченностями и стратегиями, изложенными всеми основными региональными и внерегиональными игроками. 4 ноября 2019 года Индия представила новый документ под названием «Индо-тихоокеанская инициатива» (IPOI), целью которого является развитие партнёрских отношений со странами, желающими сотрудничать в решении проблем безопасности в регионе. Основное внимание Индия по-прежнему уделяет морским районам, сталкивающимся со стратегиями влияния и давления со стороны КНР, таким как островные государства Индийского океана, что является прямым вызовом стратегическим интересам Нью-Дели. В основе IPOI лежат семь основных направлений сотрудничества: безопасность на море, рыбные ресурсы, предотвращение и ликвидация последствий стихийных бедствий, а также научное сотрудничество. Поэтому Индия уделяет особое внимание развитию партнёрства и сотрудничества с региональными игроками, включая членов QUAD – Австралию и Японию. Вместе с Австралией Нью-Дели создал австралийско-индийское партнёрство в рамках индо-тихоокеанской океанической инициативы. Япония также является привилегированным партнёром с 2007 года, когда премьер-министр Синдзо Абэ выбрал Нью-Дели для презентации своей концепции сближения двух океанов, основанной, в частности, на общности ценностей двух демократических стран [16].

Для Нью-Дели АСЕАН является не менее важным партнёром благодаря своему стратегическому положению вдоль основных морских транспортных путей между Индийским и Тихим океанами, а также благодаря центральной, но относительно нейтральной роли стран Юго-Восточной Азии, которые хотят уравновесить мощь

Китая, не попадая в ловушку одностороннего сплочения с американским видением Индо-Тихоокеанского региона. Аналогичным образом, хотя существует консенсус в пользу более тесных связей с Вашингтоном перед лицом китайского давления, в том числе в области военного сотрудничества, индийские аналитики опасаются роста системного соперничества между Пекином и Вашингтоном за ведущую мировую державу [17].

Ответ Китайской Народной Республики

Для китайских экспертов идея Индо-Тихоокеанского региона является проявлением противостояния, в которое США пытаются втянуть Китай. Эта концепция и связанное с ней позиционирование представляются как проявление стремления Вашингтона контролировать и замедлять становление КНР, осуществление «китайской мечты», к которой стремится Си Цзиньпин, одновременно укрепляя или воссоздавая альянсы типа холодной войны. Для Пекина эта концепция во всех её экономических и стратегических аспектах является лишь попыткой ответить на инициативу Шёлкового пути (BRI) – что отчасти верно – и на ту позитивную роль, которую Китай играет в качестве поставщика богатства, развития и инфраструктуры для стран Глобального Юга. Столкнувшись с этим наступлением, КНР пытается навязать своё «видение», не имеющее реального содержания, но представленное как более универсалистское, – «сообщество общего будущего человечества», основанное на принципе «выигрыш – выигрыш». Китай также отвергает любой анализ, который представляет эти «законные» претензии, согласно позиции китайских властей, как попытки изменить территориальный статус-кво с помощью силы, особенно в морских районах Китайского моря и Тайваньского пролива [18].

Хотя Китай не использует концепцию Индо-Тихоокеанского региона, он ссылается на неё, осуждая «менталитет холодной войны» и формирование блоков вокруг Соединённых Штатов. В марте 2018 года, отвечая на вопрос об Индо-Тихоокеанском регионе, министр иностранных дел Ван И, например, сказал: «Это как морская пена в Тихом и Индийском океанах. Они могут привлечь некоторое внимание, но вскоре рассеются. Поощрение новой холодной войны не соответствует времени» [19].

Столкнувшись с этими инициативами, Китай пытается создать контрсеть организаций стратегического или экономического масштаба, которая позволит ему навязывать контрпропаганду концепции Индо-Тихого океана. К ним относятся Шёлковый путь – вектор влияния на страны, которые в значительной степени зависят от китайских инвестиций, а также ШОС и, в экономическом плане, РСЕР (Всестороннее региональное экономическое партнёрство), объединяющее пятнадцать экономик в обширную зону свободной торговли. Для некоторых стран главной силой Пекина в этой области остаётся его антизападная позиция и, более того, его экономическое влияние. Если темпы роста китайской экономики замедлятся слишком сильно, этот

потенциал влияния, в частности благодаря Шёлковому пути, может быть поставлен под вопрос. Уже в октябре 2023 года Филиппины объявили, что остановят несколько инфраструктурных проектов, связанных с Шёлковым путём. В этом контексте Китай внимательно следит за позицией стран АСЕАН и самой организации в отношении концепции Индо-Тихоокеанского региона, пытаясь стимулировать позицию относительного нейтралитета – отказ от выбора между двумя лагерями – на основе экономических возможностей, которые КНР всё ещё может привнести в регион [20].

Список источников

1. Fact sheet: 2024 Quad Leaders' Summit, September 21, 2024. URL: <https://in.usembassy.gov/fact-sheet-2024-quad-leaders-summit/>.
2. Васильев В.С., Чудинова К.О. Индо-Тихоокеанский регион как новая основа японской торговой политики АТР // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 4 (16). С. 21–30. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2018-4-21-30>
3. Забелла А.А., Пенькова Е.А., Фивейская М.С. «Один пояс, один путь» vs. «свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион»: соперничество за региональную интеграцию (взгляд из Индии и Японии) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. № 4 (53). С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-005-019>
4. Песцов С.К. Концепция свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона: общее в многообразии интерпретаций // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 24, № 4. С. 111–131. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-4/111-131>
5. Новый план для установления «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (FOIP)». Март 2023 г. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100495323.pdf>.
6. Zulhilmi H.A.M., Mohd I.M.H. Japan's foreign policy in Indo-Pacific // Russian Law Journal. 2023. Vol. 11. Iss. 5. P. 2016–2029.
7. Walker D. Engaging with Asia? We've been here before. The conversation. 20 April 2012. URL: <https://theconversation.com/engaging-with-asia-weve-been-here-before-6455>.
8. Defending Australia and its national interests, Defence White Paper 2013, Department of Defence, Australian Government. May 13. URL: http://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/wp_2013_web.pdf.
9. Australian government, Department of Foreign affairs and Trade. 2019–2020 annual report. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/dfat-annual-report-2019-20.pdf>.
10. Australian government, Department of Foreign affairs and Trade. 2020 Defence strategic update. URL: https://www.defence.gov.au/sites/default/files/2020-11/2020_Defence_Strategic_Update.pdf.

11. Ayres A. The US Indo-Pacific strategy needs more Indian Ocean, Council on Foreign Relations. 22 January 2019. URL: <https://www.cfr.org/expert-brief/us-indo-pacific-strategy-needs-more-indian-ocean>.
12. National security strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.
13. Freier N. An Army transformed: USINDOPACOM, Hypercompetition and US Army Theater. [S. l.]: Strategic Studies Institute, US Army War College, 2020. 100 p.
14. U.S. Defense infrastructure in the Indo-Pacific: Background and issues for congress, congressional Research Service. 6 June 2023. URL: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R47589.pdf>.
15. Indo-Pacific strategy of the United States. February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf>.
16. Куприянов А.В. Китайский фактор в формировании индийского подхода к концепции Индо-Тихоокеанского региона // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 68–74.
17. Ladwig W. The Indo-Pacific in Indian foreign policy. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/policy-briefs/indo-pacific-indian-foreign-policy>.
18. Yun Sun. China's strategic thinking toward the US role in the Indo-Pacific, 2017–2020. The Asan Forum. February 28, 2024. URL: <https://theasanforum.org/chinas-strategic-thinking-toward-the-us-role-in-the-indo-pacific-2017-2020/>.
19. Berkofsky A., Miracola S. Geopolitics by other means: the Indo-Pacific reality. ISPI. February 2019. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/indo-pacific_web_0.pdf.
20. Strangio S. Philippines drops Chinese funding for three railway projects // The Diplomat. 2023. October 27. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fda261e9-6766b7fb-fbf05f28-74722d776562/https/thediplomat.com/2023/10/philippines-drops-chinese-funding-for-three-railway-projects/.

References

1. Fact sheet: 2024 Quad Leaders' Summit, September 21, 2024. URL: <https://in.usembassy.gov/fact-sheet-2024-quad-leaders-summit/>.
2. Vasiliev V.S., Chudinova K.O. Indo-Tikhookeanskii region kak novaya osnova yaponskoi trgovoi politiki ATR [The Indo-Pacific Region as a new basis for Japan's Asia-Pacific trade policy]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, 2018, no. 4 (16), pp. 21–30. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2018-4-21-30>
3. Zaballa A.A., Penkova E.A., Fiveiskaya M.S. «Odin poyas, odin put'» vs. «svobodnyi i otkrytyi Indo-Tikhookeanskii region»: sopernichestvo za regional'nuyu integratsiyu (vzglyad iz Indii i Yaponii) ["One Belt, One Road" vs. "A Free and Open Indo-Pacific"]:

competition for regional integration (A view from India and Japan)]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2021, no. 4 (53), pp. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-005-019>

4. Pescov S.K. Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya [The Concept of a Free and Open Indo-Pacific: common ground in the diversity of interpretations]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2021, vol. 24, no. 4, pp. 111–131. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-4/111-131>

5. A New Plan for Establishing a “Free and Open Indo-Pacific (FOIP)”. March 2023. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100495323.pdf>. (In Russ.).

6. Zulhilmi H.A.M., Mohd I.M.H. Japan's foreign policy in Indo-Pacific. *Russian Law Journal*, 2023, vol. 11, iss. 5, pp. 2016–2029.

7. Walker D. Engaging with Asia? We've been here before. The conversation. 20 April 2012. URL: <https://theconversation.com/engaging-with-asia-weve-been-here-before-6455>.

8. Defending Australia and its national interests, Defense White Paper 2013, Department of Defense, Australian Government. May 13. URL: http://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/wp_2013_web.pdf.

9. Australian government, Department of Foreign Affairs and Trade. 2019–2020 annual report. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/dfat-annual-report-2019-20.pdf>.

10. Australian government, Department of Foreign Affairs and Trade. 2020 Defense strategic update. URL: https://www.defence.gov.au/sites/default/files/2020-11/2020_Defence_Strategic_Update.pdf.

11. Ayres A. The US Indo-Pacific strategy needs more Indian Ocean, Council on Foreign Relations. 22 January 2019. URL: <https://www.cfr.org/expert-brief/us-indo-pacific-strategy-needs-more-indian-ocean>.

12. National security strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

13. Freier N. An Army transformed: USINDOPACOM, Hypercompetition and US Army Theater. [S. l.]: Strategic Studies Institute, US Army War College, 2020. 100 p.

14. U.S. Defense infrastructure in the Indo-Pacific: Background and issues for congress, congressional Research Service. 6 June 2023. URL: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R47589.pdf>.

15. Indo-Pacific strategy of the United States. February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf>.

16. Kupriyanov A.V. Kitaiskii faktor v formirovanii indiiskogo podkhoda k kontseptsii Indo-Tikhookeanskogo regiona [The Chinese factor in shaping the Indian approach to the concept of the Indo-Pacific region]. *Sravnitel'naya politika*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 68–74.

17. Ladwig W. The Indo-Pacific in Indian foreign policy. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/policy-briefs/indo-pacific-indian-foreign-policy>.
18. Yun Sun. China's strategic thinking toward the US role in the Indo-Pacific, 2017–2020. The Asan Forum. February 28, 2024. URL: <https://theasanforum.org/chinas-strategic-thinking-toward-the-us-role-in-the-indo-pacific-2017-2020/>.
19. Berkofsky A., Miracola S. Geopolitics by other means: the Indo-Pacific re-ality. ISPI. February 2019. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/publicazioni/indo-pacific_web_0.pdf.
20. Strangio S. Philippines drops Chinese funding for three railway projects. *The Diplomat*. 2023, October 27. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fda261e9-6766b7fb-fbf05f28-74722d776562/https/thediplomat.com/2023/10/philippines-drops-chinese-funding-for-three-railway-projects/.

Информация об авторах / Information about the authors

М.М.М. Алхаджаль – аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Российская Федерация),
✉ info.alkhadjal@gmail.com

М.М.М. Alhawal – Postgraduate Student of Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation).

М. Андрианирина – аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Российская Федерация),
✉ marishieldsn@gmail.com

M. Andrianirina – Postgraduate Student of Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 21.12.2024;
одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;
принята к публикации / accepted 19.02.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 80–91.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 80–91.

Научная статья

УДК 327

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/80-91>

Сравнительный анализ украинского и тайваньского кейсов

Владислав Владимирович Харичков

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского,
Москва, Российская Федерация

✉ vladkharichkov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу украинского и тайваньского кейсов как феноменов современной международно-политической реальности в условиях происходящих геополитических трансформаций. Автор рассматривает ретроспективный аспект развития тайваньского и украинского вопросов, эволюцию идентичностей и политической мысли, а также роль и влияние внешнеполитического контекста. В заключительной части исследования автор выделяет конкретные положения, которые позволяют нам провести параллели между данными двумя вопросами. Вместе с тем подчёркиваются и различия, которые определяют уникальность и специфичность тайваньского и украинского вопросов относительно друг друга.

Ключевые слова: Украина, Тайвань, США, РФ, идентичность, диалект, схожесть, различие, кейс

Для цитирования: Харичков В.В. Сравнительный анализ украинского и тайваньского кейсов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 80–91.

Original article

Comparative analysis of the Ukrainian and Taiwanese cases

Vladislav V. Kharichkov

University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky,
Moscow, Russian Federation

✉ vladkharichkov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Ukrainian and Taiwanese cases as phenomena of contemporary international political reality amidst ongoing geopolitical transformations. The author examines the retrospective development of the Taiwanese and Ukrainian issues, the evolution of identities and political thought, as well as the role and impact of the foreign policy context. In the concluding part of the study, the author identifies specific aspects that allow for drawing parallels between these two cases. At the same time, the differences that define the uniqueness and specificity of the Taiwanese and Ukrainian issues in relation to each other are emphasized.

Keywords: Ukraine, Taiwan, USA, RF, identity, dialect, similarities, differences, case

For citation: Kharichkov V.V. Comparative analysis of the Ukrainian and Taiwanese cases. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2025, vol. 27, no. 1, pp. 80–91. (In Russ.).

Введение

В условиях хаотизации международной системы и усиления конфликтогенности среды внимание широкой общественности и исследователей сегодня приковано к двум ключевым локациям – зоне Тайваньского пролива и зоне проведения специальной военной операции со стороны РФ. Российско-украинский конфликт одновременно выступил и как катализатор процесса пересмотра Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, и как фактор «нормализации» войны как явления объективной международно-политической реальности, тем самым нанеся очередной удар по концепции «конца истории», предложенной в начале 90-х Ф. Фукуямой. Непрерывное нарастание напряжённости между КНР и Республикой Китай в последние годы на фоне «новой большой войны» в Европе стало восприниматься политиками и военными экспертами разных уровней как движение к «большой войне» в Азии. Одной из главных особенностей украинского и тайваньского вопросов является то, что оба они несут в себе серьёзный потенциал выхода за пределы «серой зоны» и перерастания в конфликт великих держав – США, КНР, РФ. Другой принципиальной особенностью данных кейсов является то, что они выступают в качестве показательных примеров усиления фактора идентичности на международно-политические процессы в рамках существующей системы. Нередко, при упоминании украинского кризиса, политики и эксперты также отсылаются и к вопросу «двух берегов». И наоборот.

Таким образом, целью данной статьи является попытка ответа на вопрос: в чём схожесть и различие тайваньского и украинского кейсов? Насколько корректно сравнивать данные прецеденты?

С данной целью автор стремится раскрыть вопрос с нескольких перспектив: генезис украинского и тайваньского кейсов, роль внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов, роль идентичности и процесс её конструирования на примере Украины и Тайваня.

Генезис украинского вопроса

Говоря об украинском вопросе, стоит подчеркнуть, что идея «украинства» развивалась на протяжении нескольких веков и неверно связывать истоки украинского «самостийничества» исключительно с периодом XX века. Кроме того, как справедливо отмечает Н.И. Ульянов в своей работе «Происхождение украинского сепаратизма», также неверно сводить причины явления исключительно к влиянию внешних сил, но стоит обратить внимание и на внутренние предпосылки зарождения украинского движения за автономию [1, с. 6].

Традиционно принято начинать рассмотрение генезиса украинства с периода гетманства. После событий Переяславской рады (1654 г.) гетманы стремились максимально ограничить влияние центра – Московского государства. Так, казачество того периода наделялось правом сбора налогов, имело собственные институты власти. Показательным для понимания отношений казачества и Московского царства является системное предательство гетманов, переходивших на сторону оппонентов России (Брюховецкий, Дорошенко, Выговский, Мазепа и другие). Ещё в период главенства Б. Хмельницкого активно распространяются антимосковские нарративы. В XVIII – XIX вв. польская интеллигенция и система образования стимулируют развитие идеи об отличии малороссов и великороссов. Распространяется своеобразный катехизис «украинства» – «История русов», в которой период казачества характеризуется как время «свободы, равенства и братства», а само казачество – как благородное дворянско-рыцарское сословие. Московское же царство в «Истории русов» предстаёт как фактор закрепощения и подавления малороссов. В XIX в. политическая философия «украинства» эволюционировала под влиянием распространения идей либерализма, демократизации, республиканства и федерализма. Значимый вклад в развитие самостийничества внесли работы и политические рассуждения К. Рылеева, работы по истории Н. Костомарова и творчество Т. Шевченко как главного поэта националистического движения. В данный период усиливается интерес к малоросскому наречию, фольклору и этнокультуре [1, с. 8–54].

В начале XX в. территория Галиции становится тем местом, где теоретические основы украинского национализма кристаллизуются. Украина как термин наполняется не только географическим, но и этническим содержанием, основанным на противопоставлении себя соседним народам (и в первую очередь – русским) [1, с. 104 – 121]. В годы советской власти украинская идентичность также получила дополнительные ресурсы для развития за счёт «борьбы с буржуазными идеологиями», в частности «великорусским шовинизмом», а также за счёт присоединения новых территорий и проводимой политики коренизации, что вело к украинизации образования и переформатированию широких масс русскоязычного населения УССР. После амнистии 1955 г. многие украинские националисты, воевавшие на стороне Германии, смогли интегрироваться во властные структуры СССР [2].

Рассматривая генезис украинской идеологии, нельзя не подчеркнуть, что питательной средой для неё на протяжении веков являлась Польша. Властвуя на данной территории и окультуривая на польский манер через систему образования и привилегий, польско-литовская шляхта распространяла тезисы о неславянском происхождении русских, московской деспотии и этнической обособленности малороссов от великороссов. Схожими методами действовали на рубеже XIX–XX вв. в Австро-Венгрии, пытаясь устранить угрозу сближения галицийских русин с Россией и, как следствие, конструируя новые идеологемы украинства.

Генезис тайваньского вопроса

По аналогии с украинским кейсом тайваньский вопрос также зародился в условиях сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов. Коренным населением острова являются народы малайско-полинезийского происхождения, а первые волны материковой миграции датируются XII–XIII веками. При этом основу данного потока составили ханьские субэтноты из провинций Фуцзянь и Гуандун – хокло, хакка и пунти. Периферийный статус острова и свойственная населению южных провинций предприимчивость создали условия для появления на острове особого хозяйственного уклада, который характеризовался активным использованием морских маршрутов, развитием пиратства и контрабандной торговли. В частности, между китайскими и японскими пиратами.

В период XVI–XVII вв. на остров прибывают западные колонизаторы – португальцы, испанцы и голландцы – для организации торговли с империей Мин. Помимо этого, с целью развития сельского хозяйства на острове голландские колонисты нередко вербовали авантюристские слои прибрежного населения, переселяя их на Тайвань, что привело к очередному этапу демографического роста на данной территории [3].

В 1644 г. жители острова негативно отреагировали на маньчжурское завоевание Китая и организовали сопротивление, возглавляемое Чжэн Чэнгуном и его потомками. В процессе восстания Чжэн Чэнгун в 1661 г. изгоняет голландских колонистов и берёт остров под контроль. Однако в 1683 г. под давлением маньчжурских войск минским лоялистам пришлось капитулировать. В результате Тайвань и соседние острова пролива становятся частью провинции Фуцзянь [3].

В XVIII веке власти Цин предпринимали различные попытки контролировать миграцию, в частности посредством введения ограничений на въезд членов семьи. Это привело к увеличению количества браков между бывшими материковыми жителями и формозцами. Кроме того, это период антиманьчжурских восстаний, вызванных налоговой и социальной политикой центрального правительства, притом инициаторами народных волнений, как правило, выступали именно ханьские слои населения [3].

В XIX веке западные акторы начинают осознавать военно-политическое и экономическое значение Тайваня в регионе. В результате Опиумных войн и Тайпического восстания власть цинской династии существенно ослабевает, а контроль над Тайванем становится номинальным. Помимо этого, антимаичжурские восстания продолжаются, однако к ним также добавляются волнения против иностранцев. Западные державы, среди которых были Англия, США, Франция и Пруссия, вынашивали планы оторвать Тайвань от Китая тем или иным способом, чтобы заполучить себе в распоряжение географически выгодную базу для продвижения собственных коммерческих и военно-политических интересов в регионе: в 1841 г. британские войска пытались закрепиться на острове; в 1867 г. американские ВМС и морская пехота организуют карательную экспедицию; в 1874 г. Япония организует военную экспедицию на остров; Китайско-французская война 1894–1895 гг., сопровождавшаяся захватом Цзилуна и Пескадоских островов. Тем не менее перечисленные операции не достигли своих конечных целей. Стоит подчеркнуть, что партизанское сопротивление, организованное местным населением, сделало неприемлемыми политические и экономические издержки колонизаторов, что и привело к провалу данных компаний [3].

По итогам Японо-китайской войны 1894–1895 гг. был подписан Симоносекский договор, закрепивший переход Тайваня Японии. Период японского правления на острове (1895–1945 гг.) выступил в роли катализатора роста национального самосознания жителей Тайваня. Так, в мае 1895 г., спустя месяц после подписания Симоносекского договора, островные чиновники и военные объявляют о создании самоуправляемой Тайваньской республики, создаются институты и символы власти. Однако срок жизни первой дальневосточной республики оказался непродолжительным – уже в октябре 1895 г. политическое сопротивление было подавлено японскими войсками, а движение за независимость, которое сопровождалось ожесточённой партизанской борьбой против японцев, лишилось вертикали управления. Стихийные антияпонские восстания продолжались на острове вплоть до 1902 г. Ещё одним значимым символом политического активизма на Тайване стало создание в 1927 г. первой политической партии острова – Тайваньской народной партии (ТНП). Данная партия выступала за расширение гражданских прав местного населения и обеспечение их представительства в органах управления. Также партия выступала с предложениями по улучшению условий работы рабочих и крестьян, по укреплению локальной культуры и реформированию образования. Посчитав в 1931 г., что партия и её идеи расширения автономии острова несут угрозу колониальному режиму, японская администрация оказала серьёзное давление на ТНП, что впоследствии привело к её ликвидации [4].

С 1918 по 1945 г. японская администрация реализовывала на Тайване политику «культурной ассимиляции» и превращение островитян в японских граждан. Заклучалась данная политика во внедрении и распространении японского языка, обычаев,

образа жизни и верований среди тайваньского населения. Каналами проведения «культурной ассимиляции» выступали школьное образование, торговля и японо-китайские браки. К 1944 г. более 70 % тайванцев владели японским языком [5].

Несмотря на предельную жестокость методов колониального управления, экономическая модернизация острова, а также санитарно-эпидемиологическая политика властей привели к значительному росту островного населения. Таким образом, японизация островитян создала условия для формирования культурной обособленности от материкового населения, а экономическая модернизация выступила фактором обеспечения материальной автономии [6].

После капитуляции Японии и возвращения Тайваня под управление Китайской Республики в 1945 г. гоминьдановская администрация начала разворачивать политику деяпонизации и рекитаизации [7]. Суть данной политики заключалась в возрождении системы «традиционного китайского образования», включающего в себя изучение древней литературы, произведений Сунь Ятсена и Чан Кайши, а также элементы политического образования. Официальным языком Тайваня был провозглашён пекинский диалект (*путунхуа / гоюй*). В 1952 г. был введён запрет на обучение на тайваньских диалектах и японском языке. Те, кто использовал диалекты в общественных местах, подвергались штрафам. Помимо этого, доступ к госслужбе был ограничен для тех, кто не владел *гоюй* [8].

Подобное положение дел продолжалось вплоть до 1980-х гг. В 1987 г. президент Цзян Цзинго отменяет закон о военном положении на острове, что открывает путь политическому инакомыслию и демократизации.

Украинский и тайваньский кейсы на современном этапе

Третья волна демократизации (1970–1990-е гг.) и геополитические трансформации, связанные с распадом Советского Союза, сыграли ключевую роль в процессе формирования новой политической реальности Тайваня и Украины.

В период 1980–1990-х годов на фоне демократизации общественной жизни, реформирования политических институтов и развития альтернативных идейных течений в Республике Китай происходит тайванизация островных элит, укрепление местной идентичности, а также отказ от амбиций по объединению острова и материка под властью ГМД. Последнее ознаменовало поворотный момент в политике республики.

Аналогичные процессы имели место и на Украине. В 1991–2004 гг. отход от общесоветского прошлого, стремление обособиться от России и рост внимания к вопросам украинского языка, культуры и истории – это то, что сопровождало становление независимого государства Украина в данном периоде.

2000-е гг. на о. Тайвань отметились приходом к власти открытого сторонника курса на обретение независимости Тайваня – президента Чэнь Шуйбяня. Несмотря на попытки временами смягчать пронеизависимую риторику, Чэнь неоднократно

отзывался об отношениях материка и острова как о «межгосударственных». В это время внедряются изменения в школьную систему образования: акцент смещается в сторону изучения тайваньской истории, географии и культуры взамен общекайтайской. Более того, вводятся курсы локальных языков – хакка, хокло и языки аборигенов. Тем не менее с приходом Ма Инцзю в 2008 г. данный тренд на последующие несколько лет ослабевает. Отношения КНР и Республики Тайвань в экономике, политике и культуре, наоборот, значительно улучшаются [9; 10].

Переломным событием в политике Украины стала «оранжевая революция» 2004 г., отразившая существующий раскол общества страны по линии «Запад – Восток». После данного события позиции ориентированных на Запад партий заметно укрепились. Среди таковых можно отметить: «Блок Юлии Тимошенко» (позже «Батькивщина») и «Наша Украина» [11]. При этом Партия регионов, отстаивающая права русскоязычного населения и русскоговорящих регионов, а также нацеленная на многовекторное укрепление отношений с РФ, вплоть до 2014 г. оставалась ведущей партией Украины.

Так совпало, что 2014 г. стал очередной точкой невозврата и для Тайваня, и для Украины. Проводимый курс Ма Инцзю на экономическое сближение с Китаем и ратифицированное ГМД Соглашение о торговле услугами между двумя берегами вызвали острую реакцию оппозиционной части Тайваня. Последующие политические демонстрации получили название «движение подсолнухов». Данное движение заявляло о том, что ГМД ради укрепления связей с КНР приносит в жертву интересы Тайваня. Описанные события существенно подорвали позиции ГМД, что отразилось на следующих выборах президента острова в 2016 г., на которых победу одержала кандидат от ДПП – Цай Инвэнь [12].

В отличие от относительно мирного характера «движения подсолнухов», события в Украине 2013–2014 гг. продемонстрировали радикальные методы политической борьбы. Евромайдан стал очередным поворотным моментом, который привёл к гражданской войне, утрате территорий и усилению ультранационалистических сил. В стране утвердились партии, такие как «Блок П. Порошенко» (БПП), «Народный фронт», «Батькивщина» и Радикальная партия О. Ляшко, чьи программы акцентировали внимание на интеграции в европейское экономическое и военно-политическое пространство и противостоянии Российской Федерации как «агрессору». В противовес им возник Оппозиционный блок (ОБ), сформированный на базе бывших членов Партии регионов (ПР). Эта политическая поляризация отразила глубокие расколы в обществе, создавая условия для дальнейших конфликтов и нестабильности, что способствовало росту недовольства среди населения и возникновению новых протестных движений. Кроме того, утрата Крыма и частей Донецкой и Луганской обла-

стей сделала политический курс Украины более однородным, частично маргинализировав дискурс о необходимости выстраивания конструктивных отношений с Россией [13].

С периода президентства Цай Инвэнь (2016–2024 гг.) отношения двух берегов резко ухудшились. Причин этому несколько: во-первых, Цай неоднократно ставила под сомнение «консенсус 1992 г.», а также отвергала принцип «одна страна – две системы»; во-вторых, прозападная позиция Тайваня на фоне развернувшейся в 2018 г. торговой войны США и КНР; в-третьих, поддержка островной администрацией гонконгской оппозиции во время событий 2019 г.

В апреле 2019 г. в результате выборов на Украине убедительную победу одержал В. Зеленский и позже, в июле, его партия «Слуга народа». В противовес программам конкурентов программа «Слуги народа» сместила акцент с внешнеполитического направления на социально-экономические проблемы Украины и необходимость реинтеграции граждан востока страны. Тем не менее партия не отказывалась от курса на вступление в НАТО и ЕС [13].

Российско-украинский кризис, разразившийся в 2022 г., явился следствием системного кризиса в отношениях Российской Федерации и Запада в лице, прежде всего, ЕС и США. В результате боевых действий антироссийские настроения на Украине приобрели ожидаемо ещё большие масштабы: обострился языковой вопрос, были запрещены симпатизирующие РФ партии, в частности «Оппозиционная платформа – За жизнь» (бывшая партия ОБ), происходит активная дегуманизация противника в СМИ. Происходит всестороннее сближение с ЕС и НАТО [14].

Визит Нэнси Пелоси в 2022 г. на Тайвань ознаменовал новый виток эскалации в отношениях КНР и США [15]. Пекин расценил данный жест как серьезнейшую провокацию и инициировал масштабные военные учения, которые сопровождались применением флота, авиации и пусками ракет. Кроме того, были приостановлены контакты между военными ведомствами США и КНР вплоть до переговоров председателя Си Цзиньпина и президента Джо Байдена в Сан-Франциско в ноябре 2023 г. [16].

Избрание в 2024 г. Уильяма Лая (Лай Циндэ) президентом Тайваня символизировало продолжение пронебезависимого курса и следование в фарватере западных и прозападных держав. С другой стороны, в результате параллельных парламентских выборов ДПП утратило большинство: ДПП получила 51 место, ГМД – 52 места, Тайваньская народная партия – 8 мест, независимые – 2. Таким образом, можно наблюдать парламентский раскол и появление фактора третьей политической силы в лице ТНП [17].

Выводы

Ретроспективный анализ развития украинского и тайваньского кейсов демонстрирует наличие большого количества параллелей. Прежде всего, стоит подчеркнуть, что Тайвань и Украина исторически развивались в условиях хозяйственно-географической периферийности относительно центра. Помимо этого, немаловажно упомянуть, что данные акторы развивались под влиянием зависимости от внешних сил и продолжающейся борьбы между великими державами. Этнолингвистическая и культурная специфика регионов способствовала формированию локальной идентичности, развитие которой на рубеже XIX–XX веков было усилено идеологами об отличности через образование и политические трансформации.

На современном этапе Тайвань и Украина продолжают оставаться узлами геополитического противостояния. Процессы демократизации и становления американоцентричного миропорядка привели к усилению прозападной ориентации руководства Тайваня и Украины. В значительной мере в политическом пространстве произошла маргинализация дискурса об общекитайскости и общерусскости. Важным инструментом в направлении консолидации общественного сознания и национальной идентичности становится реформирование системы образования: фокусирование на местной культуре и географии, пересмотр и переоценка тех или иных исторических событий и личностей. Особое место в данном отношении занимает языковой вопрос. Так, на Тайване на протяжении последних 30 лет активно стимулируется использование местных диалектов, а на Украине государственная политика направлена на вытеснение русского языка из всех сфер его возможного применения. Также отношение к материковому Китаю и РФ, соответственно, продолжает выступать как ключевой вопрос, формирующий раскол тайваньского и украинского социумов.

Несмотря на схожесть тайваньского и украинского кейсов, нельзя не сказать о значимых различиях, которые характеризуют развитие данных вопросов. Прежде всего, политика островных властей направлена на построение полиэтничного общества, когда политика украинских властей демонстрирует стремление к созданию моноэтнического, говорящего на едином украинском языке, общества. После событий 2014 и 2022 годов уровень радикализации общественно-политической жизни на Украине существенно выше, чем на Тайване. Более того, степень устойчивости политических институтов и демократизации существенно ниже, чем таковые на Тайване. Подтверждают это в том числе и западные эксперты. Ключевым отличием является то, что с точки зрения международно-правового статуса Украина признана мировым сообществом суверенным государством, когда как Тайвань – это юридически признанная часть Китая с особой степенью автономии. Данный фактор накладывает существенные ограничения на способность Тайваня проводить внешнюю политику. С географической точки зрения Тайвань является более изолированным по от-

ношению к КНР, чем Украина, имеющая протяжённую сухопутную границу с Россией. Помимо перечисленного, открытым остаётся вопрос сравнительной ценности Тайваня и Украины для международно-политической системы, основанной на главенстве Соединённых Штатов.

Список источников

1. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966. 278 с.
2. Украинский национализм: левый курс и правые колебания. URL: <https://topwar.ru/35942-ukrainskiy-nacionalizm-levyy-kurs-i-pravye-kolebaniya.html>.
3. Тодер Ф.А. Тайвань и его история (XIX в.). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. 333 с.
4. Taiwan in Time: Fractured resistance. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/feat/archives/2018/08/12/2003698377>.
5. Перминова В.А. Японцы и китайцы на Тайване: когда закончилось колониальное управление островом // Общество и государство в Китае. 2014. № 1. С. 210–218.
6. Погодин С.Н., Ван Цзюньтао. Происхождение китайского национализма на Тайване // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 27–35. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.8403>
7. Головачев В.Ц. Кризис глобальной идентичности и духовная деколонизация Тайваня // Азия и Африка сегодня. 2010. Вып. 1 (630). С. 38–39.
8. Перминова В.А. Преемственность моделей управления Тайванем в колониальный и постколониальный периоды // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. Вып. 3. С. 38–47.
9. Вэй Тан Мэн, Каплунова М.Я. Языковая политика и культурная идентичность на Тайване // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2022. № 2. С. 23–36.
10. The debate over «De-Sinicizing» school curricula in Taiwan: partisan politics or a reclamation of heritage. URL: <https://globaltaiwan.org/2024/01/the-debate-over-de-sinicizing-school-curricula-in-taiwan-partisan-politics-or-a-reclamation-of-heritage/>.
11. Майдан – 2004. Первый шаг к расколу и геноциду. URL: <https://ria.ru/20220323/oranzhevaya-1779590545.html>.
12. Киреева А.А. «Движение подсолнухов» на Тайване: причины и последствия социального протеста // Социальный протест на современном Востоке / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 233–250.
13. Кузнецов Н.А. Особенности трансформации партийной системы Украины по итогам парламентских выборов 2014 и 2019 годов // Скиф. 2020. № 6 (46). С. 280–286.
14. На Украине запретили партию «Оппозиционная платформа – За жизнь». URL: <https://ria.ru/20220620/partiya-1796724274.html>.

15. Бессмысленная и беспощадная. Чего Нэнси Пелоси добилась визитом на Тайвань для себя и Соединенных Штатов. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/5492637>.

16. Лидеры США и Китая сошлись и разошлись. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/6338885>.

17. Taiwan's 2024 elections: results and implications. URL: <https://www.csis.org/analysis/taiwans-2024-elections-results-and-implications>.

References

1. Ulyanov N.I. Proiskhozhdenie ukrainskogo separatizma [The origin of ukrainian separatism]. New York, 1966. 278 p.

2. Ukrainian nationalism: left course and right hesitation. URL: <https://top-war.ru/35942-ukrainskiy-nacionalizm-levyy-kurs-i-pravye-kolebaniya.html>. (In Russ.).

3. Toder F.A. Taivan' i ego istoriya (XIX v.) [Taiwan and Its History (19th Century)]. Moscow: Main Ed. Board of East. Literature of the Nauka Publ., 1978. 333 p.

4. Taiwan in time: fractured resistance. URL: <https://www.taipei-times.com/News/feat/archives/2018/08/12/2003698377>.

5. Perminova V.A. Yapontsy i kitaitsy na Taivane: kogda zakonchilos' kolonial'noe upravlenie ostrovom [The Japanese and the Chinese in Taiwan: When the Colonial Administration of the Island Ended]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, 2014, no. 1, pp. 210–218.

6. Pogodin S.N., Wang Juntao. Proiskhozhdenie kitaiskogo natsionalizma na Taivane [The origin of Chinese nationalism in Taiwan]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2017, vol. 8, no. 4, pp. 27–35. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.8403>

7. Golovachev V. Ts. Krizis global'noi identichnosti i dukhovnaya dekolonizatsiya Taivanya [The crisis of global identity and the spiritual decolonization of Taiwan]. *Aziya i Afrika segodnya*, 2010, iss. 1 (630), pp. 38–39.

8. Perminova V.A. Preemstvennost' modelei upravleniya Taivanem v kolonial'nyi i postkolonial'nyi periody [Continuity of Taiwan governance models in the colonial and postcolonial periods]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2014, iss. 3, pp. 38–47.

9. Tang Meng Wei, Kaplunova M.Ya. Yazykovaya politika i kul'turnaya identichnost' na Taivane [Taiwanese language policy and cultural identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 13. Vostokovedenie*, 2022, no. 2, pp. 23–36.

10. The Debate over «De-Sinicizing» School Curricula in Taiwan: Partisan Politics or a Reclamation of Heritage. URL: <https://globaltaiwan.org/2024/01/the-debate-over-de-sinicizing-school-curricula-in-taiwan-partisan-politics-or-a-reclamation-of-heritage/>.

11. Maidan – 2004. The first step towards split and genocide. URL: <https://ria.ru/20220323/oranzhevaya-1779590545.html>. (In Russ.).

12. Kireeva A.A. «Dvizhenie podsolnukhov» na Taivane: prichiny i posledstviya sotsial'nogo protesta ["Sunflower movement" in Taiwan: causes and consequences of social protest]. In: Streltsov D.V. (ed.). *Sotsial'nyi protest na sovremennom Vostoke*. Moscow: Aspect Press Publ., 2016, pp. 233-250.

13. Kuznetsov N.A. Osobennosti transformatsii partiinoi sistemy Ukrainy po itogam parlamentskikh vyborov 2014 i 2019 godov [Features of the transformation of the party system of Ukraine following the results of the parliamentary elections of 2014 and 2019]. *Skif*, 2020, no. 6 (46), pp. 280–286.

14. The opposition platform – For Life party has been banned in Ukraine. URL: <https://ria.ru/20220620/partiya-1796724274.html>. (In Russ.).

15. Senseless and merciless. What Nancy Pelosi achieved for herself and the United States with her visit to Taiwan. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5492637>. (In Russ.).

16. The leaders of the United States and China came together and then parted ways. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6338885>. (In Russ.).

17. Taiwan's 2024 elections: results and implications. URL: <https://www.csis.org/analysis/taiwans-2024-elections-results-and-implications>.

Информация об авторах / Information about the authors

В.В. Харичков – аспирант, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского (Москва, Российская Федерация),

✉ vladkharichkov@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-5466-8001>

V.V. Kharichkov – Postgraduate Student, University of World Civilizations Named after V.V. Zhirinovsky (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 25.11.2024;

одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;

принята к публикации / accepted 19.02.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 92–101.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 92–101.

Научная статья

УДК 327(470+510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/92-101>

Вакцинная дипломатия России и Китая как маркер сотрудничества государств в сфере достижения параметров устойчивого развития

Алёна Дмитриевна Наливкина

Северо-Западный институт управления РАНХиГС,

Санкт-Петербург, Российская Федерация,

✉ nalivkinaad@yandex.ru

Аннотация. Статья нацелена на прояснение феномена вакцинной дипломатии России и Китая как инструмента политики «мягкой силы» и формы публичной дипломатии в контексте достижения целей устойчивого развития. Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что вакцинная дипломатия, испытав небывалый подъём в период коронавирусной пандемии, всё ещё остаётся недостаточно изученным политическим феноменом в системе современных международных отношений. При написании статьи автор опирался на теоретико-методологические положения концепции «мягкой силы» Дж. Ная и доктрины публичной дипломатии в мировой политике. Также применение нашёл статистический метод для анализа процесса производства противокоронавирусных вакцин и их распространения. Вакцинная дипломатия Россия и Китая представлена в общем контексте трансформации современной модели международных отношений, побуждающей ведущие государства современности уделять значительное внимание проблематике устойчивого развития как средства формирования своего положительного имиджа. В статье обосновывается необходимость углубления сотрудничества Китая и России в рамках вакцинной дипломатии для противодействия распространению собственной фармацевтической продукции со стороны западных государств.

Ключевые слова: вакцинная дипломатия, пандемия, концепция устойчивого развития, мягкая сила, публичная дипломатия

Для цитирования: Наливкина А.Д. Вакцинная дипломатия России и Китая как маркер сотрудничества государств в сфере достижения параметров устойчивого развития // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 92–101.

Original article

Vaccine diplomacy of Russia and China as a marker of cooperation of states in achieving sustainable development parameters

Alena D. Nalivkina

North-West Institute of Management RANEPA,
Saint Petersburg, Russian Federation

✉ nalivkinaad@yandex.ru

Abstract. The article is aimed at clarifying the phenomenon of vaccine diplomacy between Russia and China as an instrument of “soft power” policy and a form of public diplomacy in the context of achieving sustainable development goals. The relevance of the stated topic is due to the fact that vaccine diplomacy, having experienced an unprecedented rise during the coronavirus pandemic, still remains an insufficiently studied political phenomenon in the system of modern international relations. When writing the article, the author relied on the theoretical and methodological provisions of the concept of “soft power” by J. Naya and the doctrines of public diplomacy in world politics. A statistical method has also been used to analyze the production of anti-coronavirus vaccines and their distribution. Vaccine diplomacy between Russia and China is presented in the general context of the transformation of the modern model of international relations, prompting the leading states of our time to pay significant attention to the problems of sustainable development as a means of forming their. The article substantiates the need to deepen the cooperation between China and Russia in the area of vaccine diplomacy to counter the spread of pharmaceutical products by Western states.¶

Keywords: vaccine diplomacy, pandemic, concept of sustainable development, soft power, public diplomacy

For citation: Nalivkina A.D. Vaccine diplomacy of Russia and China as a marker of cooperation of states in achieving sustainable development parameters. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2025, vol. 27, no. 1, pp. 92–101. (In Russ.).

Введение

Концепция устойчивого развития является значимым фактором развития современных международных отношений, так как она объединяет социальные, экономические и экологические аспекты в единую стратегию для достижения долгосрочной стабильности на глобальном уровне. Триединая концепция устойчивого развития включает в себя экономическую эффективность, социальную справедливость и охрану окружающей среды. Консолидация этих факторов позволяет государствам

разрабатывать политику, направленную на гармоничное развитие общества, как на национальном уровне, так и в мировом масштабе. В основе концепции лежит, как отмечает С.Н. Бобылев, принципиальное убеждение, «что экономическую устойчивость нельзя обеспечить, не решив социальные и экологические проблемы» [1, с. 91].

Организация Объединённых Наций (далее – ООН) традиционно уделяет особое внимание имплементации положений концепции устойчивого развития в свои руководящие документы и стратегии. ООН активно продвигает идеи устойчивого развития через свои инициативы, что наиболее отчётливо проявляется в стратегиях решения самых острых международных проблем, включая бедность, голод и изменение климата. Россия и Китай, как постоянные члены Совета Безопасности ООН, активно поддерживают концепцию устойчивого развития, объединяя свои усилия в различных сферах двустороннего взаимодействия.

Роль концепции устойчивого развития в публичной дипломатии России и Китая. Современные международные отношения характеризуются активным применением инструментов политики «мягкой силы» и публичной дипломатии. Теоретическая концепция политики «мягкой силы», разработанная американским политологом Дж. Наем, подразумевает способность стран привлекать и убеждать других посредством культурных, идеологических и дипломатических средств.

Концепт «мягкой силы» позволяет странам воздействовать на зарубежные аудитории посредством трансляции собственных ценностей, интегрированных в глобальную повестку устойчивого развития.

Например, страны, активно продвигающие устойчивое развитие через использование возобновляемых источников энергии и экологически чистых технологий, формируют свой положительный имидж для расширения влияния на международной арене. Современные государства находят в этом мощный инструмент реализации политики «мягкой силы» и публичной дипломатии, реализуя в своей внешней политике «невоенные методы воздействия на противоположную сторону» [2, с. 213]. Сотрудничество на различных уровнях (будь то через многосторонние соглашения или двусторонние инициативы) укрепляет международные связи, а успешное применение «мягкой силы» в контексте устойчивого развития не только повышает авторитет страны, но и способствует решению актуальных вызовов, стоящих перед человечеством.

Вакцинная дипломатия как инструмент достижения целей устойчивого развития. Вакцинная дипломатия представляет собой одну из наиболее актуальных форм публичной дипломатии, позволяющих государствам укреплять свои международные позиции. В условиях глобальных вызовов, таких как пандемия коронавируса, вакцинная дипломатия приобрела особое значение, поскольку государства, обладающие возможностью разработки и производства вакцин, стали использовать этот ресурс как инструмент для укрепления двусторонних и многосторонних отношений.

Негативная же сторона вакцинной дипломатии заключается, как отмечает К.В. Маслова, «в проведении информационных кампаний по дискредитации одних и поддержке других производителей вакцин» [3, с. 533].

Актуализация вакцинной дипломатии в условиях коронавирусной пандемии подтвердила стремление передовых держав, способных к прорывным фармацевтическим разработкам, активно предлагать свои вакцины другим государствам, особенно тем, которые испытывают затруднения в доступе к таким продуктам. В рамках обеспечения достижения целей устойчивого развития ООН стоит отметить, что распространение вакцин не только способствует борьбе с инфекцией, но и демонстрирует способность стран обеспечивать другие государства жизненно важными препаратами. Ведущие фармацевтические державы современности «заинтересованы в формировании позитивного имиджа в мире, и создание образа “спасателя” является одной из ключевых внешнеполитических задач» [4, с. 37].

Распространение вакцин стало мощным средством для формирования положительного имиджа государств, поскольку успехи в сфере разработки, производства и поставок вакцин способствовали укреплению доверия к странам-производителям. Всё это в совокупности способствовало улучшению их репутации на международной арене. Вакцинная дипломатия позволяет укреплять связи с развивающимися странами, обеспечивая им медицинскую помощь. Стратегии вакцинной дипломатии играют ключевую роль в укреплении позиций государств на мировой арене, превращая здравоохранение в один из важных аспектов международных отношений.

Хотя вакцинная дипломатия не имеет универсального определения, учёные широко используют этот термин для описания реализации внешнеполитических целей стран, поставляющих вакцины. Вакцинная дипломатия становится инструментом для страны, позволяющим проводить свою внешнюю политику систематическим образом путём расширения межправительственного взаимодействия. Однако содержание вакцинной дипломатии, наблюдавшийся во время пандемии COVID-19, сильно различалось в разных странах, поскольку, как отмечает И.И. Арсентьева, «многие государства, прибегающие к использованию медицинской дипломатии, предпочитают действовать на двустороннем уровне, минуя уровень глобальных механизмов или участвуя в них формально» [5, с. 190].

В то время как США и большинство западных стран предпочитали делиться вакцинами со своими странами-партнёрами только после того, как они убедились, что их внутренние потребности будут удовлетворены, Китай и Россия, по-видимому, сыграли ключевую роль в обеспечении глобального равенства в отношении вакцин, помимо удовлетворения собственных внутренних потребностей.

Вакцинная дипломатия России и Китая. Оригинальным инструментом реализации политики «мягкой силы» Китая стала так называемая вакцинная дипломатия, значение которой стало очевидно в период коронавирусной пандемии 2020–2021 гг.

Итогом пандемии, охватившей всю планету, стало стремление ведущих государств современности к разработке собственных вакцин. С течением времени перед странами-производителями вакцин встал вопрос об их экспорте в другие государства, не обладающие возможностями производства данных фармацевтических средств.

В попытке бороться со смертельной болезнью страны по всему миру ввели приостановку поездок, в том числе ограничения на трансграничные поездки, и карантин по всей стране. Однако по мере ослабления ограничений мир стал свидетелем быстрого роста числа случаев заражения новыми вариантами вируса. В то время как политику ограничений теперь избегают по экономическим причинам, страны в настоящее время стремятся создать «коллективный иммунитет» с помощью вакцин, которые были предоставлены несколькими государствами-производителями. Среди них Китай стремился играть ведущую роль, разрабатывая и массово производя местные вакцины.

Будучи первой страной, испытавшей на себе разрушительные последствия COVID-19, Китай начал разработку вакцины ещё в январе 2020 г., хотя китайское руководство и избегает «употреблять термин “вакцинная дипломатия” во избежание обвинений в стремлении расширить своё политическое влияние в мире» [6, с. 78]. Министерство науки и технологий КНР спонсировало пять технологических дорожных карт и поддержало двенадцать компаний-кандидатов на разработку вакцины, в число которых входили не только гиганты частного сектора, но и начинающие стартапы. Эти предприятия также в значительной степени выиграли от этой модели сотрудничества с правительством благодаря необходимому финансированию и выделению ресурсов. Например, Целевой группе по борьбе с COVID-19, в состав которой входят представители Национального управления по лекарственным средствам и других ведомств, было поручено направлять программу разработки местных вакцин путём координации и сотрудничества с многочисленными заинтересованными сторонами для ускорения исследований вакцин и их утверждения на рынке.

Успех этого предприятия можно видеть на примере разработки четырёх вариантов вакцин, доступных в Китае: BBIBP-CorV от Sinopharm и Китайской академии наук, CoronaVac от SinovacBiotec, Convidecia от CanSinoBOP и Академии военномедицинских наук и ZF2001 от ZhifeiLongcom и Китайской академии наук. Некоторые государства-импортёры Азиатско-Тихоокеанского региона предпочитают китайские инактивированные вакцины из-за их конкурентоспособной стоимости и более лёгкой логистики, учитывая их географические особенности, такие как тропическая жара, расстояние и нехватка ультрахолодильных камер. Например, когда Индонезия заявила о логистических проблемах, с которыми она сталкивается из-за вакцины от Pfizer, Китай быстро вмешался и экспортировал четыре миллиона вакцин Sinovac, чтобы страна начала свою программу прививок. В октябре 2021 г. компания Sinovac направила в Таиланд 6 млн доз вакцин, что позволило стране развернуть вакцинацию раньше, чем планировалось [7, с. 53].

Масштабная переориентация международных связей Российской Федерации после украинского кризиса 2014 г., а впоследствии после начала специальной военной операции на территории Украины, концептуализирована в виде стратегаемы «Поворота на Восток», которая предполагает усиление геополитического присутствия страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе за счёт расширения политико-экономических связей с Китаем и другими государствами региона. Укрепление политической мощи современной России как политико-экономической доминанты нового миропорядка провоцирует рост тревожно-негативного восприятия её усиливающихся позиций элитами западных государств, что обуславливает акцентированное внимание руководства Российского государства к активизации усилий по использованию ресурсов политики «мягкой силы» в целях формирования благоприятного отношения к стране у зарубежной аудитории.

Российская дипломатия в области вакцин, по понятным причинам, привлекла большое внимание в Африке. Регистрация первой в мире вакцины против COVID-19 и заявленная готовность помогать – иногда в тандеме с Китаем – тем развивающимся странам, которыми пренебрегает Запад, представляют собой потенциально сильный источник «мягкой силы». Для того чтобы этот инструмент «мягкой силы» заработал, должны быть достигнуты цели по производству и доставке Спутника V. Однако это также зависит от позитивного взаимодействия России с национальными и международными регулирующими органами. Кроме того, необходимо чётко определить границы между пожертвованиями вакцин и коммерческими продажами.

Вакцинная дипломатия России стала одним из ведущих инструментов публичной дипломатии в условиях пандемии COVID-19. Россия разработала несколько вакцин, наиболее известными из которых являются «Спутник V» и «ЭпиВакКорона». Вакцина «Спутник V», созданная НМИЦ имени Гамалеи, стала первой зарегистрированной вакциной против коронавируса в мире. Её создание помогло вернуть России «утраченную былую славу великой научной державы, продемонстрировать её высокую конкурентоспособность в фармацевтической отрасли» [8, с. 76].

В рамках своей вакцинной дипломатии Россия активно поставляла вакцины в различные страны, продвигая идеи международного сотрудничества и солидарности. Вакцины были отправлены в страны Латинской Америки, Африки, Азии и Европы, включая такие государства, как Аргентина, Сербия, Индия, Белоруссия и многие другие. Россия стремилась получить признание своих вакцин в таких организациях, как Всемирная организация здравоохранения, и активно сотрудничала с регуляторными органами других стран. В результате вакцина «Спутник V» получила разрешения на использование в ряде стран, и процесс её регистрации в Европе и других регионах продолжается.

Юго-Восточная Азия является ключевой целью для китайской вакцинной дипломатии. Все страны региона либо купили, либо получили в дар вакцины

китайского производства. В совокупности страны Юго-Восточной Азии заказали около 203 млн вакцин китайского производства, что составляет 25,6 % от коммерческих обязательств Китая по вакцинам. Китайская сторона, производя собственные вакцины, к маю 2021 г. заключила соглашения о производстве более 260 млн доз российской «Спутник V» [9, с. 193].

Кроме того, в отличие от других поставщиков вакцин, Китай является единственным источником регулярных поставок вакцин в достаточных количествах и на сегодняшний день выполнил около 58 % заказов региона. Например, Камбоджа с февраля 2021 г. ежемесячно получает китайские вакцины. Эти регулярные поставки позволили Камбодже привить 16,6 процента своего населения, по крайней мере одной дозой, уже к началу июня 2021 г., что делает её второй страной по уровню вакцинированности населения в регионе после Сингапура.

Хотя Китай является основным источником вакцин для многих стран региона и имеет преимущество первопроходца в плане регулярных поставок, он не обладает монополией на поставки вакцин в регион. Российский фонд прямых инвестиций подписал соглашения с несколькими китайскими производителями о выпуске двух российских вакцин – «Спутник V» и «Спутник Лайт» [10, с. 34].

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона стремились обезопасить свой выбор вакцин путём диверсификации числа поставщиков. Решения о закупках в регионе в большей степени мотивированы необходимостью обеспечить население как можно большим количеством доз собственных вакцин, а не преобладающим предпочтением китайских вакцин. Китай активно продвигает свои вакцины в качестве глобального общественного блага, подчёркивая их доступность для развивающихся стран. Данная стратегия направлена на устранение структурного дисбаланса в доступе к иммунизации, предотвращая отставание экономически уязвимых государств от развитых стран. Успех китайской вакцинной дипломатии стал возможным благодаря концентрации западных государств на решении внутренних задач. Это позволило Китаю укрепить свои позиции в глобальной системе здравоохранения, используя кризис как возможность для расширения влияния через механизмы мягкой силы.

Заключение

Последовательное расширение практики использования инструментов политики «мягкой силы» отражает общий тренд современного развития мирового политического процесса, содержание которого составляет отказ государств от использования средств насильственного воздействия в целях достижения своих национальных интересов. Инструментарий политики «мягкой силы» предполагает возможность информационно-культурного воздействия государством-интересантом на зарубежную аудиторию для формирования благоприятного к себе отношения с целью

обеспечения политически выгодного результата. Политика «мягкой силы» реализуется посредством функционирования развёрнутой системы социальных политических институтов, выступающих в качестве каналов формирования привлекательного облика государства-интересанта в глазах зарубежной аудитории посредством трансляции аутентичных ценностей и культурных продуктов.

Относительно новым инструментом реализации политики «мягкой силы» Китая и России стала т.н. вакцинная дипломатия, набравшая обороты в период коронавирусной пандемии 2020–2021 гг. Стратегическое взаимодействие Китая и России с разными странами Глобального Юга различается, причём с некоторыми странами такое взаимодействие становится всё более и более интенсивным. Для вакцинной дипломатии России и Китая характерна поддержка атмосферы конструктивного сотрудничества и укрепление стабильности в странах Глобального Юга, в том числе в фармацевтической сфере, где потенциальные риски и региональные угрозы значительно возросли в последнее время.

Вакцинная дипломатия России и Китая столкнулись с несколькими серьёзными проблемами. Во-первых, потребность в вакцинации, как правило, возрастает только в периоды пандемий, что ограничивает устойчивый спрос на вакцины в другое время. Во-вторых, со стороны западных государств и их институтов наблюдалось активное противодействие инициативам России и Китая в области вакцинной дипломатии. Западные страны проявляли недоверие к российским и китайским вакцинам. Поэтому необходимость сотрудничества России и Китая становится особенно актуальной в свете противодействия со стороны западных государств. Совместные усилия в сфере вакцинной дипломатии могут укрепить позиции обеих стран на международной арене, стать катализатором для улучшения механизмов распространения вакцин.

Список источников

1. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 90–96.
2. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212–223. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>
3. Маслова К.В. «Мягкая сила» России в Центральной Азии в контексте борьбы с пандемией коронавируса: может ли «вакцинная дипломатия» завоевать «умы и сердца»? // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 6. С. 531–536.
4. Соколова Ю.Д. Вакцинная дипломатия как инструмент современных международных отношений (на примере России и стран Восточной Европы) // Панорама. 2021. № 41. С. 37–45.

5. Арсентьева И.И. Трансформация медицинской и вакцинной дипломатии в эпоху Covid-19 // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15, № 5. С. 182–207. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>
6. Рогожина Н.Г. Масочная дипломатия Китая в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 1, № 1 (50). С. 73–81. DOI: <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-073-081>
7. Медовкина Л.Ю., Мнухина Р.М. Роль «вакцинной дипломатии» во внешней политике Китайской Народной Республики // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 40. С. 48–55. DOI: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.48>
8. Черкашина Т.Н. «Вакцинная дипломатия» как фактор международного ландшафта и её значение для России // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 3 (39). С. 74–80.
9. Сафронова Е.И. Китайско-латиноамериканские отношения в контексте пандемии Covid-19 // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26, № 26. С. 179–199.
10. Инь С. Российско-китайские двусторонние отношения на фоне перехода от стратегии «Поворот на Восток» к концепции «Большая Евразия» // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5 (118). С. 32–37.

References

1. Bobylev S.N. Ustoichivoe razvitie v interesakh budushchikh pokolenii: ekonomicheskie priority [Sustainable development in the interests of future generations: economic priorities]. *Mir novoi ekonomiki*, 2017, no. 3, pp. 90–96.
2. Lebedeva M.M. «Myagkaya sila»: ponyatie i podkhody [Soft power: the concept and approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 3 (54), pp. 212–223. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>
3. Maslova K.V. «Myagkaya sila» Rossii v Tsentral'noi Azii v kontekste bor'by s pandemiei koronavirusa: mozhets li «vaksinnaya diplomatiya» zavoevat' «umy i serdtsa»? [Russia's «Soft power» in Central Asia in the context of the fight against the coronavirus pandemic: can «vaccine diplomacy» win «minds and hearts»?]. *Postsovetskie issledovaniya*, 2021, vol. 4, no. 6, pp. 531–536.
4. Sokolova Yu. D. Vaksinnaya diplomatiya kak instrument sovremennykh mezhdu-narodnykh otnoshenii (na primere Rossii i stran Vostochnoi Evropy) [Vaccine diplomacy as a tool of modern international relations (on the example of Russia and Eastern European countries)]. *Panorama*, 2021, no. 41, pp. 37–45.
5. Arsent'eva I.I. Transformatsiya meditsinskoi i vaksinnoi diplomatii v epokhu Covid-19 [Transformation of medical and vaccine diplomacies in the Covid-19 era].

Vestnik MGIMO-Universiteta, 2022, vol. 15, no. 5, pp. 182–207. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>

6. Rogozhina N.G. Masochnaya diplomatiya Kitaya v stranakh Yugo-Vostochnoi Azii [The mask diplomacy of China in Southeast Asia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2021, vol. 1, no. 1 (50), pp. 73–81. DOI: <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-073-081>

7. Medovkina L. Yu., Mnuhina R.M. Rol' «vaksinnnoi diplomatii» vo vneshnei politike Kitaiskoi Narodnoi Respubliki [The role of «vaccine diplomacy» in the foreign policy of the People's Republic of China]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 2022, vol. 40, pp. 48–55. DOI: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.48>

8. Cherkashina T.N. «Vaktsinnaya diplomatiya» kak faktor mezhdunarodnogo landshafta i ee znachenie dlya Rossii [“Vaccine diplomacy” as a factor of the international landscape and its significance for Russia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, 2023, vol. 10, no. 3 (39), pp. 74–80. DOI: [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10\(3\).74-80](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10(3).74-80)

9. Safronova E.I. Kitaisko-latinoamerikanskies otnosheniya v kontekste pandemii Covid-19 [Sino-Latin American relations in the context of the Covid-19 pandemic]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*, 2021, vol. 26, no. 26, pp. 179–199. DOI: <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-179-199>

10. In' S. Rossiisko-kitaiskie dvustoronnie otnosheniya na fone perekhoda ot strategii «Povorot na Vostok» k kontseptsii «Bol'shaya Evraziya» [Russian-Chinese bilateral relations against the background of the transition from the “Turn to the East” strategy to the “Greater Eurasia” concept]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2023, no. 5 (118), pp. 32–37. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2023.5.4>

Информация об авторах / Information about the authors

А.Д. Наливкина – аспирант факультета международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация),

✉ nalivkinaad@yandex.ru

A.D. Nalivkina – Postgraduate Student of the Faculty of International Relations and Political Studies, North-West Institute of Management RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 25.01.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;

принята к публикации / accepted 02.03.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 102–112.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 102–112.

ПРАВО / LAW

Научная статья

УДК 347.633

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/102-112>

Правовые проблемы, приводящие к нарушению прав и интересов детей в процессе их усыновления иностранными гражданами

Валерия Денисовна Федосеева ✉, **Андрей Валерьевич Шуваев**

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ fedolera2002@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ правовых проблем, возникающих при международном усыновлении российских детей иностранными гражданами. На основе актуальных статистических данных и материалов судебной практики исследуются основные факторы, приводящие к нарушению прав и интересов усыновлённых детей. Особое внимание уделяется трём ключевым проблемным аспектам: случаям жестокого обращения с детьми в иностранных семьях, коррупционным рискам при оформлении документов и неэффективности системы контроля за обеспечением прав усыновлённых детей. Рассматриваются недостатки существующей нормативно-правовой базы и практики её применения, включая проблему «независимого» усыновления и нарушение принципа приоритетности российских усыновителей. Предлагается комплекс мер по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере международного усыновления, направленных на усиление защиты прав и интересов детей.

Ключевые слова: международное усыновление, права детей, иностранные усыновители, защита детей-сирот, правовое регулирование усыновления, коррупционные риски, контроль за усыновлением

Для цитирования: Федосеева В.Д., Шувалов А.В. Правовые проблемы, приводящие к нарушению прав и интересов детей в процессе их усыновления иностранными гражданами // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 102–112.

Original article

Legal problems leading to violation of the rights and interests of children in the process of their adoption by foreign citizens

Valeria D. Fedoseeva✉, Andrey V. Shuvaev

St. Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation

✉ fedolera2002@yandex.ru

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the legal problems arising from the international adoption of Russian children by foreign citizens. On the basis of current statistical data and materials of judicial practice, the main factors leading to violation of the rights and interests of adopted children are investigated. Special attention is paid to three key problematic aspects: cases of child abuse in foreign families, corruption risks in the preparation of documents and the ineffectiveness of the control system for ensuring the rights of adopted children. The shortcomings of the existing regulatory framework and the practice of its application are considered, including the problem of ‘independent’ adoption and violation of the principle of priority of Russian adoptive parents. A set of measures is proposed to improve legislation and law enforcement practice in the field of international adoption, aimed at strengthening the protection of the rights and interests of children.

Keywords: international adoption, children's rights, foreign adoptive parents, protection of orphaned children, legal regulation of adoption, corruption risks, control over adoption

For citation: Fedoseeva V.D., Shuvaev A.V. Legal problems leading to violation of the rights and interests of children in the process of their adoption by foreign citizens. PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 102–112. (In Russ.).

В современном мире международное усыновление играет важнейшую роль как механизм защиты прав детей-сирот и детей без родительского попечения. Этот институт становится особенно актуальным, когда речь идёт о невозможности устройства ребёнка в семью внутри страны. Семейное воспитание, бесспорно, предоставляет более благоприятные условия для гармоничного развития ребёнка по сравнению с проживанием в государственных учреждениях.

Анализ статистических показателей Верховного суда РФ демонстрирует существенное снижение количества международных усыновлений в 2023 году. Если в 2022 году было рассмотрено 56 таких дел, то в 2023 году их число сократилось на 67 % и составило всего 18 случаев [1]. Лидирующую позицию среди стран, принимающих российских детей, уверенно занимает Италия с долей в 75,4 % от общего

числа международных усыновлений. На втором месте располагаются Германия и Франция (по 8,8 %), далее следуют страны СНГ (3,5 %), замыкают список Финляндия и Аргентина (по 1,7 %) [2].

Однако официальная позиция МИД России выражает серьёзную обеспокоенность состоянием института международного усыновления. Внешнеполитическое ведомство характеризует данный процесс как недостаточно прозрачный, подверженный коррупционным рискам и требующий значительных ресурсных затрат. Более того, МИД РФ усматривает в международном усыновлении признаки политической неокOLONиальной зависимости, что вызывает дополнительные опасения относительно перспектив развития данного института [3].

Рассмотрение последствий усыновления детей из России зарубежными гражданами демонстрирует наличие серьёзных пробелов в российском законодательстве и существенных сложностей в практической реализации механизмов защиты интересов усыновлённых детей. В ходе исследования данной проблематики можно выделить три ключевых проблемных аспекта: факты физического и психологического насилия над детьми в иностранных семьях, противоправные действия коррупционного характера при оформлении документов на усыновление, а также неэффективность системы контроля за обеспечением прав и интересов детей как во время процедуры усыновления, так и после их интеграции в иностранную семью.

В последние десятилетия проблема международного усыновления российских детей приобрела особую актуальность в связи с участвовавшими случаями нарушения прав усыновлённых детей. Несмотря на то что большинство иностранных приёмных семей обеспечивают достойные условия жизни и развития для российских детей, включая тех, кто имеет серьёзные заболевания, существуют прецеденты жестокого обращения и даже летальных исходов. Особое беспокойство вызывает тенденция оправдательных приговоров в отношении приёмных родителей, причастных к гибели детей, как это произошло в случае с Майлзом Харрисоном, чья халатность привела к смерти усыновлённого российского ребёнка от теплового удара [4].

Показательными стали события 2010–2011 годов, когда общественный резонанс вызвали несколько громких дел о жестоком обращении с российскими детьми в американских семьях. В частности, дело супругов Лещински, обвинённых в издевательствах над тремя удочерёнными сёстрами [5], а также случай с полуторагодовальным Ильёй Карданцевым, чья гибель была связана с действиями приёмного отца Брайана Дикстра, впоследствии оправданного американским судом [3]. Уполномоченный по правам ребёнка в Российской Федерации охарактеризовал подобные судебные решения как опасный прецедент, способный привести к пересмотру политики международного усыновления [6].

Исследование причин трагических инцидентов в семьях иностранных усыновителей выявляет системные проблемы в процессе подготовки приёмных родителей.

Ключевыми факторами риска являются недостаточная психологическая готовность усыновителей, их личностные особенности и возможное несоответствие между ожиданиями и реальностью воспитания приёмного ребёнка. Особую значимость приобретает необходимость формирования доверительных отношений между усыновителями и детьми, учитывая дополнительные сложности, возникающие при международном усыновлении, включая культурные и языковые барьеры.

В ноябре 2011 года произошло значительное изменение в российском законодательстве с принятием Федерального закона № 351-ФЗ, который ввёл обязательную психолого-педагогическую и правовую подготовку для всех категорий будущих приёмных родителей. Данное нововведение затронуло как процедуру усыновления, так и установление опеки, причём программа подготовки, утверждаемая региональными властями, предоставляется бесплатно за счёт средств субъектов Российской Федерации. Органы опеки взяли на себя обязательства по организации образовательных мероприятий, включающих семинары, тренинги и медицинские консультации [7].

Что касается международного усыновления, требования о прохождении подготовки распространяются и на иностранных граждан, которые могут пройти обучение как в России, так и в стране своего проживания. Исключения предусмотрены только для отчимов, мачех, близких родственников и лиц, уже имеющих опыт усыновления. Однако, несмотря на положительные законодательные изменения, существующая система контроля за иностранным усыновлением остаётся недостаточно эффективной, что подтверждается случаями нарушения прав усыновлённых детей за рубежом и проблемами с получением отчётов об их дальнейшей судьбе.

Второй из существенных проблем в сфере международного усыновления является распространённая коррупционная составляющая. Несмотря на законодательно закреплённый приоритет российских граждан при усыновлении детей, на практике отечественные усыновители сталкиваются со значительно большими бюрократическими препятствиями по сравнению с иностранными гражданами. Последние имеют возможность взаимодействовать через специализированные аккредитованные агентства, располагающие налаженными связями в профильных государственных структурах. В то время как в России деятельность по содействию в усыновлении может осуществляться исключительно на безвозмездной основе, что существенно ограничивает развитие подобных организаций.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о систематическом нарушении принципа приоритетности российских усыновителей, причём отсутствуют чёткие критерии для отказа отечественным кандидатам в усыновлении [8]. Формальное требование о размещении информации о детях в различных уровнях банков данных фактически не соблюдается, поскольку ещё до официальной регистрации ребёнка происходит неформальное закрепление за ним представителей иностранных агентств по усыновлению. Недостаточный контроль за системой учёта

детей, подлежащих усыновлению, создаёт благоприятные условия для злоупотреблений со стороны должностных лиц.

Другой проблемой является нежелание органов образования оказывать содействие в прямом взаимодействии с иностранными усыновителями, вынуждая последних обращаться в специализированные агентства. Несмотря на то что с 1996 года процедура усыновления была передана в ведение судов [9], это не только не решило существующих проблем, но и создало дополнительные риски. В результате сформировалась система, где приоритетом становится не благополучие детей, а получение финансовой выгоды участниками процесса усыновления.

Особую обеспокоенность вызывает закрытый характер судебных процессов по делам международного усыновления, обусловленный необходимостью сохранения тайны усыновления. Данное обстоятельство создаёт условия для различных злоупотреблений со стороны судей, которые могут принимать необоснованные решения без должного рассмотрения всех обстоятельств дела. Показательным примером подобных нарушений служит случай в г. Хабаровске, где судья выносила решения об усыновлении российских детей иностранцами без проведения надлежащих судебных заседаний, что явно демонстрирует несовершенство существующей системы контроля за процессом международного усыновления [10].

На основании изложенного становится очевидным, что существующая система усыновления в Российской Федерации требует существенной модернизации и реформирования. Первостепенной задачей является создание благоприятных условий для потенциальных усыновителей внутри страны, что подразумевает значительное упрощение административных процедур и снижение бюрократической нагрузки. В настоящее время множество граждан, изначально имеющих искреннее желание принять ребёнка в семью, оказываются демотивированными сложностью и длительностью процесса оформления усыновления, что негативно сказывается на общей статистике внутрироссийского усыновления.

Параллельно с либерализацией процедуры усыновления представляется необходимым усиление ответственности усыновителей за принятые решения. В частности, заслуживает внимания вопрос о введении правовых механизмов, предусматривающих санкции за необоснованный отказ от усыновлённого ребёнка. Подобные случаи наносят непоправимый психологический ущерб детям, поскольку повторное помещение в детский дом после неудачного опыта усыновления оказывает крайне травмирующее воздействие на их психику. С психолого-педагогической точки зрения постоянное пребывание в детском учреждении может оказаться менее травматичным для ребёнка, чем опыт отвержения приёмными родителями [11].

В контексте совершенствования института усыновления представляется критически важным развитие комплексной системы государственной поддержки семей-усыновителей, включающей как финансовые, так и социальные механизмы помощи.

Эффективная реализация такой поддержки должна выражаться в предоставлении существенных единовременных выплат при усыновлении, регулярных ежемесячных пособий на содержание приёмного ребёнка, а также широкого спектра социальных преференций. К последним целесообразно отнести обеспечение качественного образования на льготных условиях, создание возможностей для бесплатного посещения различных развивающих секций и творческих кружков, предоставление путёвок в детские оздоровительные лагеря и санаторно-курортные учреждения на преференциальной основе. Особую актуальность такие меры приобретают в случаях усыновления детей с различными медицинскими показаниями, требующими систематического лечения и реабилитации, что подчёркивает необходимость формирования адресного подхода к оказанию государственной помощи семьям усыновителей.

В процессе международного усыновления третьим из наиболее острых вопросов остаётся недостаточная эффективность механизмов контроля за соблюдением прав и интересов детей, переданных в иностранные семьи. Российское законодательство предусматривает обязательное предоставление отчётов о жизни и развитии усыновлённых детей, однако на практике данное требование часто не исполняется. Особенно проблематичной является ситуация при так называемом «независимом» усыновлении, когда иностранные граждане самостоятельно, без участия аккредитованных организаций, оформляют процедуру усыновления российских детей.

Анализ статистических данных показывает, что примерно пятая часть всех международных усыновлений осуществляется в «независимом» порядке, в то время как остальные 80 % происходят через специализированные аккредитованные агентства [12]. Существенным недостатком «независимого» усыновления является фактическое отсутствие действенных механизмов контроля за условиями жизни и воспитания усыновлённых детей после их переезда в другую страну. Нередки случаи, когда после завершения процедуры усыновления и смены гражданства ребёнка, усыновители полностью прекращают взаимодействие с российскими органами опеки, игнорируя требования о предоставлении отчётности о развитии и адаптации детей в новой семье.

Особую обеспокоенность вызывает проблема нелегального посредничества при «независимом» усыновлении, несмотря на законодательный запрет такой деятельности в Российской Федерации. Показательными являются результаты масштабной проверки, проведённой Генеральной прокуратурой РФ в 2005 году, охватившей около 900 организаций по всей стране. Исследование выявило, что большинство случаев ненадлежащего обращения с усыновлёнными детьми приходится именно на «независимые» усыновления. Более того, проверка обнаружила многочисленные нарушения в работе посреднических агентств, включая отсутствие необходимых разрешительных документов и надлежащего учёта информации об усыновлённых детях, что существенно затрудняет возможность контроля за их дальнейшей судьбой [13].

Анализируя правовые аспекты международного усыновления, следует отметить консолидированную позицию ключевых государственных институтов России относительно приоритетности усыновления через аккредитованные агентства как наиболее надёжного механизма защиты интересов детей. Существенные опасения в отношении «независимого» усыновления были артикулированы представителями различных властных структур, включая руководство московского департамента образования и военную прокуратуру, которые ещё в середине 2000-х годов указывали на невозможность осуществления должного контроля за судьбой детей, усыновлённых в обход аккредитованных организаций [14]. Значимый импульс к пересмотру существующей практики был дан в 2010 году, когда уполномоченный по правам ребёнка акцентировал внимание общественности на потенциальных рисках и нецелесообразности деятельности неаккредитованных иностранных агентств в сфере усыновления, что стало катализатором для последующих изменений в регулировании данной области правоотношений [15].

В современных реалиях всё более острой становится проблематика обеспечения надлежащего надзора за соблюдением законных прав и интересов детей в процессе их усыновления зарубежными гражданами. Значимым шагом в развитии законодательной базы в данной сфере стала законодательная инициатива Президента РФ, реализованная в конце 2011 года на основании конституционных полномочий, предусмотренных пунктом «г» статьи 84 Конституции РФ [16]. В Государственную думу был внесён комплекс законопроектов, направленных на усиление защиты прав детей-сирот, включая изменения в законе об Уполномоченном по правам человека, введение механизмов общественного контроля за обеспечением прав детей, оставшихся без попечения родителей, а также корректировки административного законодательства.

Анализ существующей нормативно-правовой базы и правоприменительной практики свидетельствует о сохраняющихся недостатках в регулировании процедуры международного усыновления. Несмотря на принятие значимых законодательных актов, включая вступивший в силу с 1 января 2013 года Федеральный закон № 272-ФЗ [17], известный также как «закон Димы Яковлева», который ввёл запрет на усыновление российских детей гражданами США, институт международного усыновления продолжает демонстрировать системные уязвимости, требующие комплексного решения на законодательном и правоприменительном уровнях.

Таким образом, в ходе исследования правовых проблем, приводящих к нарушению прав и интересов детей при международном усыновлении, были выявлены следующие ключевые недостатки: факты физического и психологического насилия над детьми в иностранных семьях; существенные коррупционные риски при оформлении документов на усыновление; неэффективность системы контроля за обеспече-

нием прав детей как в процессе усыновления, так и после их интеграции в иностранную семью; проблема «независимого» усыновления, осуществляемого в обход аккредитованных агентств; нарушение принципа приоритетности российских усыновителей; закрытый характер судебных процессов, создающий условия для злоупотреблений; недостаточная психологическая подготовка иностранных усыновителей.

Для решения выявленных проблем предлагается реализовать следующий комплекс мер: усилить систему государственной поддержки семей-усыновителей, включая финансовые и социальные механизмы помощи; упростить административные процедуры для российских усыновителей при одновременном усилении ответственности за необоснованный отказ от усыновлённого ребёнка; ввести более жёсткий контроль за предоставлением отчётности о жизни и развитии детей в иностранных семьях; законодательно ограничить практику «независимого» усыновления в пользу работы через аккредитованные агентства; обеспечить более тщательную психолого-педагогическую подготовку иностранных усыновителей; усовершенствовать механизмы судебного контроля за процессом международного усыновления; развивать международное сотрудничество в сфере защиты прав усыновлённых детей.

Список источников

1. Обзор практики рассмотрения в 2023 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г.) // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1721556/>.
2. Минакова Е.С., Куликова Т.С. Международное усыновление: актуальные проблемы // Флагман науки. 2023. № 11 (11). С. 667–669.
3. Доклад Уполномоченного МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права о нарушениях прав детей в процессе международного усыновления // МИД РФ. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1896478/.
4. Майлз Харрисон // ПравоRu. URL: <https://pravo.ru/tags/3720/>.
5. Супругам Лещински из США, издевавшимся над приемными детьми из России, больше не дадут усыновлять детей // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2011/07/04/usinovlenie.html>.
6. МИД РФ возмущен оправданием американца, обвиненного в убийстве ребенка // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20111202/504781755.html>.
7. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 351-ФЗ «О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 271 Граждан-

ского процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. 5 декабря, № 49 (часть I). Ст. 7029.

8. Кабанов В.Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в международном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10. М., 2019. 407 с.

9. Зеличенко Ю.Л. История становления законодательства в области международного усыновления // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 7. С. 194–198.

10. Определение кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по делу № КАС99-316 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/885116502>.

11. Тринченко К.О. Трансграничное усыновление: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2021. 212 с.

12. Рудь Ю.А. Проблемные аспекты защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и пути их решения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 501–511.

13. Генпрокуратура требует не мешать россиянам усыновлять детей // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/06/2005/5703c4a89a7947dde8e0c853>.

14. Независимое усыновление должно быть запрещено // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=-4635762>.

15. Детский омбудсмен усомнился в работе иностранных агентств по усыновлению // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1349449>.

16. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря, № 237.

17. Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. 31 декабря, № 53 (часть I). Ст. 7597.

References

1. Review of the practice of consideration in 2023 by regional and equal courts of cases of adoption of children by foreign citizens or stateless persons, as well as citizens of the Russian Federation permanently residing outside the territory of the Russian Federation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 29, 2024) // SPS "Garant". URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1721556/> (In Russ.).

2. Minakova E.S., Kulikova T.S. Mezhdunarodnoe usynovlenie: aktual'nye problemy [International adoption: actual problems]. *Flagman nauki*, 2023, no. 11 (11), pp. 667–669.

3. Report of the Commissioner of the Russian Foreign Ministry on Human Rights, Democracy and the Rule of Law on violations of children's rights in the process of international adoption. *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1896478/ (In Russ.).
4. Miles Harrison // Pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/tags/3720/> (In Russ.).
5. Leszczynski's spouses from the USA, who bullied foster children from Russia, will no longer be allowed to adopt children. *Rossiyskaya gazeta*. URL: <https://rg.ru/2011/07/04/usinovlenie.html> (In Russ.).
6. The Russian Foreign Ministry is outraged by the acquittal of an American accused of murdering a child. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20111202/504781755.html> (In Russ.).
7. Federal Law No. 351-FZ of November 30, 2011 "On Amendments to Articles 127 and 146 of the Family Code of the Russian Federation and Article 271 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation of the Russian Federation". *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2011, December 5, 2011, no. 49 (part I), art. 7029. (In Russ.).
8. Kabanov V.L. Realizatsiya printsipa nailuchshego obespecheniya interesov rebenka v mezhdunarodnom prave [Implementation of the principle of the best interests of the child in international law]. Dr. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2019. 407 p.
9. Zelichenko Y.L. Istoriya stanovleniya zakonodatel'stva v oblasti mezhdunarodnogo usynovleniya [The history of the formation of legislation in the field of international adoption]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, no. 7, pp. 194–198.
10. Definition of the Cassation board of the Supreme Court of the Russian Federation in the case No. 999-316. *Archive of decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction*. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/885116502> (In Russ.).
11. Trichenko K.O. Transgranichnoe usynovlenie: problemy pravovogo regulirovaniya [Cross-border adoption: problems of legal regulation]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2021. 212 p.
12. Rud Yu. A. Problemnye aspekty zashchity prav detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei, i puti ikh resheniya [Problem aspects of protecting the rights of orphanhood and children left without parental care, and the ways of their solution]. *Voprosy rossiiskoi yustitsii*, 2020, no. 9, pp. 501–511.
13. The Prosecutor General's Office demands not to interfere with Russians adopting children. *RBC*. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/06/2005/5703c4a89a7947dde8e0c853> (In Russ.).
14. Independent adoption should be prohibited. *Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=-4635762> (In Russ.).

15. The Children's Ombudsman questioned the work of foreign adoption agencies. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1349449> (In Russ.).

16. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). *Rossiyskaya gazeta*, 1993, December 25, no. 237. (In Russ.).

17. Federal Law of December 28, 2012 No. 272-FZ "On measures of influence on persons involved in violations fundamental human rights and freedoms, the rights and freedoms of citizens of the Russian Federation" (as amended on 08.08.2024). *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2012, December 31, no. 53 (part I), art. 7597. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

В.Д. Федосеева – студентка 1 курса программы «Гражданское и семейное право» Института магистратуры, юрист, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация),

✉ fedolera2002@yandex.ru

V.D. Fedoseeva – 1st year Graduate Student, Lawyer, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation).

А.В. Шуваев – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация),

✉ av_shuvaev@inbox.ru

A.V. Shuvaev – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil and Corporate Law, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 22.11.2024;

одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;

принята к публикации / accepted 19.02.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 113–124.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 113–124.

Научная статья

УДК 343.3

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/113-124>

**Воспрепятствование законной профессиональной
деятельности журналистов:
правовая природа и вопросы уголовно-правовой характеристики**

Александр Иванович Чучаев¹, Юлия Викторовна Грачева²

¹ Институт государства и права Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

² Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
Москва, Российская Федерация

 jvgracheva@msal.ru

Аннотация. В противодействии участвовавшим случаям нападения на журналистов значительную роль должны играть уголовно-правовые средства. Уголовное законодательство содержит запрет на воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, однако эффективность уголовно-правовой нормы может страдать как из-за спорного характера правовой природы преступления, так и неоднозначно толкуемых в доктрине и правоприменительной практике ряда признаков состава преступления: объекта, его видов, потерпевшего, воздействия как признака объективной стороны, объекта воздействия и др. Авторы предлагают свою трактовку указанных и иных признаков рассматриваемого деяния.

Ключевые слова: средства массовой информации, деятельность журналиста, воспрепятствование, принуждение, правовая природа, объект преступления, адресат воздействия

Для цитирования: Чучаев А.И., Грачева Ю.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов: правовая природа и вопросы уголовно-правовой характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 113–124.

Obstruction of legitimate professional activity of journalists: legal nature and questions of criminal law characteristics

Alexander I. Chuchaev¹, Julia V. Gracheva² ✉

¹ Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

² Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

✉ jvgracheva@msal.ru

Abstract. Criminal law means should play a significant role in countering the increasing number of attacks on journalists. Criminal legislation prohibits the obstruction of the legitimate professional activities of journalists, but the effectiveness of criminal law provision may suffer both because of the controversial nature of the legal nature of the crime and because of a number of elements of the crime that are ambiguously interpreted in doctrine and law enforcement practice: the object, its types, the victim, and the impact as a sign of objective parties, the object of influence etc. The authors offer their interpretation of these and other signs of the act in question.

Keywords: mass media, journalist's activity, obstruction, coercion, legal nature, object of crime, addressee of influence

For citation: Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V. Obstruction of legitimate professional activity of journalists: legal nature and questions of criminal law characteristics. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 113–124. (In Russ.).

До недавнего времени вопрос о правовой природе воспрепятствования законной профессиональной деятельности не ставился: все авторы исходили из места уголовно-правовой нормы в архитектонике Особенной части, определённого законодателем, признавшего его преступлением против конституционных прав и свобод личности, а в рамках гл. 19 УК РФ – деянием, посягающим на личные (гражданские) права и свободы человека [1, с. 206; 2, с. 85]. Так, Т.Ш. Изятов пишет: «...весь набор правомочий человека в области информации ... давно уже пора отнести к группе личных прав» [3, с. 12].

А.А. Дегтерев поставил под сомнение обоснованность решения законодателя признать рассматриваемое деяние преступлением против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Его «...юридическая природа, – отмечает автор, – ...совершенно иная, а не та, которая признана законодателем, а вслед за ним – учёными и практическими работниками. Средства массовой информации ... являются структурным элементом политической системы государства. Следовательно, при

воспрепятствовании деятельности журналиста виновный посягает на средства массовой информации как институционально-субъектную, информационную подсистему политической системы, устанавливающую связь между властью, политическими и общественными организациями и гражданами страны. Место нормы, предусматривающей ответственность за воспрепятствование профессиональной работе журналиста, в гл. 29 УК РФ, которая объединяет преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» [4, с. 209].

По нашему мнению, позиция законодателя предпочтительнее, чем предложение автора. Согласно п. 4 ст. 29 главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ, каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Таким образом, указанное право относится к числу конституционных, его нарушение обоснованно отнесено к посягательствам на конституционные права и свободы человека и гражданина, а не к преступлениям, посягающим на конституционный строй и безопасность государства. Включение рассматриваемого деяния в круг последних нарушает логику формирования данной главы; возможно, поэтому А.А. Дегтерев и не определил конкретное её место в системе гл. 29 УК РФ.

В подтверждение своей точки зрения автор приводит ещё два довода. Он пишет: «...подход законодателя к сущности уголовно-правового запрета (как к нарушению конституционных прав и свобод человека и гражданина. – Ю.Г., А.Ч.) вызывает сомнение. Как, например, можно говорить о нарушении конституционных прав и свобод человека и гражданина при принуждении к распространению сведений, соответствующих действительности? Казалось бы, наоборот, в этом случае обеспечивается право на получение информации. Ещё одна деталь, которая ... свидетельствует о том, что рассматриваемым преступлением нарушаются не указанные права и свободы, а иные общественные отношения, свидетельствует проявление общественной опасности вовне. Оно заключается не в причинении вреда журналисту ... а в нанесении вреда информационной составляющей политической системы России» [4, с. 208–209].

На наш взгляд, указанные обстоятельства не усиливают позицию А.А. Дегтерева. С одной стороны, он прав, утверждая, что воздействие на журналиста характеризует способ совершения преступления и выражается в так называемом дополнительном деянии. Правовая природа преступления была бы совершенно иной, если объектом уголовно-правовой охраны выступала личность журналиста и его близких (жизнь, здоровье, честь, достоинство, собственность); в этом случае речь следовало бы вести о преступлениях, предусмотренных гл. 16 или 21 УК РФ. С другой стороны, автор допускает существенную неточность: общественная опасность рассматриваемого преступления не ограничивается нанесением вреда информационной составляющей политической системы, она в любом случае носит интегративный характер,

складывается из опасности воздействия на потерпевшего-журналиста, нарушения конституционного права на получение информации и опасности личности виновного.

Гипотетический вопрос не только ничего не добавляет в характеристику преступления как посягательства против конституционного строя и безопасности государства, но и, по сути, колеблет утверждение автора. Воспрепятствование законодатель связывает с законной деятельностью журналистов, в приведённом примере она таким не является, следовательно, уже поэтому не подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ. Принуждение к распространению достоверных сведений, вопреки мнению А.А. Дегтерева, свидетельствует об обеспечении права на получение информации, пусть даже и таким образом (уголовно-правовая оценка подобного принуждения в данной статье не рассматривается). В этом случае основы политической системы России не терпят никакого урона.

Не только правовая природа воспрепятствования законной деятельности журналистов, но и характеристика многих признаков состава преступления относится к числу дискуссионных. Так, спорной представляется трактовка объекта преступления. В литературе, как правило, встречаются, если отвлечься от нюансов формулировок, две позиции: таковым следует признавать 1) политические права и свободы [5, с. 448]; 2) свободу печати и других средств массовой информации [6, с. 338].

Обе они, как представляется, неверно трактуют сущность объекта уголовно-правовой охраны. Первая позиция расширяет определяемое понятие, включает в него отношения, выходящие за его пределы, поскольку право на информацию является только одной из составляющих политических свобод (ст. 24, 29–33 Конституции РФ). Вторая искажает конституционное положение о свободе слова и массовой информации; другими словами, осуществлена подмена определяемого понятия – свободы массовой информации свободой средств массовой информации, что, разумеется, не одно и то же. Кроме того, средства массовой информации обладают разными видами свобод: идеологической, редакционной политики, экономической, организационной и др. О какой свободе ведут речь криминалисты, характеризуя объект преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, понять невозможно.

Нет необходимой конкретики и в трактовке объекта преступления М.А. Селезневым как законных прав профессионального журналиста на распространение информации или отказ от её распространения [7, с. 282]. На это обстоятельство обратили внимание Л.Л. Кругликов и Е.В. Красильникова [8, с. 49].

В ряде случаев характеристика объекта фактически подменяется сферой совершения деяния. Так, А.А. Малиновский в качестве такового указывает законную профессиональную деятельность журналистов [9, с. 16].

Противоречия присущи дефиниции рассматриваемого элемента состава преступления, сформулированной М.А. Скрыбиным. Деяние, предусмотренное ст. 144 УК РФ, он относит к числу преступлений, нарушающих трудовые права граждан.

Казалось, логичным было бы исходя из этого и раскрывать суть объекта; будучи преступлением против трудовых прав, деяние может нарушить какое-либо право, относящееся к трудовым (например, на свободный труд, на безопасные и гигиенические условия труда и т.д.). Однако определяя объект преступления, автор пишет: «Непосредственным объектом состава ст. 144 являются общественные отношения, охраняющие свободу средств массовой информации в сфере реализации профессиональной деятельности журналистов» [10, с. 143].

Обратим внимание на ряд моментов. Во-первых, автором допускается явная некорректность: у статьи нет и не может быть состава преступления. Во-вторых, общественным отношениям придаётся не свойственная им функция охраны общественных отношений (последние сами охраняются, в том числе и средствами уголовного права). В-третьих, допускается подмена определяемого понятия: вместо объекта преступления говорится об общественных отношениях, охраняющих свободу средств массовой информации. Иначе говоря, указанные общественные отношения выносятся за пределы объекта. В-четвёртых, имеет место та же ошибка, что отмечалась ранее: законом обеспечивается не свобода средств массовой информации, а свобода массовой информации, т.е. беспрепятственное распространение предназначенных для неограниченного круга лиц печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных сообщений и материалов.

Практически все криминалисты преступление, предусмотренное ст. 144 УК РФ, признают многообъектным. Однако по многим аспектам и в этом случае нет единства мнений, в частности по уровню выделения объектов и их сущности. Так, ряд учёных считает, что рассматриваемое преступление характеризуется двумя видовыми объектами: правом на свободное распространение информации и здоровье, честь, достоинство, собственность потерпевшего [8, с. 49]. Между тем в доктрине уголовного права двубъектность преступлений определяется на уровне непосредственного объекта.

Более сложным видится анализируемый элемент состава преступления Е.В. Красильниковой, выделяющей видовой, групповой и непосредственный объекты преступления. Вызывает сомнение наличие группового объекта вообще и рассматриваемых преступлений в частности. По крайней мере, абсолютное большинство учёных его не признают. Искусственность этого образования заметна в том числе по характеристике его содержания; по мнению автора, групповой объект охватывает общественные отношения, возникающие при реализации соответствующих норм. Однако очевидно: при реализации любой нормы возникает столько общественных отношений и таких свойств, которые не охраняются и не могут охраняться уголовным правом по определению.

На уровне непосредственного объекта Е.В. Красильникова выделяет основной, дополнительный и факультативный объекты, в ряде случаев допуская подмену

определяемого понятия (например, вместо общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны указываются общественные отношения, обеспечивающие право на распространение информации) [11, с. 8].

В литературе отражены и иные точки зрения относительно объекта преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ [12, с. 499; 13, с. 129].

Потерпевшим в рассматриваемом составе преступления выступает журналист. Понятие этого термина раскрывается в ст. 2 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-I (в ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации»¹, в связи с этим на практике, по сути, в целом нет проблем с определением потерпевшего как такового.

В этом случае неопределённость в рассматриваемый признак внёс сам законодатель, указав слово «журналист» во множественном числе². С точки зрения законодательной техники это означает, что единственное число не отражает и не может отразить отражаемое явление. С точки зрения практики встаёт вопрос: образует ли состав преступления наличие лишь одного потерпевшего? Грамматическое толкование приводит к отрицательному ответу.

Подход законодателя не имеет под собой криминологической основы. Как правило, воздействие оказывается на одного журналиста и только в редких случаях – на двух и более лиц, являющихся соавторами. Однако единственное число, характеризующее потерпевшего, будет охватывать и множественность лиц, в отношении которых осуществлено преступное посягательство.

Как представляется, некорректность определения законодателем потерпевшего проявилась и по отношению к признанию таковым родственников³ журналиста (их определение содержится в п. 37 ст. 5 УПК РФ). В ч. 1 ст. 144 УК РФ они не указаны, а посягательство на них признано особо квалифицированным видом. Между тем можно воспрепятствовать распространению информации, воздействуя не на самого журналиста, а его близкого, поэтому вполне логичным представляется дополнение ч. 1 ст. 144 УК РФ указанием на данного потерпевшего (это, правда, повлечёт за собой редакционные изменения формулировки статьи).

---

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300; СЗ РФ. 2024. № 48. Ст. 7218. Подробно см.: Тимошенко В.А., Смушкин А.Б. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации» (постатейный) (подготовлен для СПС «Консультант-Плюс», 2015).

² Имеет место явление, получившее в лингвистике название синекдохи – вида метонимии (оборота речи, тропа), выражающегося в замене одного слова другим на основании смежности двух понятий, стилистический оборот, состоящий в употреблении большего вместо меньшего, целого вместо части, общего вместо частного [14, с. 637].

³ Эта категория потерпевших в УК РФ отражена по-разному. Наиболее точно она указана в п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ как близкие лица. Проблема не в использованной терминологии, а круге лиц, охватываемых понятием. Последние включают в себя в том числе близких родных, родных и иных лиц, чья судьба «основному» потерпевшему не безразлична.

Наряду с потерпевшими в литературе выделяют предмет преступления. К нему относят массовую информацию, подготовленную журналистом или находящуюся в иной степени готовности для распространения в СМИ [11, с. 8]. Это ошибочное утверждение, оно не учитывает механизм совершения преступления. Предмет должен находиться в генетической связи с объектом преступления, путём воздействия на него причиняется урон общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона. В преступлении, предусмотренном ст. 144 УК РФ, воздействие оказывается не на информацию, а на журналиста, принуждая его к совершению или отказу от совершения определённых действий.

Объективная сторона в качестве обязательных охватывает два признака: *деяние – воспрепятствование* и *способ совершения преступления – принуждение* (отражён, как уже указывалось, в виде дополнительного действия). Лексическое значение слова «воспрепятствование» многозначно. В юридической литературе, характеризуя деяние, как правило, прибегают к перечислению возможных вариантов воспрепятствования [6, с. 338]. По утверждению А.В. Курсаева, перечень его видов дан в ст. 58 Закона РФ «О средствах массовой информации», но при этом автор оговаривается, что они должны быть связаны с принуждением журналиста [15, с. 51]. Такая трактовка рассматриваемого понятия приводит к неразрешимой ситуации, на что обращает внимание А.А. Дегтерев: «...Невозможно себе представить, как в этом случае будут сопрягаться деяние, способ его совершения и цель преступления, если, например, воспрепятствование – уничтожение тиража, законодательно определённый способ – принуждение, цель – распространение информации» [4, с. 216].

Сущность деяния как воспрепятствования необходимо раскрывать с учётом цели совершения преступления: заставить журналиста распространить соответствующую информацию или воздержаться от этого.

Принуждение предполагает психическое насилие, его виды в ч. 1 ст. 144 УК РФ н названы. Путём сопоставления ч. 1 и 3 данной статьи можно заключить, что оно как вид психического насилия охватывает широкий круг возможных действий виновного, кроме угрозы совершить физическое насилие, повредить или уничтожить имущество. Подобного вида угрозы образуют особо квалифицированное воспрепятствование законной деятельности журналиста. В связи с этим необоснованным представляется утверждение, согласно которому принуждение включает в себя физическое насилие: причинение вреда здоровью, побои, лишение и ограничение свободы, похищение журналиста [16, с. 198].

Как уже говорилось, принуждение по своей сути предполагает насилие. Поэтому странным выглядит его толкование, данное Н.Г. Кадниковым, относящим к нему обещание вознаграждения, поощрения журналиста в какой-либо форме: карьерный рост, перевод в более престижное издание, премирование, оказание услуг, имеющих материальный характер, и др. [6, с. 338].

В литературе по-разному определяется объект воздействия. Так, ряд авторов признают им орган массовой информации, в отношении которого называются такие возможные угрозы, как прекращение или приостановление деятельности, уничтожение тиража или его части и др. [12, с. 501; 5, с. 454]. Это утверждение не соответствует законодательному описанию преступления. В законе сказано: «... путём принуждения их...», употреблено личное местоимение, указывающее на журналистов. Органы массовой информации (в законодательстве используется термин «средства») в ст. 144 УК РФ не упоминаются, воздействие на них не вытекает и в целом из смысла уголовно-правовой нормы. Ошибочность данного мнения становится более очевидной при обращении к ч. 3 ст. 144 УК РФ, содержащей квалифицированный вид преступления. В качестве потерпевшего в ней называются журналист и его близкий.

Доктрина уголовного права и правоприменительная деятельность сталкиваются с рядом трудностей при толковании цели совершения преступления, обозначенной в законе как распространение или отказ от распространения информации. Во-первых, следует отметить рассогласованность уголовно-правовой нормы с Законом РФ «О средствах массовой информации», оперирующим иным понятием – массовая информация, являющейся только частью информации как таковой. Во-вторых, ст. 2 указанного закона предусматривает около 10 форм её распространения. В ст. 144 УК РФ говорится о распространении вообще, без конкретизации его форм, следовательно, блокирование любого варианта подпадает под признаки уголовно-правовой нормы.

Сложнее обстоит ситуация с характеристикой принуждения к распространению информации. Законодательная формулировка допускает разные трактовки его сути, крайними из которых являются: принуждение к распространению заведомо ложной информации или, наоборот, достоверной информации, которую журналист по каким-либо причинам не желает обнародовать. На наш взгляд, в этом случае требуется суброгация уголовно-правовой нормы, направленная на уточнение цели совершения преступления. Возможно её указание в наиболее общей форме: воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста¹. Кстати сказать, подобное решение усилит уголовно-правовое обеспечение права граждан на получение информации, поскольку под уголовно-правовую охрану будут поставлены и другие составляющие деятельности журналиста (например, получение и собирание информации и т.д.).

Дискуссионный характер ряда признаков состава преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, обусловлена в том числе и изъянами законодательной техники. Данное обстоятельство становится очевидным при сопоставлении формулировок основного и квалифицированного видов преступления. В ч. 2 говорится «то же деяние...», в ч. 3 – «деяния, предусмотренное частями первой и второй...». Деяние

---

¹ Такие или близкие по сути предложения вносились и другими авторами [17, с. 20–21; 13, с. 132].

в уголовном праве понимается двояко: во-первых, как синоним преступления (в таком значении в УК РФ оно упоминается в ст. 2, 8, 9 и 14), т.е. термину придаётся широкий смысл; во-вторых, как признак объективной стороны преступления, отражающий две формы человеческого поведения – действие и бездействие, т.е. в узком смысле.

Широкое понимание деяния, единственно допустимое при характеристике соотношения основного, квалифицированного и особо квалифицированного составов преступлений, приводит к юридическим конструкциям, противоречащим здравому смыслу. Например, это имеет место при сопоставлении способа совершения преступления: принуждение (ч. 1), соединённое с насилием или угрозой применения насилия (ч. 3 ст. 144 УК РФ). Принуждение и угроза представляют собой психическое насилие.

Рассматриваемому составу преступления присущи и другие дискуссионные аспекты, требующие самостоятельного исследования.

Список источников

1. Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их обеспечение уголовно-правовыми средствами (вопросы теории и практики). Уфа, 2001. 237 с.
2. Мачковский Л.Г. Охрана личных, политических и трудовых прав в уголовном законодательстве России и зарубежных стран. М., 2004. 201 с.
3. Изъятов Т.Ш. Механизм реализации конституционного права граждан на информацию в РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 25 с.
4. Дегтерев А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям против основ политической системы России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 465 с.
5. Уголовное право Российской Федерации / науч. ред. Е.В. Благов. М., 2019. 343 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2019. 786 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебной практики / под общ. ред. В.В. Мозякова. М., 2004. 389 с.
8. Кругликов Л. Л, Красильникова Е.В. Объект воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) // Уголовное право. 2007. № 4. С. 47–51.
9. Малиновский А.А. Новый УК и свобода прессы // Законность. 1996. № 11. С. 15–19.

10. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М., 2013. 405 с.
11. Красильникова Е.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 27 с.
12. Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2008. 603 с.
13. Каримова Ю.В. Определение объекта воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 126–133. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.91.6.126-133>
14. Словарь иностранных слов в русском языке / под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. М., 1996. 987 с.
15. Курсаев А.В. Способы воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (статья 144 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2017. № 3 (41). С. 50–55.
16. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015. 356 с.
17. Гайнутдинов Д.Р. Уголовная ответственность за посягательство на свободу массовой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 27 с.

References

1. Nurkaeva T.N. Lichnye (grazhdanskie) prava i svobody cheloveka i ikh obespechenie ugovolno-pravovymi sredstvami (voprosy teorii i praktiki) [Personal (civil) rights and freedoms of a person and their provision by criminal-legal means (theoretical and practical issues)]. Ufa, 2001. 237 p.
2. Machkovsky L.G. Okhrana lichnykh, politicheskikh i trudovykh prav v ugovolnom zakonodatel'stve Rossii i zarubezhnykh stran [Protection of personal, political and labor rights in the criminal legislation of Russia and foreign countries]. Moscow, 2004. 201 p.
3. Izyatov T. Sh. Mekhanizm realizatsii konstitutsionnogo prava grazhdan na informatsiyu v RF [Mechanism for implementing the constitutional right of citizens to information in the Russian Federation]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2002. 25 p.
4. Degtyarev A.A. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy protivodeistviya prestupleniyam protiv osnov politicheskoi sistemy Rossii [Criminal-legal and criminological problems of counteracting crimes against the foundations of the political system of Russia]. Dr. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2022. 465 p.
5. Blagov E.V. (sci. ed.). Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii [Criminal Law of the Russian Federation]. Moscow, 2019. 343 p.

6. Kadnikov N.G. (ed.). Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (nauchno-prakticheskii, postateinyi) [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical, article-by-article)]. Moscow, 2019. 786 p.
7. Mozyakov V.V. (ed.). Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Rasshirenniy ugolovno-pravovoi analiz s materialami sudebnoi praktiki [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Expanded criminal-legal analysis with materials of judicial practice]. Moscow, 2004. 389 p.
8. Kruglikov L.L., Krasilnikova E.V. Ob"ekt vosprepyatstvovaniya zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov (st. 144 UK RF) [The object of obstruction of the lawful professional activities of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Ugolovnoe pravo*, 2007, no. 4, pp. 47–51.
9. Malinovsky A.A. Novyi UK i svoboda pressy [The New Criminal Code and Freedom of the Press]. *Zakonnost'*, 1996, no. 11, pp. 15–19.
10. Sundurov F.R., Talan M.V. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast' [Criminal Law of Russia. Special Part]. Moscow, 2013. 405 p.
11. Krasilnikova E.V. Vosprepyatstvovanie zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov (st. 144 UK RF) [Obstruction of the Lawful Professional Activities of Journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Kazan, 2007. 27 p.
12. Brilliantov A.V. (ed.). Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti [Criminal Law of Russia. General and Special Parts]. Moscow, 2008. 603 p.
13. Karimova Yu. V. Opredelenie ob"ekta vosprepyatstvovaniya zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov [Definition of the object of obstruction of the lawful professional activities of journalists]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2018, no. 6, pp. 126–133. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.91.6.126-133>
14. Lekhin I.V., Petrov F.N. (ed.). Slovar' inostrannykh slov v russkom yazyke [Dictionary of foreign words in the Russian language]. Moscow, 1996. 987 p.
15. Kurshev A.V. Sposoby vosprepyatstvovaniya zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov (stat'ya 144 Ugolvnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii) [Methods of obstruction of the lawful professional activities of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Yuridicheskaya nauka i pravoprimenitel'naya praktika*, 2017, no. 3 (41), pp. 50–55.
16. Konyakhin V.P., Prokhorova M.L. (ed.). Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' [Russian criminal law. Special part]. Moscow, 2015. 356 p.
17. Gainutdinov D.R. Ugolovnaya otvetstvennost' za posyagatel'stvo na svobodu massovoi informatsii [Criminal liability for encroachment on freedom of the mass media]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2007. 27 p.

Информация об авторах / Information about the authors

А.И. Чучаев – доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук; заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва, Российская Федерация),

✉ moksha1@rambler.ru

A.I. Chuchayev – Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Honored Scientist of Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ю.В. Грачева – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация),

✉ vgracheva@mail.ru

Yu.V. Gracheva – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию / The article received 17.01.2025;

одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;

принята к публикации / accepted 25.02.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 125–137.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 125–137.

Научная статья

УДК 343.3

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/125-137>

**Понятие иностранной или международной организации,
в отношении которой принято решение о признании
нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности,
а также место этой организации в структуре объективной стороны
состава преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ**

Анна Юрьевна Попова

Сибирский федеральный университет,

Красноярск, Российская Федерация

✉ Adv.boytsova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается новое для российского законодательства понятие – иностранная или международная организация, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности. Указанное понятие встречается в нескольких нормативно-правовых актах. Так, Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» раскрывает значение данного термина, а также устанавливает условия для признания деятельности таких организаций нежелательной на территории России. Кроме того, понятие иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности, содержится в ст. 284.1 УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за осуществление деятельности таких организаций. Анализ действующего законодательства РФ, а также доктринальных положений позволил автору определить, деятельность каких именно организаций может быть признана нежелательной на территории Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Также был рассмотрен вопрос о месте иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности, в структуре объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ. Автором был сделан вывод,

согласно которому данные организации являются средством совершения преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, иностранная неправительственная организация, международная организация, безопасность государства, основы конституционного строя, угроза, средство совершения преступления, нежелательная деятельность

Для цитирования: Попова А.Ю. Понятие иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности, а также место этой организации в структуре объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 125–137.

Original article

The concept of a foreign or international organization, in respect of which a decision has been made to recognize its activities as undesirable on the territory of the Russian Federation, as well as the place of this organization in the structure of the objective side of the crime stipulated by Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

Anna Yu. Popova

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russian Federation

✉ adv.boytsova@mail.ru

Abstract. The article examines a new concept for Russian legislation: a foreign or international organization, in respect of which a decision has been made to recognize its activities as undesirable on the territory of the Russian Federation. This concept is found in several regulatory legal acts. Thus, Federal Law No. 272-FZ of 28.12.2012 “On measures of influence on persons involved in violations of fundamental human rights and freedoms, rights and freedoms of citizens of the Russian Federation” reveals the meaning of this term, and also establishes the conditions for recognizing the activities of such organizations as undesirable on the territory of Russia. In addition, the concept of a foreign or international organization, in respect of which a decision has been made to recognize its activities as undesirable on the territory of the Russian Federation, is contained in Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes criminal liability for the activities of such organizations. An analysis of the current legislation of the Russian Federation,

as well as doctrinal provisions, allowed the author to determine the activities of which organizations can be recognized as undesirable on the territory of the Russian Federation in accordance with the legislation of the Russian Federation.

The issue of the place of a foreign or international organization, in respect of which a decision has been made to recognize its activities as undesirable on the territory of the Russian Federation in the structure of the objective side of the crime stipulated by Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, was also considered. The author concluded that these organizations are a means of committing a crime stipulated by Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability, foreign non-governmental organization, international organization, state security, foundations of the constitutional system, threat, means of committing a crime, undesirable activity

For citation: Popova A.Yu. The concept of a foreign or international organization, in respect of which a decision has been made to recognize its activities as undesirable on the territory of the Russian Federation, as well as the place of this organization in the structure of the objective side of the crime stipulated by Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 125–137. (In Russ.).

В Главе 29 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 284.1 УК РФ). Данный состав преступления был включён в УК РФ Федеральным законом от 23.05.2015 г. № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Кроме того, этот же закон ввёл в действующий Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 272-ФЗ) статью 3.1, которая предусматривает критерии, определяющие основания для признания деятельности иностранной или международной организации нежелательной на территории РФ. В последующем был принят Федеральный закон от 01.07.2021 г. № 292-ФЗ «О внесении изменения в статью 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», кардинально изменивший структуру состава преступления. Отметим, что в обоих первоначальных редакциях ст. 284.1 УК РФ говорилось об иностранных и международных неправительственных организациях, чья деятельность может быть признана нежелательной на территории РФ.

Однако в июне 2024 г. в одном из своих обращений председатель Государственной думы РФ В.В. Володин заявил, что «сейчас нежелательной может быть признана только деятельность зарубежных неправительственных организаций. Этот правовой пробел в законодательстве необходимо устранить, чтобы исключить возможность вмешиваться во внутренние дела нашей страны. Организации, созданные госструктурами из США, Британии и других европейских стран, ведут деятельность, направленную против России. Остановить их – вопрос безопасности, защиты интересов наших граждан» [1]. Также депутат Государственной думы РФ В.И. Пискарев, являющийся главой комиссии по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России, отметил, что были установлены факты «участия подобных структур в деятельности, представляющей угрозу безопасности нашей страны» [2]. Затем был принят Федеральный закон от 08.08.2024 № 220-ФЗ «О внесении изменений в статью 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», которым слово «неправительственной» было исключено из названия и текста ст. 284.1 УК РФ.

Такие изменения, на первый взгляд, означают, что у компетентных органов появилась возможность признавать нежелательной на территории Российской Федерации деятельность практически любой иностранной или международной организации, в том числе и коммерческой. Поэтому приобрёл актуальность вопрос о том, деятельность каких иностранных или международных организаций в настоящее время может быть признана нежелательной на территории Российской Федерации в соответствии с законодательством. Без этого невозможно квалифицировать такое преступление, как осуществление деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности (ст. 284.1 УК РФ).

Общие критерии такого признания закреплены в ч. 1 ст. 3.1 Федерального закона № 272-ФЗ, где говорится об иностранной или международной неправительственной организации, чья деятельность представляет угрозу основам конституционного строя РФ, обороноспособности страны или безопасности государства, в том числе способствует либо препятствует выдвижению кандидатов, списков кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, выдвижению инициативы проведения референдума и проведению референдума. Федеральным законом от 08.08.2024 № 219-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 3.1 Федерального закона № 272-ФЗ дополнительно была внесена ч. 1.1, в которой говорится о том, что нежелательной может быть также признана деятельность не входящей в структуру органов государственной власти иностранного государства иностранной или международной организации, учредителем (участником) которой являются государственные органы иностранного государства (за исключением международной неправительственной организации, членом которой является Российская Федерация).

Решение о признании деятельности организации нежелательной на территории Российской Федерации принимается Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителями по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных отношений Российской Федерации (ч. 4 ст. 3.1 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ). Перечень нежелательных организаций ведёт федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере регистрации некоммерческих организаций (ч. 8 ст. 3.1 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ). В настоящее время это Министерство юстиции РФ. Рассматривая взятые в совокупности пункты 1 и 1.1 ст. 3.1 Федерального закона № 272-ФЗ, можно понять, что нежелательной на территории РФ может быть признана как деятельность неправительственной иностранной или международной организации, так и деятельность не входящей в структуру органов государственной власти иностранного государства иностранной или международной организации, учредителем (участником) которой являются государственные органы иностранного государства (за исключением международной межправительственной организации, членом которой является Российская Федерация).

Согласно п. 4 ст. 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», под иностранной некоммерческой неправительственной организацией понимается организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками, созданная за пределами территории Российской Федерации в соответствии с законодательством иностранного государства, учредителями (участниками) которой не являются государственные органы. Из данного определения следует, что законодатель признаёт иностранные некоммерческие организации разновидностью иностранной неправительственной организации, где основным требованием является отсутствие цели деятельности – извлечение прибыли. Но вот с термином «иностранной организации, учредителем (участником) которой являются государственные органы», всё не так однозначно, в связи с отсутствием его законодательного закрепления. Поэтому для начала рассмотрим термин «иностранная организация».

Термин «иностранная организация» закреплён в пункте 2 статьи 11 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ), под которой законодатель понимает иностранные юридические лица, компании и другие корпоративные образования, обладающие гражданской правоспособностью, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств, международные организации, филиалы и представительства указанных иностранных лиц и международных организаций, созданные на территории Российской Федерации. В п. 4 ст. 246.2 части второй НК РФ иностранным юридическим лицом признаётся иностранная организация, управление которой осуществляется за

пределами Российской Федерации, если её деятельность осуществляется с использованием её собственного квалифицированного персонала и активов в государстве (на территории) её постоянного местонахождения. Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» закрепил в ст. 1 термин «иностранные лица», под которыми следует понимать юридические лица и организации в иной организационно-правовой форме, гражданская правоспособность которых определяется по праву иностранного государства, в котором они учреждены. Согласно ст. 2 Федерального закона от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», иностранным инвестором признаётся иностранная организация, не являющаяся юридическим лицом, гражданская правоспособность которой определяется в соответствии с законодательством государства, в котором она учреждена, и которая вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации. Не трудно заметить многообразие подходов к пониманию термина «иностранная организация». Однако каждый из названных нормативных актов содержит своё понимание данного определения, которое необходимо для регулирования той или иной сферы деятельности, будь это налогообложение, экспорт или инвестирование. Следует отметить, все вышеперечисленные определения относятся к коммерческим организациям, что сразу делает невозможным признать их деятельность нежелательной на территории РФ в силу ограничений, установленных частями 1 и 1.1 ст. 3 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ, которые жёстко определили критерии организаций, чья деятельность может быть признана нежелательной на территории РФ. В связи с чем считаем, что под иностранной организацией, учредителем (участником) которой являются государственные органы иностранного государства, следует понимать организацию, целью которой не является извлечение прибыли, созданная за пределами территории Российской Федерации в соответствии с законодательством иностранного государства, учредителями (участниками) которой являются иностранные государственные органы. Примером такой организации является Агентство международного развития США (USAID) – крупная государственная организация по оказанию иностранной помощи развивающимся государствам и прикрытием для деятельности ЦРУ. Данная организация управляется Госдепартаментом США.

Кроме иностранной организации в настоящее время также может быть признана нежелательной на территории РФ деятельность международной организации. Законодательство РФ не содержит ни одного нормативно-правового акта, который бы раскрыл значение термина «международная организация», а также её виды. Данная задача была выполнена доктриной. В литературе под международной неправительственной организацией (далее – МНПО) понимают «объединения национальных общественных организаций, союзов, групп и отдельных лиц из различных государств, созданные в целях содействия международному сотрудничеству в политической,

экономической, культурной, научно-технической и других сферах деятельности человека; эти организации учреждены не на основании межправительственного соглашения и не ставят целью извлечение коммерческой прибыли» [3, с. 94]. Отметим, что до принятия Федерального закона от 08.08.2024 № 220-ФЗ «О внесении изменений в статью 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» нежелательной могла быть признана деятельность только МНПО. Помимо МНПО, выделяют также международную межправительственную организацию (далее – ММПО), которая предусмотрена в ч. 1.1 ст. 3.1 Федерального закона № 272-ФЗ. Под ММПО следует понимать «добровольное объединение независимых государств, созданное на основе международного соглашения, которое определяет цели и принципы объединения, наделяет его независимыми постоянными органами (организационной структурой), предназначенными отстаивать коллективные интересы и способными выражать собственную волю, юридически отличную от воли её членов, или, иными словами, имеющими и осуществляющими самостоятельные права и обязанности, отличные от прав и обязанностей государств» [4, с. 412]. То есть международной организацией по смыслу ст. 284.1 УК РФ и п.п. 1 и 1.1. ст. 3.1 ФЗ № 272-ФЗ является именно международная межправительственная организация. Примерами такой организации являются ОБСЕ, НАТО, Европейский союз.

Обобщая вышесказанное, в настоящее время к организациям, чья деятельность может быть признана нежелательной на территории Российской Федерации в соответствии с законодательством, следует отнести, во-первых, иностранную неправительственную организацию или международную неправительственную организацию; во-вторых, иностранную организацию, учредителем (участником) которой являются государственные органы иностранного государства, или международную межправительственную организацию, учредителем (участником) которой являются государственные органы иностранного государства. Также примером иностранной организации, учредителем (участником) которой являются государственные органы иностранного государства, будет являться компания Belsat, деятельность которой 13 сентября 2024 года Генеральной прокуратурой РФ признана нежелательной. Belsat является польским телевизионным каналом, который был создан на основании соглашения Министерства иностранных дел Польши и АО «Польское телевидение» [5]. Мы полностью поддерживаем законодателя в принятом решении, считаем его оправданным, о чём говорит статистика. Так, с 2015 г. по сентябрь 2024 г. были признаны нежелательными 189 организаций и было вынесено 7 обвинительных приговоров по ст. 284.1 УК РФ, часть из которых предусматривает наказание в виде лишения свободы. Данные факты говорят не просто о повышенном интересе к таким организациям, но и об активном противодействии государства существованию таких организаций в России, которые своей, на первый взгляд, якобы полезной деятельностью в действительности создают угрозу государству и обществу.

Заметим, термин «иностранная или международная организация, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности», достаточно прочно вошёл в нормы действующего законодательства, в частности является неотъемлемой частью состава преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ. В связи с чем актуальным вопросом является определение места нежелательной организации в структуре этого состава преступления. Очевидно, нежелательная организация не может быть отнесена к объекту, субъекту или к субъективной стороне преступного деяния, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ. Поэтому не вызывает сомнений, что нежелательная организация является одним из признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ.

Напомним, объективная сторона любого преступления состоит как из обязательного признака (деяние в форме действия или бездействия), так и из факультативных признаков (общественно опасное последствие; причинная связь между действием или бездействием и наступившими последствиями; способ; орудие; средства; место; время; обстановка совершения преступления), если они не указаны в конкретном составе преступления [6, с. 111–112]. Исходя из представленных признаков, считаем, что нежелательная организация в структуре объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ, является средством совершения преступления.

А.И. Чучаев к средствам совершения преступления относит предметы, наркотические средства, химические и ядовитые вещества, химические и физические процессы и т.д., при помощи которых совершается преступление [7, с. 155]. Согласно позиции М.В. Салтевского, к средствам совершения преступления относятся материальные объекты, так или иначе используемые для достижения преступного результата [8, с. 26]. По мнению И.М. Тяжковой, средства совершения преступления – это такие предметы и явления внешнего мира, которые использует виновный для воздействия на объект либо предмет преступления [9, с. 144]. Наряду со средством совершения преступления выделяют также и орудие совершения преступления. В литературе чаще всего указанные признаки объективной стороны не разграничиваются [7, с. 155]. Но при этом орудие совершения преступления – это предметы материального мира, которые применяются для усиления физических возможностей лица, совершающего общественно опасное деяние [7, с. 155]. В свою очередь, орудие непосредственно воздействует на объект посягательства [10, с. 33]. Исходя из представленных позиций учёных, очевидно, что средства совершения преступления способствуют наступлению преступного результата и достижения лицом своей цели, отсутствие которых не позволит его достичь. При этом перечень таких средств не является исчерпывающим, что позволяет к средствам совершения преступления отнести не только предметы материального мира или вещества, но и другие конструкции. Такой

своеобразной правовой конструкцией, имеющей реальное воплощение в объективном мире, является юридическое лицо. Как известно, вопрос о юридическом лице как о субъекте преступления стоит достаточно остро и вызывает массу дискуссий в науке уголовного права [11, с. 5]. Помимо этого, в доктрине уголовного права юридическое лицо предлагается рассматривать средством совершения преступления [12, с. 151].

А.М. Хлус считает, что «конкретные организационные формы юридических лиц в виде предприятий, учреждений, фирм могут быть средством совершения преступления» [13, с. 26]. По мнению Р.В. Минина, юридическое лицо следует понимать как средство для достижения преступной цели во всех видах мошенничества [14, с. 98]. Также и судебная практика признаёт реально осуществляющее свою деятельность юридическое лицо средством совершения преступления [12, с. 152]. В итоге к средствам совершения преступления, помимо общепринятых, следует отнести и юридическое лицо, разновидностью которого является организация.

В литературе была высказана позиция о юридическом лице в уголовном праве как об орудии совершения преступления [15, с. 42]. Обоснованием такого подхода является то, что юридическое лицо создавалось без намерения осуществлять деятельность, а сами учредители не планировали после регистрации такого юридического лица заниматься установленной в уставе деятельностью, в связи с чем его следует рассматривать как орудие совершения преступления. Безусловно, такая позиция может быть частью научной дискуссии об отнесении юридического лица к орудию совершения преступления. Однако нежелательная организация как юридическое лицо создаётся с целью осуществления определённой деятельности и после регистрации активно её осуществляет. Следовательно, исходя из вышепредставленной позиции, мы не можем считать нежелательную организацию орудием совершения преступления.

Нежелательная иностранная или международная организация, являясь юридическим лицом, в структуре объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ, является средством совершения этого преступления. Такой вывод исходит из того, что, во-первых, нежелательная организация используется лицом для облегчения достижения преступного результата, не воздействуя напрямую на объект, а лишь способствует преступному деянию; во-вторых, в рамках анализируемого состава преступления средство совершения преступления является обязательным признаком. К такому выводу мы пришли в результате того, что если деятельность иностранной или международной организаций не признана нежелательной на территории РФ, то и действия лица в рамках деятельности таких организаций не образуют состав преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ.

В подтверждение нашего вывода приведём пример из судебной практики. 18.07.2023 г. Раменским городским судом Московской области был вынесен

обвинительный приговор в отношении У. и Ю. по ч. 3 ст. 284.1 УК РФ (организация деятельности нежелательной организации – Международное христианское движение «Новое поколение»). Осуждённые организовывали и проводили совместные массовые мероприятия для участников нежелательной организации «Международное христианское движение “Новое поколение”» на территории России; призывали участников не только к дальнейшему участию в деятельности нежелательной организации, но и к расширению деятельности на территории Российской Федерации посредством вовлечения в неё новых членов; побуждали участников нежелательной организации проходить платное обучение, участвовать в обрядах; занимались хозяйственной и финансовой деятельностью [16]. Очевидно, что в случае отсутствия у организации статуса «нежелательная» действия лиц не попали бы под уголовную ответственность. В данном примере нежелательная организация выступила средством совершения преступления – она помогала виновным лицам достичь определённых преступных целей, то есть поставить под угрозу объект преступления: основы конституционного строя и безопасность государства.

В науке уголовного права нам встретилась точка зрения, согласно которой юридическое лицо, а именно инфраструктура и его правовая оболочка, может являться способом совершения преступления [17, с. 109]. И.Н. Соловьёв и другие указали на использование фирм-однодневок в качестве распространённого способа совершения преступлений [18, с. 58–70]. Такие фирмы характеризуются отсутствием самостоятельности, целями ведения деятельности, непредставлением налоговой и иной отчётности и создаются только для преступной цели, и чаще всего для совершения налоговых преступлений [19, с. 70]. Нежелательная организация под характеристику фирм-однодневок не попадает, а на практике мы можем отметить реальную и активную деятельность такой организации, которая именно своей не соответствующей учредительным документам деятельностью причиняет вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Поэтому, несмотря на многообразие вариантов использования юридического лица в уголовном праве, иностранная или международная организация, чья деятельность признана на территории РФ нежелательной, является средством совершения преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ.

Список источников

1. Поправки о нежелательных организациях прошли первое чтение в Госдуме. URL: <https://pravo.ru/news/253509/amp/>.
2. Путин подписал закон о признании нежелательными иностранных организаций с госучастием. URL: <https://www.interfax.ru/amp/975663>.
3. Шагабиева Е.М. Международные неправительственные организации: их виды, особенности, категории и характеристика // Власть. 2010. № 9. С. 94–96.

4. Международное право: учебник / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. 3-е изд., перераб. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 719 с.
5. Генеральной прокуратурой Российской Федерации признана нежелательной на территории РФ деятельность иностранной организации Belsat, Belsat TV, Belarusian Satellite, Польша // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. 2024. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=97885530>.
6. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А.Н. Тарбагаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 448 с.
7. Уголовное право. Общая часть: учебник. Издание 2-е, перераб. и доп. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. 548 с.
8. Салтевский М.В. Собираание криминалистически значимой информации техническими средствами на предварительном следствии. Киев: КВИШ, 1980. 112 с.
9. Тяжкова И.М. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 611 с.
10. Андреев В., Розовский Б., Светлов А. Орудия и средства совершения преступления // Социалистическая законность. 1963. № 7. С. 32–33.
11. Антонова Е.Ю. Ответственность юридических лиц в уголовном праве: аргументы за и против // Уголовное право. 2009. № 5. С. 4–9.
12. Бальжинимаева В.В. Юридическое лицо как средство, способ, орудие совершения преступления // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 140–163. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.1.140.163>
13. Хлус А.С. Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1. С. 24–33.
14. Минин Р.В. Формирование перечня преступлений, совершаемых юридическими лицами // Lex russica. 2016. № 10. С. 97–104. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.119.10.097-104>
15. Курицина Е. Юридическое лицо как орудие преступлений // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 42–43.
16. Приговор Раменского городского суда Московской области от 18.07.2023 // Раменский городской суд Московской области: официальный сайт. 2024. URL: https://ramenskoe--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=760884883&case_uid=caaac173-bd01-4ac6-b95e-7df559760467&delo_id=1540006&new=.
17. Головкин Л.В. Дежавю, или очередная порция доводов в пользу уголовной ответственности юридических лиц // Закон. 2017. № 8. С. 105–114.

18. Выявление налоговых преступлений: комплексное исследование / И.Н. Соловьёв, М.А. Моисеенко, Н.А. Поветкина, А.Ю. Ильин, Т.В. Мироненко, Д.А. Атаев. М.: Проспект, 2017. 192 с.

19. Лясколо А.Н. Квалификация валютных преступлений: вопросы разграничения и совокупности // Уголовное право. 2017. № 5. С. 67–76.

References

1. Amendments on undesirable organizations passed the first reading in the State Duma. URL: <https://pravo.ru/news/253509/amp/>. (In Russ.).

2. Putin signed the law on recognizing foreign organizations with state participation as undesirable. URL: <https://www.interfax.ru/amp/975663>. (In Russ.).

3. Shagabieva E.M. Mezhdunarodnye nepravitel'stvennyye organizatsii: ikh vidy, osobennosti, kategorii i kharakteristika [International non-governmental organizations: their types, features, categories and characteristics]. *Vlast'*, 2010, no. 9, pp. 94–96.

4. Kuznetsov V.I., Tuzmukhamedov B.R. (eds.). Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik [International law: Textbook]. 3rd ed., revised. Moscow: Norma: Infra-M Publ., 2010. 719 p.

5. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation has recognized the activities of the foreign organization Belsat, Belsat TV, Belarusian Satellite, Poland on the territory of the Russian Federation as undesirable // The Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official website. 2024. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=97885530>. (In Russ.).

6. Tarbagaev A.N. (ed.). Uголовное право. Obshchaya chast': uchebnik [Criminal law. General part: textbook]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect Publ., 2019. 448 p.

7. Inogamova-Khegay L.V., Rarog A.I., Chuchaev A.I. (eds.). Uголовное право. Obshchaya chast': uchebnik [Criminal law. General part: Textbook]. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Law Firm “CONTRACT”: INFRA-M Publ., 2008. 548 p.

8. Saltevisky M.V. Sobiranie kriminalisticheski znachimoi informatsii tekhnicheskimi sredstvami na predvaritel'nom sledstvii [Collection of forensically significant information by technical means during preliminary investigation]. Kyiv: KHS Publ., 1980. 112 p.

9. Tyazhkova I.M. Uголовное право Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov [Criminal Law of the Russian Federation. General Part: Textbook for Universities]. Moscow: Statut Publ., 2012. 611 p.

10. Andreev V., Rozovsky B., Svetlov A. Orudiya i sredstva soversheniya prestupleniya [Instruments and means of committing a crime]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1963, no. 7, pp. 32–33.

11. Antonova E. Yu. Otvetstvennost' yuridicheskikh lits v uголовnom prave: argumenty za i protiv [Responsibility of juridical person in criminal law: arguments pros and cons]. *Uголовное право*, 2009, no. 5, pp. 4–9.

12. Balzhinimaeva V.V. Yuridicheskoe litso kak sredstvo, sposob, orudie soversheniya prestupleniya [Legal entity as a means, a method, a instrument of committing a crime]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2022, no. 1, pp. 140–163. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.1.140.163>

13. Khlus A.S. Sredstva soversheniya prestuplenii kak element ikh kriminalisticheskoi struktury [Means of committing crimes as an element of their criminalistic structure]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2018, no. 1, pp. 24–33.

14. Minin R.V. Formirovanie perechnya prestuplenii, sovershaemykh yuridicheskimi litsami [Formation of a list of crimes committed by legal entities]. *Lex Russica*, 2016, no. 10, pp. 97–104. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.119.10.097-104>

15. Kuritsyna E. Yuridicheskoe litso kak orudie prestuplenii [Legal entity as a crime instrument]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2001, no. 2, pp. 42–43.

16. Sentence of the Ramenskoye City Court of the Moscow Region dated July 18, 2023. *Ramenskoye City Court of the Moscow Region: official website*. 2024. URL: https://ramenskoe--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=760884883&case_uid=caaac173-bd01-4ac6-b95e-7df559760467&delo_id=1540006&new=. (In Russ.).

17. Golovko L.V. Dezhavyu, ili ocherednaya portsiya dovodov v pol'zu ugovnoyi otvetstvennosti yuridicheskikh lits [Déjà vu: yet another argument for corporate criminal liability]. *Zakon*, 2017, no. 8, pp. 105–114.

18. Soloviev I.N., Moiseenko M.A., Povetkina N.A., Ilyin A. Yu., Mironenko T.V., Atayev D.A. Vyyavlenie nalogovykh prestuplenii: kompleksnoe issledovanie [Identification of tax crimes: a comprehensive study]. Moscow: Prospect Publ., 2017. 192 p.

19. Lyaskalo A.N. Kvalifikatsiya valyutnykh prestuplenii: voprosy razgranicheniya i sovokupnosti [Classification of foreign currency crimes: issues of differentiation and accumulation]. *Ugovnoe pravo*, 2017, no. 5, pp. 67–76.

Информация об авторах / Information about the authors

А.Ю. Попова – ассистент кафедры уголовного права Юридического института, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Российская Федерация),

✉ Adv.boytsova@mail.ru

A.Yu. Popova – Assistant, Department of Criminal Law, Law Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 27.09.2024;

одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;

принята к публикации / accepted 25.02.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 138–158.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 138–158.

Научная статья

УДК 341.01

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/138-158>

Соотношение норм *jus cogens* и *erga omnes*

**Лариса Владиславовна Вереина, Иван Игоревич Синякин,
Александра Юрьевна Скуратова**✉

МГИМО МИД России,

Москва, Российская Федерация

✉ a.skuratova@inno.mgimo.ru

Аннотация. Фундаментальной основой современного международного права являются нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes*, выступающие не только в качестве критериев и ориентиров правомерности всех элементов системы международного права, но и позволяющие развиваться данной системе исключительно в прогрессивном направлении. В то же время в международно-правовой доктрине отсутствует единое мнение относительно природы, источников и содержания обозначенных концепций. Ещё большую дискуссию вызывает проблема соотношения норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes*, чему и посвящена настоящая статья. Авторы исследуют концепции данных норм с позиции их сходства и различия, а также полной и частичной идентичности, анализируют механизмы их взаимодействия. В качестве дополнительного аспекта для выявления соотношения норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes* авторы обращаются к нормам, регламентирующим сотрудничество государств по борьбе с международными преступлениями. В своём исследовании авторы опираются на обширную международно-правовую доктрину, практику государств, универсальные международные договоры, документы Комиссии международного права и решения Международного Суда ООН.

Ключевые слова: нормы *jus cogens*, обязательства *erga omnes*, принципы международного права

Для цитирования: Вереина Л.В., Синякин И.И., Скуратова А.Ю. Соотношение норм *jus cogens* и *erga omnes* // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 138–158.

Original article

The relationship between *jus cogens* and *erga omnes* norms

Larisa V. Vereina, Ivan I. Sinyakin, Alexandra Yu. Skuratova✉

MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russian Federation,

✉ a.skuratova@inno.mgimo.ru

Abstract. The fundamental basis of modern international law are the norms of *jus cogens* and obligations *erga omnes*, which act not only as criteria and guidelines for the legality of all elements of the international legal system, but also allow this system to develop exclusively in a progressive direction. At the same time, there is no consensus in the international legal doctrine regarding the nature, sources and content of these concepts. Even more controversial is the problem of the relationship between the norms of *jus cogens* and obligations *erga omnes*, which is the subject of this article. The authors examine the concepts of these norms from the standpoint of their similarities and differences, as well as full and partial identity, and analyze the mechanisms of their interaction. As an additional aspect for identifying the relationship between the norms of *jus cogens* and obligations *erga omnes*, the authors turn to the norms regulating the cooperation of states in the fight against international crimes. In their study, the authors rely on extensive international legal doctrine, state practice, universal international treaties, documents of the International Law Commission and decisions of the International Court of Justice.

Keywords: *jus cogens* norms, *erga omnes* obligations, principles of international law

For citation: Vereina L.V., Sinyakin I.I., Skuratova A.Yu. The relationship between *jus cogens* and *erga omnes* norms. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 138–158. (In Russ.).

Введение

Одним из ключевых элементов в понимании сущности обязательств *erga omnes* являются императивные нормы общего международного права (*jus cogens*). Несмотря на то что к настоящему времени отсутствует единое мнение относительно сущности самих норм *jus cogens*, следует признать, что, будучи более детально обоснованными в доктрине и нормативно закреплёнными (ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. – далее Венская конвенция 1969 г.), они вносят значительный вклад в идентификацию обязательств *erga omnes* [1, р. 141]. При этом при составлении текста Венской конвенции 1969 г. было принято решение не включать в положения ст. 53 Конвенции конкретный перечень норм *jus cogens*¹

---

¹ В рамках голосования по ст. 53 Венской конвенции 1969 г. СССР сделал заявление о том, что императивные нормы включают в себя «прежде всего основные принципы современного международного права, а под ст. 53 подпадают все кабальные и другие подобные неравноправные

ввиду того, что наличие такого перечня могло бы повлечь за собой неправильное отношение к иным нормам международного права и вынудить КМП ООН приступить к работе, которая выходила бы за рамки предоставленного ей мандата.

Связь между нормами *jus cogens* и обязательствами *erga omnes* была признана в практике государств. В деле Нульяримма и др. против Томпсона Федеральный суд Австралии признал, что запрещение геноцида является императивной нормой международного обычного права, которая порождает не допускающее отступлений обязательство каждого государства перед всем международным сообществом, и отметил, что это обязательство существует независимо от Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. В своём мнении судья Уитлам, используя в основном такие же формулировки, как Суд, предметно обозначил характер *erga omnes* данного обязательства: «Запрещение геноцида является императивной нормой международного обычного права (*jus cogens*), которая порождает не допускающие отступлений обязательства *erga omnes* каждого государства перед международным сообществом в целом»¹. Аналогичным образом, в деле Кейн против Уинна Массачусетский окружной суд Соединённых Штатов определил, что запрещение применения пыток является обязательством *erga omnes*, которое, как нормы *jus cogens*, не допускает отступлений и является императивным².

Сходство норм *jus cogens* и *erga omnes*

В основе обязательств *erga omnes*, как и принципов *jus cogens*, лежит обеспечение и защита наиболее значимых, общих ценностей государств, самых важных интересов человечества и общепланетарного благополучия³, а также всеобщее признание, что данные ценности и интересы не находятся в индивидуальном распоряжении отдельных государств [2, р. 8]. В этой связи термин «обязательство *erga omnes*» является не обобщением совокупности двусторонних обязательств, а единым, интегральным, объединяющим государства обязательством, возложенным на всё международное сообщество в целом и, таким образом, на все составляющие его государства [3, р. 216]. В случае нарушения обязательства *erga omnes* все государства, даже

договоры, заключённые в нарушение принципа суверенного равенства государств».

¹ Nulyarimma and Others v. Thompson, Appeal Judgment of the Australian Federal Court of 1 September 1999, para. 18, 81.

² Kane v. Winn, Judgment of 27 May 2004 of the United States Court for the District of Massachusetts, 31 F. Suppl 2d 161 (D Mass), para. 93. R and Office of the United Nations High Commissioner for Refugees v. Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs and Secretary of State for Home Affairs, Appeal Judgment of 12 October 2006 of the High Court, [2006] ALL ER (D) 138, para. 102. См. также Jorgic case, J (a Bosnian Serb), Individual Complaint, Judgment of 12 December 2000 of the German Constitutional Court, 2 BvR 1290/99, ILDC 132 (DE 2000), para. 17.

³ The Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia), Judgement of 25 September 1997, Section C (Judge Weeramantry, Separate Opinion). Available at: <https://www.icj-cij.org/case/92>.

если они таким нарушением не затронуты, могут поставить вопрос о привлечении нарушителя к ответственности, потребовать прекращения противоправного деяния, возмещения за причинённый ущерб, а также обязаны не признавать сложившуюся в результате противоправных деяний ситуацию и должны правомерными способами содействовать прекращению нарушения, в том числе посредством применения контрмер. Указанные формулировки в Резолюции «Обязательства *erga omnes* в международном праве» (2005 г.) перекликаются со ст. 40 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, подготовленными Комиссией международного права (далее – КМП), в которых схожие юридические последствия предусмотрены в отношении совершения серьёзных обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права (т.е. принципов *jus cogens*).

Значимым общим признаком для норм *jus cogens* и *erga omnes* являются их субъекты. Согласно тексту Решения Международного суда ООН 1970 г.¹, речь идёт о обязательствах государств (хотя теоретически нет никаких препятствий говорить об обязательствах и других субъектов международного права – см. ниже), с одной стороны, в отношении международного сообщества в целом – с другой². Аналогичная терминология встречается и в принятой в 1969 г. Венской конвенции в отношении норм *jus cogens*³. При этом следует отметить, что в Решении Международного суда ООН отсутствует отсылка к соответствующим формулировкам Венской конвенции 1969 г. (как и ко всему договору), более того, в ст. 53 речь идёт о «международном сообществе государств», а не о «международном сообществе». Однако в отсутствие существенных различий данных понятий (с тем лишь исключением, что «международное сообщество государств» может быть частным случаем «международного сообщества») не будет ошибочным рассматривать их значение как тождественное.

Несмотря на то что ни Решение Международного суда, ни Венская конвенция 1969 г. не говорят о юридической природе данного термина, с позиции общей теории международного права само «международное сообщество» нельзя отнести к субъектам международного права. Можно предположить, что речь идёт о некой форме объединения государств, хотя при этом никакой институциональной основы, закреплённой международным договором или иным международным соглашением, у данного

¹ Barcelona Traction, Light & Power Co., Ltd. (Belgium v. Spain), Judgment. ICJ. 1970. – Report. 3, para. 33, 34. Available at: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/50/050-19700205-JUD-01-00-EN.pdf>.

² «In particular, an essential distinction should be drawn between the obligations of a State towards the international community as a whole...».

³ Ст. 53: «...императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признаётся международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер».

объединения нет. Иными словами, рассматриваемое понятие нельзя ассоциировать с международной межправительственной организацией. В то же время, согласно Венской конвенции 1969 г., международное сообщество государств наделяется правотворческой функцией, а консенсус составляющих это сообщество государств нужно рассматривать в качестве самостоятельной основы нормообразования [4, р. 910]. Кроме этого, высказывалось мнение, что в случае совершения международных преступлений субъектом, имеющим право на вмешательство (например, вторжение в государство-делинквент), являются не все государства, а именно международное сообщество [5, р. 373]. Альтернативная точка зрения заключается в том, что «международное сообщество государств» является правовой фикцией, скорее количественной, нежели качественной дефиницией [4, р. 910–911], что ошибочно могло быть воспринято как указание на особый вид субъекта международного права.

Обращает на себя внимание и употребление формулировки «в целом». Как известно, ни международно-правовая доктрина, ни практика не исходят из буквального толкования этих слов. Отмечается, что данный термин принято трактовать как «все или почти все государства мира», абсолютное большинство государств [6, р. 129]. По мнению КМП (применительно к ст. 53 Венской конвенции 1969 г.), хотя речь и идёт об «универсальности» значения, не предполагающей при этом участия именно всех субъектов международного права, имеется в виду очень крупное большинство государств при условии, что это большинство включает в себя наиболее значимые страны, которые географически равномерно расположены во всех регионах мира. К тому же международное сообщество рассматривается не как «совокупность индивидов», а именно как единый коллектив [4, р. 912].

Отсутствие чёткой дефиниции «международного сообщества» не исключает вероятности, что данное понятие, помимо государств, охватывает и международные межправительственные организации [6, р. 131]. Однако, как показала практика, это допустимо лишь в отношении применения императивных норм общего международного права, но исключается в случае нормообразования. Так, при составлении проекта ст. 53 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. КМП полностью заимствовала определение императивных норм общего международного права из Венской конвенции 1969 г., намеренно не добавляя к «международным сообществам государств» фразу «и международных организаций». Этот шаг был обусловлен исключительностью функции государств устанавливать или признавать императивные нормы (на тот период времени), отсутствием как практики международных организаций в создании обозначенных норм, так и необходимости в принятии и признании императивных норм со стороны международных организаций [7, р. 403–405].

Кроме того, поскольку «международное сообщество» не является сугубо юридическим понятием (и международно-правовым, в частности), в то время как в силу объекта и целей обязательств *erga omnes* в их соблюдении государствами заинтересовано всё международное сообщество, последнее может включать в себя и негосударственные субъекты. Например, физических лиц, их групп и юридических лиц, которые посредством обращения в соответствующие конвенционные органы обеспечивают защиту основополагающих прав человека от нарушений [8, р. 392–393; 1, р. 6–7]. Речь идёт не о возникновении у данной категории лиц международной правосубъектности или о способах реализации указанной защиты механизмами, иными, чем предусмотрены международными договорами, а о субъектах (чьи права, являясь объектом международных договоров и обычаев, непосредственно затрагиваются), заинтересованных в соблюдении государствами обязательств *erga omnes* и вследствие этого охватываемых понятием «международное сообщество». Следуя данному критерию, к рассматриваемому понятию можно отнести Святой престол, Мальтийский орден, непризнанные государства, народы и нации, борющиеся за самоопределение [9, р. 52–71]¹.

В целом, можно констатировать, что понятие «международное сообщество» используется в рассмотренных документах не для идентификации конкретного субъекта международного права или их группы. Основная задача этого термина – подчеркнуть особую значимость объекта, на защиту или обеспечение которого направлены нормы *jus cogens* и *erga omnes*, обосновать исключительную важность их соблюдения в отношении кого бы то ни было. Иными словами, понятие «международное сообщество» прямо указывает на отсутствие какого-либо субъекта, который отказался бы от соблюдения норм *jus cogens* и *erga omnes* (в том числе и в отношении себя) или признал бы их несущественными.

Общим признаком принципов *jus cogens* и обязательств *erga omnes* являются и их источники. Так, рассматриваемые обязательства могут формироваться как в результате заключения универсального международного договора, положения которого признаются международным сообществом в целом в качестве порождающих обязательства между всеми, так и вследствие практики государств как обычные, что в конечном итоге приводит их к становлению в качестве норм общего международного права [10, с. 280]. Аналогичным для рассматриваемых норм является и возможность изменения обязательств *erga omnes*: это не может иметь место исключительно в одностороннем или двустороннем порядке [11, р. 241], но, принимая во внимание объект и цели данных обязательств, их изменение возможно только с коллективного

¹ В преамбуле Резолюции «Обязательства *erga omnes* в международном праве» докладчиком Г. Гайа было отмечено, что некоторые обязательства *erga omnes* существуют по отношению к субъектам международного права иным, чем государства. См.: *Obligations Erga Omnes In International Law*. Available at: http://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/2005_kra_01_en.pdf.

согласия всего международного сообщества посредством нормы, носящей такой же характер.

На практике встречаются попытки обоснования единства норм *jus cogens* и *erga omnes*. В частности, существует мнение, что, принимая Решение по делу 1970 г., Международный суд ООН руководствовался теми же юридическими конструкциями, что были использованы в процессе работы над ст. 53 Венской конвенции 1969 г. Одним из подтверждений этому является употребление формулировки «международное сообщество в целом» [12, р. 8]. В решениях по делу о Восточном Тиморе и Консультативном заключении о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории 2004 г. Международный суд ООН установил, что право народов на самоопределение и нормы международного гуманитарного права являются нормами *erga omnes*¹, а при определении обязанностей других государств в случае нарушения данных обязательств Суд сделал отсылку к ст. 41 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, предусматривавшую запрет признавать правомерным положение, сложившееся в результате серьёзного нарушения, и не оказывать помощь или содействие в сохранении такого положения.

Различие норм *jus cogens* и *erga omnes*

Однако приведённое сходство исследуемых норм не следует считать абсолютным. И в доктрине, и в международной практике имеются примеры попыток развести категории *jus cogens* и *erga omnes*, прежде всего, с позиции содержания, универсальности охвата регламентируемых отношений и правовых последствий. Предваряя весьма обширную и обоснованную аргументацию по данному вопросу, следует отметить безусловную оправданность подобной точки зрения как минимум тем, что обратное предполагало бы существование одной категории норм, имеющей при этом два разных названия.

В качестве аргумента исследователи обращаются к Решению Международного суда ООН 1970 г. (вынесенного через год после принятия Венской конвенции 1969 г.), в котором акцент делался именно на обязательствах в отношении международного сообщества в целом (без ссылки на ст. 53), отличая их, таким образом, от всех остальных норм общего международного права, включая императивные [13, р. 415–416]. Другим обоснованием является указание на то, что в своём Решении Международный суд ООН не даёт разъяснений, являются ли обязательства *erga omnes* императивными, а только указывает на то, что все государства имеют юридический интерес в их применении.

---

¹ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН (2003–2007). Нью-Йорк, 2010. Available at: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add3.pdf.

Также высказывается мнение, что обязательства *erga omnes* не только направлены на защиту абсолютных, «высших» ценностей международного сообщества (как нормы *jus cogens*), но и способны посредством коллективных действий государств обеспечить охрану тех внутригосударственных интересов, которые не могут быть защищены иными способами (обеспечение прав граждан, охрана окружающей среды в пределах страны; охрана интересов за пределами национальных юрисдикций, например крупное загрязнение открытого моря, и т.д.). Последнее обстоятельство является, в частности, аргументом, с одной стороны, для признания за обязательствами *erga omnes* характера норм, отклонения от которых недопустимы, с другой стороны, в силу защиты вышеуказанных внутригосударственных специфических интересов, а также принимаемых в этой связи мер, существует вероятность того, что в некоторых случаях обязательства *erga omnes* могут такое отклонение допускать [13, р. 417]¹. Это также обосновывает иерархическое различие норм *jus cogens* и *erga omnes*: юридическая обязательность неукоснительного соблюдения ставит первые выше вторых [5, р. 364]. Действие императивной нормы, не допускающей никаких отклонений от неё, кроме как посредством сопоставимой нормы, предполагает ничтожность противоречащих ей договоров (о чём вопрос, согласно Венской конвенции 1969 г., может поставить лишь государство-участник) [13, р. 414–415]², в то время как правовые последствия обязательств *erga omnes*, допускающих отклонение, предполагают особый механизм привлечения к международной ответственности (в частности, данный вопрос вправе поставить уже любое государство) [14, р. 281; 1, р. 152–153]. Различие норм *jus cogens* и *erga omnes*, согласно вышеуказанным критериям в доктрине и практике КМП, принято обосновывать их различным назначением: статус императивной нормы общего международного права обеспечивает высшую (в том числе и с позиции иерархии) юридическую силу фундаментальных норм; обязательства по отношению ко всему международному сообществу в целом предназначены, в первую очередь, для привлечения к международной ответственности любое государство, допустившее нарушение, со стороны любого другого государства (иными словами, *jus cogens* сфокусированы на нормативном «весе» соответствующих прав и обязанностей, *erga omnes* – на процедурных аспектах) [5, р. 369; 15, р. 208; 8, р. 392; 16, р. 9].

¹ Это касается и права государств делать оговорки к международным договорам, содержащим обязательства *erga omnes*.

² Следует, правда, заметить, что в зависимости от императивной нормы общего международного права и её нарушения вопрос о привлечении к ответственности может представлять интерес не только для государств-участников, однако П. Пиконе, вероятно, рассматривает нормы *jus cogens* как специальный термин для целей и в рамках исключительно Венской конвенции 1969 г.

Наконец, весьма распространённым в доктрине международного права является тезис о том, что норма *jus cogens* в силу своего значения всегда имеет характер *erga omnes*, однако не каждое обязательство *erga omnes* является императивной нормой общего международного права [14, р. 281; 17, р. 81; 18, р. 54–58; 19, р. 153; 20, р. 54; 21, р. 194–199; 22, р. 1137; 23, р. 1156; 2, р. 6]. Данное утверждение в конечном счёте и поднимает вопрос соотношения концепций норм *jus cogens* и *erga omnes*.

Соотношение норм *jus cogens* и *erga omnes*

Существующие в доктрине модели соотношения рассматриваемых концепций можно распределить по следующим группам: 1) полное совпадение, идентичность норм *jus cogens* и *erga omnes* [24, р. 72; 25, р. 1063; 13, р. 417; 1, р. 146]; 2) частичная идентичность норм [26; 14, р. 281; 1, р. 146]; 3) простое совпадение некоторых норм [27, pp. 364, 405–406].

Идея абсолютного совпадения норм двух концепций слишком категорична, что с учётом как абстрактности самих понятий *jus cogens* и *erga omnes*, так и отсутствия прямого указания на их идентичность представляется в рамках юридической науки а priori недоказуемой и маловероятной. Тем не менее в доктрине встречается мнение, согласно которому обязательства *erga omnes* рассматриваются в качестве содержания (части содержания) норм *jus cogens* [28, р. 6]. На этом основании делается несколько выводов: невозможность заключения международных договоров, противоречащих нормам *erga omnes*; нарушение таких обязательств возможны с согласия всего межгосударственного сообщества (и каждого из его членов); заключение договора, противоречащего нормам *erga omnes*, в отсутствие согласия всего межгосударственного сообщества, в случае непризнания его ничтожным, неизбежно нарушает императивность этих норм; если норма содержит обязательства *erga omnes*, то она должна быть императивной [28, р. 7].

Основной ошибкой подобных утверждений является принятие в качестве аксиоматического условия того, что необходимо доказать: идентичность норм *jus cogens* и *erga omnes*. Как уже отмечалось ранее, в разработке нового наименования концепции, содержание которой являлось общеизвестным, не было никакой необходимости. Тот факт, что при формулировании соответствующего параграфа в Решении Международного суда ООН 1970 г. судьями делались отсылки к наработкам, использованным при составлении ст. 53 Венской конвенции 1969 г., вовсе не означает, что основная цель таких отсылок сводилась к полному заимствованию концепции *jus cogens*, а не отдельных её элементов, общих для норм *jus cogens* и *erga omnes*.

Помимо различий, о которых говорилось выше, также приводились примеры международных договоров, устанавливающих «объективные режимы». Заключение договоров, противоречащих указанным, приведёт скорее к возникновению про-

блемы в применении последовательно заключённых договоров, относящихся к одному и то-му же вопросу (ст. 30 Венской конвенции 1969 г.), т.е. к определению приоритета применения норм двух международных договоров, нежели недействительности одного из них [14, р. 271; 1, р. 152–153]. Что касается согласия всего межгосударственного сообщества (и каждого из его членов), то данный элемент не только не присутствует в Решении Международного суда ООН 1970 г. (в нём говорится об обязательствах по отношению к международному сообществу в целом, которые в силу своего характера касаются всех государств), но и является своего рода фикцией, фактическая реализация которой невозможна на практике даже в отношении норм *jus cogens*. Ранее приведённые международные договоры, устанавливающие «объективные режимы», в своём большинстве были заключены без фактического участия всех членов международного сообщества и каждого из его членов, но при этом в их общих интересах.

Слишком категорично звучит и тезис об обязательной императивности нормы *erga omnes*. В силу своего предназначения в деле обеспечения и защиты основных ценностей международного сообщества такие нормы могут допускать отклонение [13, р. 417]. Кроме того, не все нормы *erga omnes* имеют характер норм *jus cogens*: так, например, ряд обязательств по правам человека, закреплённых в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., являются нормами *erga omnes*, составляя неотъемлемую часть общего международного права, но не нормами *jus cogens* [20, р. 54; 16, р. 9]. Наконец, в международном праве не существует препятствий для возникновения диспозитивных норм *erga omnes*¹. Основной проблемой в данном случае, как указывалось ранее, является определение значимости нормы для достижения статуса *erga omnes*. В отсутствие чёткого критерия предлагается рассматривать диспозитивные нормы с точки зрения их признания и закрепления в Уставе ООН, практике органов ООН, других международных договорах (преимущественно универсальных), общем международном праве, в решениях Международного суда ООН [1, р. 153]. Данный подход не следует считать наилучшим способом идентификации нормы *erga omnes*, однако в случае соответствия указанным требованиям вероятность признания за нормой характера *erga omnes* значительно выше. Другим способом определения значимости исследуемых норм является и такой косвенный признак, как реакция государств на их нарушение, хотя при этом отмечается спорность самой идеи, что реакция государств – это условие для статуса *erga omnes*, а не следствие нарушения нормы, уже носящей такой характер. В пользу

---

¹ Yearbook of International Law Commission. 1998. Vol. II/2 69. Available at: http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1973_v1.pdf.

данного критерия КМП ссылается на тот факт, что реакция на международные преступления (в форме принудительных мер и передачи жалоб в международные судебные органы) существенно отличается от реакции на обычные нарушения международного права. Поскольку оба способа так или иначе отражают отдельные аспекты норм *erga omnes*, только широкая практика применения сможет подтвердить их обоснованность [1, р. 154–157]. Таким образом, обязательная императивность нормы *erga omnes* не подтверждается ни теорией, ни практикой международного права, в связи с чем корректнее утверждение, что норма *erga omnes* не «должна», а «может быть» императивной.

Ещё одним тезисом, опровергающим идентичность норм *jus cogens* и *erga omnes*, является концепция первичных и вторичных норм, согласно которой нормы *jus cogens* являются материальным правом, а *erga omnes* закрепляют ответственность за их исполнение (например, нормы международного гуманитарного права, установленные Женевскими конвенциями о защите жертв войны 1949 г., – нормы *jus cogens*, а обязательства при любых обстоятельствах соблюдать конвенции и устанавливать ответственность за их нарушение – нормы *erga omnes*) [29, р. 73].

Наконец, сам факт постановки вопроса об идентичности норм *jus cogens* и *erga omnes* и широкая поддержка данного подхода со стороны юристов-международников объясняются непониманием существа концепций этих норм вследствие их недостаточной разработанности в доктрине и документах КМП. Более того, идея полной идентичности, основанная на тезисе, что нормы *jus cogens* и *erga omnes* регламентируют одни и те же вопросы, в силу указанных различий бессмысленна, а потому не получила поддержку в КМП при подготовке финального текста Проекта статей об ответственности государств [13, р. 417].

Идеи частичной идентичности и простого совпадения некоторых норм *jus cogens* и *erga omnes* не следует рассматривать в отдельности, поскольку аргументация их выделения схожа. Единственное различие данных подходов может быть показано на вариантах совмещения двух условных кругов, каждый из которых обозначает самостоятельную совокупность соответственно норм *jus cogens* и *erga omnes*: 1) простое пересечение кругов, означающее, что только некоторые нормы *jus cogens* имеют характер *erga omnes* или наоборот; 2) нахождение одного круга внутри другого, т.е. все нормы *jus cogens* являются нормами *erga omnes* или наоборот. Первый вариант исключается в силу существа и значимости норм *jus cogens* как императивных норм общего международного права для всего международного сообщества государств: как уже отмечалось выше, все нормы *jus cogens* являются нормами *erga omnes*. В свою очередь, из совокупности приведённых выше многочисленных примеров обязательств *erga omnes* значительное число норм не относится к категории *jus cogens*. Это приводит к выводу о том, что нормы *jus cogens* представляют собой частный пример норм *erga omnes*, а соотношение концепций должно выглядеть следующим

образом: круг, обозначающий совокупность норм *erga omnes*, включает в себя круг, олицетворяющий нормы *jus cogens*. Подобная модель нашла поддержку как в доктрине, так и в практике КМП [22, р. 1137; 30, р. 24].

Следует заметить, что данная модель дополняется группой норм, регламентирующих сотрудничество субъектов международного права по борьбе с международными преступлениями. Выделение этой группы норм необходимо для более полного понимания соотношения категорий *jus cogens* и *erga omnes* с позиции наиболее наглядных и очевидных примеров: последствий серьёзных нарушений рассматриваемых норм. Существование связи категории международных преступлений как с обязательствами *erga omnes*, так и с нормами *jus cogens* объективно. Отмечалось, в частности: «даже невооружённым взглядом видно, что “международные преступления государств”, нормы *jus cogens* и обязательств *erga omnes* имеют массу точек соприкосновения, так как проистекают из базовых положений Устава ООН, и призваны противодействовать наиболее грубым нарушениям международного права. Например, право народов на самоопределение является императивным принципом международного права, а его защита является обязательством *erga omnes*. Аналогично обстоит ситуация и с преступлениями геноцида» [31, р. 1176]. Вместе с тем не каждое нарушение норм *jus cogens* может квалифицироваться как международное преступление [23, р. 1155–1156]. Это особенно наглядно проявляется в случае примера с таким принципом международного права, как обязанность государств сотрудничать друг с другом «в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера» (п. 3 ст. 1 Устава ООН). Очевидно, что его нарушение не может рассматриваться как международное преступление и не сопоставимо по своей тяжести с нарушением государствами обязательства п. 4 ст. 2 Устава ООН воздерживаться от угрозы силой или её применения. Сама КМП неоднократно указывала на то, что нарушение императивных норм международного права и международное преступление не являются тождественными категориями – «категория международных обязательств, в отношении которых не допускается никаких отступлений, значительно шире, чем категория обязательств, нарушение которых обязательно является международным преступлением» [32, р. 46].

Связь рассматриваемых категорий нашла отражение в ряде документов. Так, в Римском статуте Международного уголовного суда в качестве синонимичных использованы термины «международные преступления» и «преступления, вызывающие серьёзную озабоченность всего международного сообщества»; отмечено, что «тягчайшие преступления угрожают всеобщему миру, безопасности». Такое указание на «всё международное сообщество» и «всеобщий мир и безопасность» предполагают, что совершение преступления (например, агрессии) будет затрагивать не только государство, в отношении которого было совершено преступление, но и всё сообщество государств, весь международный правопорядок в целом. Прямая связь

трёх категорий также отмечена в контексте преступления геноцида: существуют «определённые международные обязательства государств, являющиеся обязательствами *erga omnes*; нарушение какого-либо из этих обязательств, например осуществление геноцида, составляет международное преступление»¹; нарушения прав человека: «нормы и принципы, касающиеся защиты прав человека, не только имеют характер *erga omnes*, но даже и *jus cogens* ... их нарушения систематически квалифицируются как международные преступления» [31, р. 1177]. Кроме того, сам факт учреждения постоянно действующего Международного уголовного суда с юрисдикцией в отношении данных преступлений является убедительным подтверждением, что нормы международного права, касающиеся геноцида, преступлений против человечности и др., составляют часть норм *jus cogens*, а борьба с ними – обязательства *erga omnes* [24, р. 63, 74].

В 1976 г. КМП в ходе работы над текстом статей об ответственности государств сформулировала в ст. 19 определение международного преступления, которое было внесено в проект: «*Международно-противоправное деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом, составляет международное преступление*». И здесь формулировка «международное сообщество в целом»² увязывает международное преступление с нарушениями обязательств *erga omnes*. В то же время формулировка «обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества» демонстрирует и параллельную связь международного преступления с нормами *jus cogens*, нарушение и отклонение от которых недопустимо. Несмотря на то что в ходе дальнейшей работы КМП отказалась от термина «международное преступление», новый термин, выбранный КМП, ещё более прочно стал связан с нормами *jus cogens*: «*серьёзные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права*» [13, pp. 417–418; 23, р. 1156], подчёркивая тем самым, что только такие деяния (а не любые нарушения этих обязательств) могут быть квалифицированы как международные преступления [13, р. 424; 1, р. 150, 155].

В связи с изложенным членом Международного суда ООН Г. Гайа был предложен следующий метод сопоставления трёх рассматриваемых категорий (так называемая

¹ Yearbook of International Law Commission. 1973. Vol. 1. Available at: http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1973_v1.pdf

² В последующих материалах КМП было отмечено, что «слова “в целом” указывают на принятие и признание рассматриваемой нормы в качестве не допускающей отклонений, требуется от государств не в индивидуальном порядке, а в коллективном». Док. ООН: A/CN.4/706, п. 67. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/068/55/PDF/N1706855.pdf?OpenElement>.

«концепция трёх кругов»), согласно которому обязательства *erga omnes* представляют самый широкий условный круг. Внутри него находится более узкий круг – нормы *jus cogens*. Наконец, третий, наиболее узкий круг составляют нормы, регламентирующие сотрудничество государств по борьбе с международными преступлениями [31, р. 1179; 1, р. 150–151]. Таким образом, любое международное преступление будет одновременно являться и нарушением обязательств *erga omnes*, и нарушением норм *jus cogens*. Но первые две категории гораздо шире – не каждое их нарушение будет международным преступлением. При этом необходимо учитывать, что указанное соотношение норм не влияет на их юридическую силу: нормы *jus cogens* иерархически всегда находятся выше остальных норм *erga omnes*, определяют их существо и способ реализации, не допуская малейшего отклонения или противоречия.

Заключение

Как отмечается в доктрине, нормы *jus cogens*, являясь «новой возможностью по-пробовать преодолеть государственный иммунитет», «доминируя над волями суверенных государств», имеют явственную направленность на постепенное формирование наднационального уровня координации и контроля в международных отношениях [33, р. 78]. По сути, именно нормы *jus cogens*, выступая в качестве высшего критерия идентификации правомерности, являются основным и единственным «фильтром для отбора» таких значимых ценностей международного сообщества, защита и обеспечение которых в конечном счёте становится обязательством *erga omnes*. При этом, помимо констатации связи норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes*, важно выявление точного характера этой связи. Дело Барселона трэкшн, как представляется, содержит некоторые подсказки относительно существенных элементов связи двух рассматриваемых юридических категорий: Суд отмечает, что «обязательства вытекают... из» запрещений, образующих *jus cogens*¹.

В научной литературе признано, что хотя все нормы *jus cogens* имеют последствия *erga omnes*, но не все обязательства *erga omnes* представляют собой нормы *jus cogens*: обязательства *erga omnes* отличаются от *jus cogens* в том, что они могут допускать отступления в некоторых ситуациях, хотя все нормы *jus cogens* являются обязательствами *erga omnes* [34, р. 353]. Однако есть и точка зрения, оспаривающая утверждение, что нормы *jus cogens* имеют действие *erga omnes* [35, р. 384–385].

С. Вийялпандо создаёт хороший образ для описания связи между этими двумя понятиями: «классическим способом образного описания связи между обязательствами *erga omnes* и нормами *jus cogens*... служат два концентрических круга: категория норм, налагающих обязательства *erga omnes*, соответствовала бы кругу

---

¹ Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, Judgment, I.C.J. Reports 1970, para. 34.

большого радиуса, который содержит все императивные нормы, но не ограничивается только ими» [36, р. 107]. Такое понимание поднимает вопрос о том, существуют ли какие-либо обязательства *erga omnes*, которые не вытекают из норм *jus cogens*. Разумеется, договорные положения, не вытекающие из императивных норм общего международного права, могут создавать обязательства, возлагаемые на всех участников договоров, – так называемые *erga omnes inter partes*. Однако они не являются нормами *erga omnes*, поскольку создают обязательства, возлагаемые не на все государства, а только на государства-участников [37, р. 430].

Таким образом, эти два понятия не тождественны – одно происходит, или вытекает, из другого. А. Пелле обозначает эту суть следующим образом: «основополагающие нормы международного правопорядка, в частности нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes*, – в отсутствие общепризнанного понимания, являются ли они одной концепцией или различными – на мой взгляд, являются двумя отдельными категориями: императивный характер нормы касается скорее сути самого содержания нормы, а *erga omnes* делает больший акцент на адресатах этих обязательств [38, р. 418]. Таким образом, для А. Пелле нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes* являются разными понятиями, но взаимосвязанными и взаимообусловленными. Схожую позицию занимал М. Бассиони, отмечая, что термин *jus cogens* «относится к правовому статусу» тех или иных норм, тогда как термин «*obligatio erga omnes* касается правовых последствий, возникающих из... квалификации *jus cogens*» [24, р. 63].

Характер *erga omnes*, присущий нормам *jus cogens*, не создаёт обязательств для третьих государств – как их создаёт ст. 41 Статей об ответственности государств. Тем не менее характер *erga omnes*, свойственный *jus cogens*, объясняет интерес третьих государств к противоправному деянию, совершённом одним государством против другого. Правовые последствия обязательств для третьих государств установлены практикой и судебными решениями международных судов и трибуналов.

Вышеизложенное может быть резюмировано следующим образом: императивные нормы общего международного права (*jus cogens*) устанавливают обязательства *erga omnes*, нарушение которых касается всех государств.

Список источников

1. Tams C.J. Enforcing obligations *erga omnes* in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 359 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511494116>
2. Zemanek K. New trends in the enforcement of *erga omnes* obligations // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2000. № 4. P. 1–52.
3. Christianti D.W. The “modern” concept of *erga omnes* to establish the obligation of impunity eradication: towards the primacy jurisdiction of the International criminal court // *Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum*. 2018. № 5 (2). P. 211–230. DOI: <https://doi.org/10.22304/pjih.v5n2.a1>

4. Schmalenbach K. Treaties conflicting with a peremptory norm of general International law. In: O. Dörr and K. Schmalenbach (eds) // *Vienna Convention on the Law of Treaties*. 2012. Art. 53. P. 897–942. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-19291-3>.
5. Christianti D.W. Why we need *erga omnes* character for obligations to combat impunity for International crimes? // *Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum*. 2017. No. 4 (2). P. 362–378. DOI: <https://doi.org/10.22304/pjih.v4n2.a8>
6. Рабцевич О.И. Категория «международное сообщество» и «международное право» // *Современное право*. 2016. № 9. С. 126–135.
7. Талалаев А.Н. *Право международных договоров*. Т. 2: Действие и применение договоров / отв. ред. Л.Н. Шестаков. М.: Зерцало, 2011. 504 с.
8. Strong S.I. General principles of procedural law and procedural *jus cogens* // *Penn State Law Review*. 2018. No. 122 (2). P. 347–409. <https://ssrn.com/abstract=3011947>.
9. Schmalenbach K. International agreements not within the scope of the present Convention // *Vienna Convention on the Law of Treaties*. 2012. Art. 3. P. 49–79. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-19291-3>.
10. Лукашук И.И. *Современное право международных договоров*: в 2 т. Т. 1: Заключение международных договоров. М.: ВолтерсКлувер, 2004. 672 с.
11. Salerno F. Treaties establishing objective regimes // *The law of treaties beyond the Vienna convention* / ed. by E. Cannizzaro. [S. l.], 2011. P. 226–244. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199588916.003.0014>.
12. Verhoeven S., Wouters, J. The prohibition of genocide as a norm of *ius cogens* and its implications for the enforcement of the law of genocide. [S. l.]: Institute for International Law Publ., 2005. P. 11–16.
13. Picone P. The distinction between *jus cogens* and obligations *erga omnes* // *The law of treaties beyond the Vienna convention* / ed. by E. Cannizzaro. [S. l.], 2011. P. 411–424. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199588916.003.0024>.
14. Gaja G. *Jus cogens* beyond the Vienna convention // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. 1981. No. 172. P. 271–316.
15. Hojatzadeh A.R., Sartipi H. The innovation in concept of the *erga-omnes*isation of International law // *International Journal of Humanities & Social Science Studies*. 2015. No. 2 (2). P. 189–228. URL: <https://oaji.net/articles/2015/1115-1443861890.pdf>.
16. De Wet E. Invoking obligations *erga omnes* in the twenty-first century: progressive developments since Barcelona Traction // *South African Yearbook of International Law*. 2013. No. 38. P. 1–19. URL: <https://ssrn.com/abstract=2629560>.
17. Gülgeç Y.B. The problem of *jus cogens* from a theoretical perspective // *Ankara Üni. Hukuk Fak. Dergisi*. 2017. No. 66 (1). P. 73–115. DOI: https://doi.org/10.1501/Huk-fak_0000001888
18. Ключня А.Ю. Соотношение императивных норм международного права и обязательств *erga omnes* // *Евразийский юридический журнал*. 2015. № 3. С. 54–58.

19. Леонов А.С., Споршев А.М. Противодействие международному терроризму как обязательство *erga omnes* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Право. 2018. № 2. С. 151–161.
20. Mik C. *Jus cogens in contemporary International law* // Polish Yearbook of International Law. [S. l.], 2013. P. 27–93. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2473061>
21. Ragazzi M. *The concept of international obligations erga omnes*. Oxford: Clarendon Press Publ., 1997. 264 p.
22. Sicilianos L.-A. *The classification of obligations and the multilateral dimension of the relations of international responsibility* // European Journal of International Law. 2008. No. 13. P. 1127–1145. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/13.5.1127>
23. Wyler E. *From “state crime” to responsibility for “serious breaches of obligations under peremptory norms of general international law”* // European Journal of International Law. 2002. No. 13(5). P. 1147–1160. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/13.5.1147>
24. Bassiouni M.C. *International crimes: jus cogens and obligatio erga omnes* // Law and Contemporary Problems. 1996. No. 59 (4). P. 63–74. DOI: <https://doi.org/10.2307/1192190>
25. Dupuy P.-M. *Back to the future of a multilateral dimension of the law of state responsibility for breaches of “obligations owed to the international community as a whole”* // European Journal of International Law. 2012. No. 23. P. 1059–1069. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chs078>
26. Biermann F. *“Common concern of humankind”: the emergence of a new concept in international environmental law* // Archiv des Völkerrechts. 1996. No. 34 (4). P. 426–481.
27. Frowein J.A. *Reactions by not directly affected states to breaches of Public international law* // Recueil des Cours. 1994. Vol. 248 (IV). P. 345–438.
28. Черниченко С.В. Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes* // Московский журнал международного права. 2012. № 3. С. 3–17.
29. Muhammadin F.M. *Humanitarian intervention and the jus cogens argument: a critical observation* // Padjadjaran Journal of Law. 2018. No. 5 (1). P. 70–88. DOI: <https://doi.org/10.22304/pjih.v5n1.a4>
30. Tomuschat C. *The security council and jus cogens* // The present and future of jus cogens / ed. by E. Cannizzaro. Roma: Sapienza Università Editrice, 2015. P. 7–97.
31. Сазонова К.Л. К вопросу о соотношении международных преступлений государства, норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes* // Право и политика. 2013. № 9. С. 1175–1181.
32. Скуратова А.Ю. *Международные преступления: современные проблемы квалификации*. М.: Норма, 2012. 60 с.

33. Сазонова К.Л. Обязательства erga omnes и нормы jus cogens в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. 2014. № 11. С. 72–79.
34. Martin F. Delineating a hierarchical outline of international law sources and norms // Saskatchewan Law Review. 2002. No. 65. P. 333–368.
35. Criddle E.J., Fox-Decent E. A fiduciary duty of jus cogens // Yale Journal of International Law. 2009. No. 34. P. 331–388.
36. Villalpando S. L'émergence de la communauté internationale dans de la responsabilité des États. Paris: Graduate Institute Publications, 2005. 466 p. DOI: 10.4000/books.iheid.1154
37. Tomuschat C., Thouvenin J.-M. The fundamental rules of the international legal order. Leiden; Boston: Martin Nijhoff. 2006. 471 p.
38. Pellet A. Conclusions // The fundamental rules of the international legal order / ed. by Ch. Tomuschat, J.-M. Thouvenin. [S. l.], 2006. P. 417–424.

References

1. Tams C.J. Enforcing obligations erga omnes in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 359 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511494116>
2. Zemanek K. New trends in the enforcement of erga omnes obligations. *Max Planck Yearbook of United Nations Law*, 2000, no. 4, pp. 1–52.
3. Christianti D.W. The “modern” concept of erga omnes to establish the obligation of impunity eradication: towards the primacy jurisdiction of the International criminal court. *Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum*, 2018, no. 5 (2), pp. 211–230. DOI: <https://doi.org/10.22304/pjih.v5n2.a1>
4. Schmalenbach K. Treaties conflicting with a peremptory norm of general International law. In: O. Dörr and K. Schmalenbach (eds.). *Vienna Convention on the Law of Treaties*, 2012, article 53, pp. 897–942. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-19291-3>
5. Christianti D.W. Why we need erga omnes character for obligations to combat impunity for International crimes? *Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum*, 2017, no. 4(2), pp. 362–378. DOI: <https://doi.org/10.22304/pjih.v4n2.a8>
6. Rabcevic O.I. Kategoriya «mezhdunarodnoe soobshchestvo» i «mezhdunarodnoe pravo» [Concepts of “international community” and “international law”]. *Sovremennoe pravo*, 2016, no. 9, pp. 126–135.
7. Talalaev A.N. Pravo mezhdunarodnyh dogovorov. T. 2.: Deystvie i primeneniye dogovorov. Dogovory s uchastiem mezhdunarodnyh organizacij. In: L.N. Shestakov (ed.). [Law of treaties. Book 2: Operation and application of treaties. Treaties involving International organizations]. Moscow: Zercalo Publ., 2011. 504 p.

8. Strong S.I. General principles of procedural law and procedural jus cogens. *Penn State Law Review*, 2018, no. 122 (2), pp. 347–409. URL: <https://ssrn.com/abstract=3011947>.
9. Schmalenbach K. International agreements not within the scope of the present Convention. In: O. Dörr, K. Schmalenbach (eds). *Vienna Convention on the Law of Treaties*, 2012, article 3, pp. 49–79. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-19291-3>
10. Lukashuk I.I. *Sovremennoe pravo mezhdunarodnyh dogovorov* [Modern law of treaties]. Moscow: WoltersKluwer Publ., 2004. 672 p.
11. Salerno F. Treaties establishing objective regimes. In: E. Cannizzaro (ed.). *The law of treaties beyond the Vienna convention*. [S. l.], 2011. P. 226–244. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199588916.003.0014>
12. Verhoeven S., Wouters, J. The prohibition of genocide as a norm of ius cogens and its implications for the enforcement of the law of genocide. [S. l.]: Institute for International Law Publ., 2005. P. 11–16. DOI: <https://doi.org/10.1163/1571812054940049>
13. Picone P. The distinction between jus cogens and obligations erga omnes. In: E. Cannizzaro (ed.). *The law of treaties beyond the Vienna convention*. [S. l.], 2011. P. 411–424. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199588916.003.0024>.
14. Gaja G. Jus cogens beyond the Vienna convention. *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, 1981, no. 172, pp. 271–316.
15. Hojatzadeh A.R., Sartipi H. The innovation in concept of the erga-omnesisation of International law. *International Journal of Humanities & Social Science Studies*, 2015, no. 2 (2), p. 189–228. <https://oaji.net/articles/2015/1115-1443861890.pdf>
16. De Wet E. Invoking obligations erga omnes in the twenty-first century: progressive developments since Barcelona Traction. *South African Yearbook of International Law*, 2013, no. 38, pp. 1–19. URL: <https://ssrn.com/abstract=2629560>.
17. Gülgeç Y.B. The problem of jus cogens from a theoretical perspective. *Ankara Üni. Hukuk Fak. Dergisi*, 2017, no. 66 (1), pp. 73–115. DOI: https://doi.org/10.1501/Huk-fak_0000001888
18. Klyunya A. Yu. Sootnoshenie imperativnyh norm mezhdunarodnogo prava i obyazatel'stv erga omnes [Correspondence of peremptory rules of international law and obligations erga omnes]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, 2015, no. 3, pp. 54–58.
19. Leonov A.S., Sporshev A.M. Protivodejstvie mezhdunarodnomu terrorizmu kak obyazatel'stvo erga omnes [Counterterrorism as obligation erga omnes]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Pravo*, 2018, no. 2, pp. 151–161. http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2018_-_2_unicode/18.pdf.
20. Mik C. Jus cogens in contemporary International law. *Polish Yearbook of International Law*, 2013, pp. 27–93. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2473061>
21. Ragazzi M. *The concept of international obligations erga omnes*. Oxford: Clarendon Press Publ., 1997. 264 p.

22. Sicilianos L.-A. The classification of obligations and the multilateral dimension of the relations of international responsibility. *European Journal of International Law*, 2008, no. 13, pp. 1127–1145. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/13.5.1127>
23. Wyler E. From “state crime” to responsibility for “serious breaches of obligations under peremptory norms of general international law”. *European Journal of International Law*, 2002, no. 13 (5), pp. 1147–1160. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/13.5.1147>
24. Bassiouni M.C. International crimes: jus cogens and obligatio erga omnes. *Law and Contemporary Problems*, 1996, no. 59 (4), pp. 63–74. DOI: <https://doi.org/10.2307/1192190>
25. Dupuy P.-M. Back to the future of a multilateral dimension of the law of state responsibility for breaches of “obligations owed to the international community as a whole”. *European Journal of International Law*, 2012, no. 23, pp. 1059–1069. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chs078>
26. Biermann F. “Common concern of humankind”: the emergence of a new concept in international environmental law. *Archiv des Völkerrechts*, 1996, no. 34 (4), pp. 426–481.
27. Frowein J.A. Reactions by not directly affected states to breaches of Public international law. *Recueil des Cours*, 1994, vol. 248 (IV), pp. 345–438.
28. Chernichenko S.V. Vzaimosvyaz' imperativnyh norm mezhdunarodnogo prava (jus cogens) i obyazatel'stv erga omnes [Interconnection of peremptory norms of international law (jus cogens) and obligations erga omnes]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2012, no. 3, pp. 3–17. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-3-3-17>
29. Muhammadin F.M. Humanitarian intervention and the jus cogens argument: a critical observation. *Padjadjaran Journal of Law*, 2018, no. 5 (1), pp. 70–88. DOI: <https://doi.org/10.22304/pjih.v5n1.a4>
30. Tomuschat C. The security council and jus cogens. In: E. Cannizzaro (ed.). *The present and future of jus cogens*. Roma: Sapienza Università Editrice, 2015. P. 7–97.
31. Sazonova K.L. K voprosu o sootnoshenii mezhdunarodnyh prestuplenij gosudarstva, norm jus cogens i obyazatel'stv erga omnes [Revisiting the problem of interconnection of international crimes of jus cogens and obligations erga omnes]. *Pravo i politika*, 2013, no. 9, pp. 1175–1181.
32. Skuratova A. Yu. Mezhdunarodnye prestupleniya: sovremennye problemy kvalifikatsii [International crimes: modern issues of qualification]. Moscow: Norma Publ., 2012. 60 p.
33. Sazonova K.L. Obyazatel'stva erga omnes i normy jus cogens v mezhdunarodnom prave: konceptual'noe oformlenie i pravoprimeritel'naya praktika [Obligations erga omnes and jus cogens rules in international law: conceptual formalization and practice]. *Gosudarstvo i pravo*, 2014, no. 11, pp. 72–79. ISSN: 0132-0769.
34. Martin F. Delineating a hierarchical outline of international law sources and norms. *Saskatchewan Law Review*, 2002, no. 65, pp. 333–368.

35. Criddle E.J., Fox-Decent E. A fiduciary duty of jus cogens. *Yale Journal of International Law*, 2009, no. 34, pp. 331–388.

36. Villalpando S. L'émergence de la communauté internationale dans de la responsabilité des États. Paris: Graduate Institute Publ., 2005. 466 p. DOI: <https://doi.org/10.4000/books.iheid.1154>

37. Tomuschat C., Thouvenin J.-M. The fundamental rules of the international legal order. Leiden; Boston: Martin Nijhoff, 2006. 471 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004149816.i-472>

38. Pellet A. Conclusions. In: Ch. Tomuschat, J.-M. Thouvenin (eds.). The fundamental rules of the international legal order. [S. l.], 2006. P. 417–424. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004149816.i-472.100>

Информация об авторах / Information about the authors

Л.В. Вереина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, МГИМО МИД России (Москва, Российская Федерация),

✉ vereinalarisa@mail.ru; SPIN: 6609-1351, <https://orcid.org/0000-0002-4490-9916>

L.V. Vereina – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law, MGIMO MFA of Russia (Moscow, Russian Federation).

И.И. Синякин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, МГИМО МИД России (Москва, Российская Федерация),

✉ interlawmgimo@mail.ru; SPIN: 4599-0747, <https://orcid.org/0000-0002-8899-4219>

I.I. Sinyakin – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law, MGIMO MFA of Russia (Moscow, Russian Federation).

А.Ю. Скуратова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, МГИМО МИД России (Москва, Российская Федерация),

✉ a.skuratova@inno.mgimo.ru; SPIN: 7825-9117,

<https://orcid.org/0000-0001-8513-8719>

A.Yu. Skuratova – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law, MGIMO MFA of Russia (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 12.10.2024;

одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;

принята к публикации / accepted 25.02.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 159–167.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 159–167.

Научная статья

УДК 343.378

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/159-167>

О перечне составов преступлений, именуемых «таможенными»

Павел Николаевич Спирин

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

✉ pn.spirin@gmail.com

Аннотация. Цель настоящего исследования – определить, какой перечень составов преступлений следует относить к группе преступлений в сфере таможенного дела. При исследовании авторских позиций по обозначенному вопросу обнаружено, что учёными берутся в учёт различные критерии при определении перечня преступных деяний: нарушение норм таможенного законодательства, возможность выявления преступлений должностными лицами таможенных органов, уголовно-процессуальная компетенция, объект преступного посягательства. В ходе их анализа установлено, что самым точным является последний из вышеприведённых критериев. Кроме того, автором статьи отмечен дополнительный признак выделения группы таможенных преступлений, заключающийся в независимости направленности посягательства на сферу таможенных правоотношений от способа, места, обстановки совершения преступления, что особо актуально для составов преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями 189, 193, 193¹ УК РФ. С учётом изложенного автором сделан вывод о том, что к категории таможенных относятся преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями 190, 194, 200¹, 226¹, 229¹ Уголовного закона.

Ключевые слова: таможенные преступления, преступления в сфере таможенного дела, перечень статей, УК РФ, составы преступлений

Для цитирования: Спирин П.Н. О перечне составов преступлений, именуемых «таможенными» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 159–167.

On the list of crimes referred to as ‘customs’ crimes

Pavel N. Spirin

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

✉ pn.spirin@gmail.com

Abstract. The purpose of this study is to determine which list of crimes should be classified as a customs crimes. During researching various views on this issue, it was found out that scientists take into account different criteria when determining the list of criminal acts: violation of customs legislation, the possibility of detecting crimes by customs officials, criminal procedural competence and the object of criminal encroachment. Their analysis has discovered that the latter of the above criteria is the most accurate. Besides, the author of the article noted an additional feature of the identification of a group of customs crimes, which consists in the independence of the direction of encroachment on the sphere of customs relations on the method, place, and environment of the commission of the crime, which is especially relevant for crimes responsibility for the commission of which is provided for in Articles 189, 193, 193¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the above, the author concludes that the category of customs crimes includes the crimes, the responsibility for which is stipulated by articles 190, 194, 200¹, 226¹, 229¹ of the Criminal Law.

Keywords: customs crimes, crimes in the field of customs affairs, list of articles, Criminal Code of the Russian Federation, types of crimes

For citation: Spirin P.N. On the list of crimes, referred to as ‘customs’ crimes. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 159–167. (In Russ.).

Труды, посвящённые изучению таможенных преступлений, хоть и не являющихся законодательно закреплённой группой преступлений, тем не менее занимают заметное место в доктрине уголовного права. В одних случаях объектом исследования выступает вся совокупность таможенных преступлений как комплексное негативное явление в современной правовой действительности, в других случаях взор учёных приковывают отдельные составы указанной группы преступлений, в частности контрабанда, уклонение от уплаты таможенных платежей, а также иные общественно опасные противоправные деяния, посягающие на установленный порядок перемещения товаров через таможенную и (или) государственную границу.

Между тем учёные, вполне признавая обоснованность выделения данной группы преступлений на теоретическом уровне, в едином мнении относительно перечня составов преступлений, в неё входящих, не сходятся. Указанное вызвано в том числе

разнородностью подходов к определению основополагающих признаков, позволяющих отграничивать преступления в сфере таможенного дела от иных смежных противоправных деяний.

Для разрешения вышеобозначенного проблемного вопроса исследуем соответствующие авторские позиции.

Д.У. Балгимбеков и А.С. Казиев разделяют преступления, которые могут быть выявлены таможенными органами, на «традиционные» и «сопутствующие». При этом критерием для осуществления указанной классификации выступает то, на какие правила или нормы посягает преступное деяние. Для первой группы характерным является непосредственно нарушение требований таможенного законодательства, в связи с чем авторами в неё включены составы преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 189, 190, 193, 193¹, 194 Уголовного закона, а также контрабандные составы преступлений (ст. 200¹, 200², 226¹, 229¹ Кодекса). Ко второй группе исследователями отнесены преступления, которые непосредственно не связаны с нарушением таможенных правил, но которые могут быть выявлены таможенными органами в ходе осуществления таможенного контроля (ст. 171, 174, 180, 285, 290, 291 УК РФ и т.д.) [1, с. 21].

Аналогичной концепции придерживаются С.В. Воробьева [2, с. 283], Н.И. Крюкова и Е.Н. Арестова [3, с. 110].

Со своей стороны, считаем подход, связанный с делением преступлений на «таможенные» и «околотаможенные», не совсем оправданным по следующему ряду причин.

Во-первых, вышеперечисленные сопутствующие преступления выявляются не только таможенными органами в ходе осуществления своей деятельности. Так, например, взяточничество (ст. 290, 291 УК), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК), а также иные преступления, направленные против государственной власти и интересов государственной службы, могут быть в равной мере выявлены, например, оперативными подразделениями Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности в ходе реализации возложенных на них функций, что не позволяет утверждать об их исключительно «околотаможенном» характере.

Во-вторых, данная группа преступлений не обязательно сопутствует противоправной деятельности в сфере таможенного дела. Взяточничество, превышение должностных полномочий и иные должностные преступления имеют место в любой сфере осуществления лицами властных полномочий, в связи с чем они могут быть отнесены к большинству имеющихся в Уголовном законе групп преступлений с приставкой «около-». Однако при изложенном подходе пропадает исключительный критерий, характерный признак, позволяющий рассуждать о таможенных преступлениях как об отдельной группе преступных деяний, обладающих своей спецификой.

Учитывая изложенное, считаем справедливым и корректным ограничивать таможенные преступления от других по объекту посягательства, в результате чего к указанной группе преступлений мы будем относить только те составы преступлений, совершением которых причиняется ущерб правоотношениям, входящим в предмет регулирования таможенного законодательства.

Также в научной литературе достаточно часто встречается выделение группы таможенных преступлений на основании уголовно-процессуальной компетенции таможенных органов.

Например, Д.А. Постнова в качестве одного из обязательных признаков, которыми обладают таможенные преступления, выделяет возможность осуществления таможенными органами дознания и проведения неотложных следственных действий и приравнивает поименованный в уголовно-процессуальном законодательстве перечень статей УК к категории таможенных преступлений [4, с. 14].

Схожего подхода придерживаются В.А. Авдонин [5, с. 17] и Н.А. Кудряшова [6, с. 357–358].

Действительно, на момент проведения Д.А. Постновой диссертационного исследования (2006 год) к указанной категории дел, по которым таможенные органы обладали уголовно-процессуальной компетенцией, фактически были отнесены составы преступлений, посягающие (в той или иной мере) на установленный порядок перемещения товаров через таможенную границу – ст. 188, 189, 190, 193, 194 Уголовного кодекса РФ.

Однако в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством производство в форме дознания осуществляется дознавателями таможенных органов по уголовным делам, возбуждённым по факту совершения преступлений, предусмотренных частью первой статьи 193, частью первой статьи 193¹, частями первой и второй статьи 194, частью первой статьи 200¹, частью первой статьи 226¹ Уголовного закона (пункт 9 части 3 статьи 151 УПК РФ). Неотложные следственные действия проводятся должностными лицами таможенных органов по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 173¹, 173², 174, 174¹, 189, 190, частью второй статьи 193, частями второй и третьей статьи 193¹, частями третьей и четвёртой статьи 194, частью второй статьи 200¹, частями первой, второй и третьей статьи 226¹, а также статьёй 229¹ УК России (пункт 3 части 2 статьи 157 УПК РФ).

В.В. Витюк, критикуя данный подход, указывает, что определённая уголовно-процессуальным законодательством компетенция таможенных органов в принципе не может рассматриваться в качестве критерия для отнесения тех или иных составов преступлений к таможенным или нетаможенным, так как она лишь определяет, какие составы преступлений являются «подследственными» данным органам. В каче-

стве примера автор приводит часто используемую при контрабанде подделку документов, ответственность за которую предусматривает статья 327 Уголовного закона, таможенным преступлением не являющаяся и к компетенции таможенных органов не отнесённая [7, с. 115].

Согласимся с позицией В.В. Витюка, однако отметим, что, на наш взгляд, состав преступления, приведённый исследователем, является не совсем удачным. Во-первых, в соответствии с абзацем 3 пункта 8 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» подделка документов охватывается составом преступления, предусматривающим ответственность за контрабанду, и дополнительной квалификации в случаях незаконного изготовления документов третьими лицами не требует. Во-вторых, автору в целях аргументирования своей позиции необходимо было привести в качестве примера состав преступления, отнесённый к компетенции таможенных органов, но не являющийся таможенным, либо же состав преступления, по которому таможенные органы не уполномочены осуществлять производство в форме дознания или проводить неотложные следственные действия, но посягающим на установленный порядок перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу. В противном случае не отнесенный к компетенции таможенных органов нетаможенный состав преступления никоим образом не демонстрирует зависимость причисления тех или иных составов преступлений к группе таможенных от уголовно-процессуальной компетенции таможенных органов.

В первом случае, по нашему мнению, в пример можно привести статью 173¹ УК, предусматривающую ответственность за незаконное образование юридического лица, во втором – статью 180 УК России, предусматривающую ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров. Здесь стоит пояснить, что указанный состав возможно отнести к категории таможенных преступлений в случае, например, ввода в гражданский оборот контрафактной продукции, маркированной общеизвестными товарными знаками, путём их ввоза на таможенную территорию ЕАЭС. Однако такое отнесение в рассматриваемом случае будет носить условный характер.

Учитывая изложенное, компетенция таможенных органов по производству дознания, а также неотложных следственных действий, по нашему мнению, не может рассматриваться в качестве основания отнесения составов преступлений к группе таможенных.

В.Г. Беспалько, относя составы преступлений, предусмотренные статьями 189, 190, 193, 193¹, 194, 200¹, 200², 226¹ и 229¹ УК РФ, к категории таможенных, руководствуется такими критериями, как постоянная связь совершения указанных преступлений с нарушением таможенного законодательства, регламентирующего порядок

перемещения товаров через таможенную границу, единство норм таможенного законодательства, подлежащих применению в ходе правовой квалификации данных преступлений, сопряжённость указанных противоправных деяний с перемещением товаров через границу [8, с. 68–69].

По своей сути, все обозначенные критерии проистекают из единства объекта посягательства таможенных преступлений, что, по нашему мнению, является ключевым критерием выделения различных групп преступлений, в том числе и таможенных, ввиду чего поддержим избранный исследовательский подход к обособлению составов преступлений в исследуемую группу.

Однако позволим себе не согласиться с самим перечнем статей, включённых учёным в группу преступлений в сфере таможенного дела. Так, представляется спорным отнесение статей 189, 193, 193¹ Уголовного закона к таможенным преступлениям на основании следующего.

Исходя из диспозиции статьи 193 УК России, уголовная ответственность по данной статье наступает в случае неисполнения резидентами Российской Федерации законодательно установленной обязанности по зачислению причитающихся денежных средств на счета в банках. При этом, как следует из статьи 19 Федерального закона от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», данное обязательство по возврату финансовых активов возникает у резидентов в рамках исполнения внешнеэкономических договоров (контрактов), предметом которых являются: поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг, передача информации, результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительных прав на них.

Как мы видим, утверждать о том, что данным правонарушением затрагивается сфера таможенных правоотношений, можно только в случае неисполнения обязательств, вытекающих из договоров (контрактов) на поставку товаров, поскольку выполнение работ, оказание услуг, передача информации с перемещением товаров через таможенную границу не связаны и не входят в круг правоотношений, являющихся предметом таможенного регулирования в соответствии с пунктом 1 статьи 1 Таможенного кодекса ЕАЭС.

Причём и в рассматриваемой ситуации о нарушении требований таможенного законодательства говорить приходится не во всех случаях, поскольку противоправное неисполнение рассматриваемой обязанности в зависимости от легальности перемещения товаров законодателем не ставится, вследствие чего лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по анализируемой статье и при вполне законной поставке товаров через таможенную границу ЕАЭС.

Иными словами, неисполнение резидентом РФ обязанности, описанной в диспозиции статьи 193 УК РФ, проявляется в нарушении валютного, но не таможенного законодательства.

Аналогичные доводы о «нетаможности» можно привести и в отношении составов преступлений, предусмотренных статьями 189, 193¹ УК РФ, поскольку незаконная передача товаров, технологий, вооружения, выполнение работ, оказание услуг, в отношении которых установлен экспортный контроль, а также совершение валютных операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов с представлением банковским учреждениям подложных документов не всегда связаны с перемещением товаров через таможенную границу.

Таким образом, по нашему мнению, к группе таможенных преступлений следует относить только такие, в ходе или в результате совершения которых причиняется ущерб сфере таможенных правоотношений вне зависимости от способа, места, обстановки совершения преступления, а также каких-либо иных уголовно-правовых условностей.

На основании изложенного можно выделить следующие основополагающие признаки, позволяющие утверждать о наличии в правовой действительности группы преступлений, именуемых «таможенные»:

- включённость объекта преступления в предмет таможенного регулирования;
- независимость направленности преступного посягательства на таможенные правоотношения от признаков объективной стороны состава преступления.

Руководствуясь сформулированными критериями, мы можем утверждать, что к группе таможенных относятся преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 190, 194, 200¹, 226¹, 229¹ УК РФ.

Список источников

1. Балгимбеков Д.У., Казиев А.С. Таможенные преступления // Вопросы науки и образования. 2019. № 6 (52). С. 20–23.
2. Воробьёва С.В. Некоторые вопросы борьбы с таможенными преступлениями // Актуальные проблемы государства и права. 2021. № 18. С. 281–295. DOI: <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-18-281-295>
3. Крюкова Н.И., Арестова Е.Н. Квалификация и расследование преступлений в сфере таможенного дела. М.: Юрайт, 2023. 223 с.
4. Постнова Д.А. Развитие теоретико-правовых и организационных основ международного сотрудничества таможенных органов Российской Федерации при выявлении и расследовании таможенных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2006. 30 с.
5. Авдонин В.А. Свойства личности и их криминалистическое значение в выявлении и изучении лиц, совершивших таможенные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Люберцы, 2015. 29 с.
6. Кудряшова Н.А. Контрабанда как один из видов преступлений в таможенной сфере в период пандемии // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 27. С. 357–360.

7. Витюк В.В. Понятие и общая характеристика таможенной преступности в Российской Федерации // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2022. № 4 (101). С. 103–121. DOI: <https://doi.org/10.24412/1815-0683-2022-4-103-121>

8. Беспалько В.Г. Институционализация таможенных преступлений в Российском уголовном праве (теоретико-правовой аспект) // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 4. С. 66–75.

References

1. Balgimbekov D.U., Kaziev A.S. Tamozhennye prestupleniya [Customs crimes]. *Voprosy nauki i obrazovaniya*, 2019, no. 6 (52), pp. 20–23.

2. Vorobyeva S.V. Nekotorye voprosy bor'by s tamozhennymi prestupleniyami [Some issues of combating customs crimes]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava*, 2021, no. 18, pp. 281–295. DOI: <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-18-281-295>

3. Kryukova N.I., Arestova E.N. Kvalifikatsiya i rassledovanie prestuplenii v sfere tamozhennogo dela [Qualification and investigation of crimes in the field of customs affairs]. Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. 223 p.

4. Postnova D.A. Razvitie teoretiko-pravovykh i organizatsionnykh osnov mezhdunarodnogo sotrudnichestva tamozhennykh organov Rossiiskoi Federatsii pri vyyavlenii i rassledovanii tamozhennykh prestuplenii [Development of the theoretical, legal and organizational foundations of international cooperation between the customs authorities of the Russian Federation in the detection and investigation of customs crimes]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2006. 30 p.

5. Avdonin V.A. Svoistva lichnosti i ikh kriminalisticheskoe znachenie v vyyavlenii i izuchenii lits, sovershivshikh tamozhennye prestupleniya [Personality traits and their criminalistic significance in the identification and study of persons who have committed customs crimes]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Lyubertsy, 2015. 29 p.

6. Kudryashova N.A. Kontrabanda kak odin iz vidov prestuplenii v tamozhennoi sfere v period pandemii [Smuggling as one of the types of crimes in the customs sphere during the pandemic]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2021, no. 27, pp. 357–360.

7. Vityuk V.V. Ponyatie i obshchaya kharakteristika tamozhennoi prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii [The concept and general characteristics of customs crime in the Russian Federation]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*, 2022, no. 4(101), pp. 103–121. DOI: <https://doi.org/10.24412/1815-0683-2022-4-103-121>

8. Bepalko V.G. Institutsionalizatsiya tamozhennykh prestuplenii v Rossiiskom уголовном праве (teoretiko-pravovoi aspekt) [Institutionalization of customs crimes in Russian criminal law (theoretical and legal aspect)]. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, 2015, no. 4, pp. 66–75.

Информация об авторах / Information about the authorss

П.Н. Спирин – аспирант Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация)

✉ pn.spirin@gmail.com

P.N. Spirin – Postgraduate Student at the Law School, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 05.05.2024;

одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;

принята к публикации / accepted 05.03.2025.

ДЛЯ ЗАМЕТОК